

"Попутчик (ЛП)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Роберт и Джино Сальваторе

«Попутчик»

Маме и папе

— Дж. С.

Часть первая

Приближавшиеся шаги эхом отдавались от множества неровностей небольшой пещеры, в которой я оказался. Из всех сил я постарался сесть, но только повалился на плечо, которое отозвалось тупой болью. Грубая веревка, связывавшая руки, саднила запястья. Сквозь огромную щель, образованную поломанной старой деревянной дверью и каменным полом, пробился мерцающий свет. Это был первый свет, виденный мной за последние несколько часов.

Дверь со скрипом отворилась.

В проходе стоял человек, озаряемый светом факела, который он держал в левой руке. Этот свет заставлял передвигаться по его лицу темные тени, особенно ту, что пролегла от полей широкой черной шляпы. Правый глаз человека закрывала широкая черная повязка.

Мужчина вошел, прихрамывая на одну ногу. Я быстро понял причину: его правая нога заканчивалась чуть ниже колена, замененная обветренным деревянным протезом.

Войдя, он притворил за собой дверь и вытащил еще один факел из петли на поясе. Запалив его, он поместил оба факела в подсвечники, установленные по обе стороны от двери. Света все еще было недостаточно, и по комнате плясали темные тени. Однако теперь я, по крайней мере, мог видеть.

Старый пират повернулся ко мне. Огни факелов освещали его черный силуэт, от чего он казался порождением тени. Его рука двинулась к кортику, висевшему на поясе, и я вздрогнул.

— Ты моряк, не так ли, мальчик? — спросил он. — Морской бриз не чужд твоей коже. Как и солнце. Но тебе далеко до меня, — он разгладил свою морщинистую, изъеденную морем, кожу, которая натянулась под его рукой. — Но все впереди. Так расскажи мне, маленький моряк, как давно ты плаваешь по морю?

Я подавил желание ответить. Этот взгляд, застывший в его глазах. Я знал, что он убьет меня. Мне часто рассказывали о пиратах. Беспощадных, кровожадных преступниках — убийцах и ворах. Того, кто попадал к ним в руки, ждала только смерть, если, разумеется, не было кого-то, кто готов был заплатить выкуп. Я видел это лично.

Пират угрожающе потряс саблей и посмотрел прямо мне в глаза.

— Ты думал, я приду с клинком наголо и просто зарежу тебя, да, мальчик? — спросил он. — Но мы могли сделать это, когда взяли твой корабль. Для нас не было бы проку тащить тебя весь этот путь только ради того, чтобы убить.

Я покачал головой.

— Я не думал, что вы просто убьете меня. Я ждал, и до сих пор жду, что вначале вы зададите мне вопросы, — я снова сглотнул, пытаясь унять дрожь в голосе. — Но вы все равно не узнаете от меня ничего полезного.

Пират медленно обнажил меч.

— Должен ли я убить тебя сейчас? Если ты не в состоянии принести мне пользу, конечно, — он рассмеялся. Несколько друзей, сидевших вокруг костра и обменивавшихся выпивкой, подхватили его хохот. — Ладно. Как тебя зовут?

— Зовут? — я был готов к вопросам. Но не к таким. Откинувшись на стену пещеры, я сел прямее. Я знал, что должен делать.

— Твое имя, мальчик. Это простой вопрос, — пират криво улыбнулся. Часть его зубов сверкала золотом, часть — вовсе отсутствовала.

— Мое имя никогда не произносится само по себе, — сказал я дрожащим голосом. — Только вместе с историей. Сказкой об артефакте — привязанном к моей душе не из-за храбрости, героизма или благодаря моим собственным усилиям. Артефакте, который вел меня от одного приключения к другому, оставляя за собой след разрушений.

Я долгое время смотрел на грязного пирата, заставляя мой внутренний взор вернуться к старым дорогам, которые я так старался забыть.

Глава первая

Я не знаю, каким именем нарекла меня моя мать.

Не знаю, потому что все, кто мог рассказать мне об этом — мертвы. Они убиты темным существом, демоном, которого называют Эсбил, спустя считанные дни после того, как я явился в этот мир.

Я был сиротой, покуда не встретил Перро. Но минул мой двенадцатый день рождения, и я снова остался один.

Перро неподвижно лежал на гостиничной кровати. Я отправился за помощью, но так и не нашел её. Только Эсила.

— Где ты, мальчик?

Мальчик... мальчик... мальчик...? Его голос отражался от стен. Он сотрясал бревна домов, стоящих в той части города, и заставлял землю дрожать под моими ногами. Я окинул взглядом толпу, собравшуюся на рынке, ожидая, что люди замечутся в панике. Ибо как жители Врат Бальдура могут не реагировать на шум?

Но... ничего не случилось. Этот голос слышал только я? Неужели какая-то демоническая магия направляла его только в мои уши?

Мальчик... мальчик... мальчик...? Я не мог понять, откуда идет голос.

Судорожно, я метался туда-сюда, ища какую-нибудь подсказку, какое-то место, чтобы спрятаться. Человек, прислонившийся к двери кабака, оглядел меня сверху донизу. Очевидно, он решил, что я свихнулся. Быть может, он был прав.

Отголоски эха становились все громче.

Мальчик... мальчик... мальчик...!

Я бросился вниз по улице, проходившей мимо таверны, и уставился на небо. В тот момент все звуки слились в один жуткий грохот, который едва не сбил меня с ног.

Эсбил стоял в ста шагах от меня. На высоте тридцати футов. Я мог видеть огонь, горящий в его глазах, и блеск белых зубов.

Я знал — и это осознание будто погружало меня в холодную — что Эсбил тоже видит меня.

Я попытался бежать, но не смог. Казалось, словно мои ноги придавлены к земле весом огромного булыжника.

Эсбил спрыгнул с крыши, приземляясь с такой силой, что он едва согнул свои ноги, чтобы уменьшить энергию падения. Здания и земля вокруг нас заходили ходуном, и даже человек, стоявший у таверны, вскрикнул. Теперь я знал, что мне не показалось.

Но как такое могло быть? Эсбил был не больше эльфа. Демон был гибким и жилистым существом, которое, казалось, весило не больше меня самого. Происходящее было невероятным, но оно происходило.

Шок, испытанный мною от прыжка демона, казалось, заставил булыжник, приклеившийся к моим ногам, откатиться прочь. Он вывел меня из собственного ступора. Не знаю, как. Да и какая разница. Я просто развернулся и побежал, спасая собственную жизнь.

Не сделав и четырех шагов по улице, я споткнулся и упал, сдирая колени и ударяясь руками о землю. Однако прежде чем я успел посетовать на собственную неуклюжесть, над моей головой пронесся огромный ящик, который разлетелся на куски, падая прямо передо мной.

Я оглянулся как раз вовремя, чтобы увидеть Эсбила, поднимающего очередной ящик, словно тот был не тяжелее детского тряпичного мячика. Демон рассмеялся, когда его импровизированный снаряд полетел прямо в меня. Я смог лишь вскрикнуть, отшатнувшись в сторону, когда ящик разлетелся вдребезги на том месте, где я стоял всего мгновение назад.

— Эй, сюда! — закричал человек у таверны. Еще мужчина появился из-за двери, чтобы посмотреть, что происходит.

Во рту у меня пересохло, а сердце упало. Я захотел крикнуть им, сказать им бежать, возвращаться внутрь, но я не мог. У меня не было ни сил, ни мужества.

Я просто бросился бежать.

Зверь понесся следом, и земля за моей спиной задрожала от его шагов. Но вот грохот землетрясения смолк, сменяясь криками.

Я зажал уши, но не смог заглушить вопли. Не зная, куда бегу, я поворачивал за каждый угол, попадавшийся на моем пути, желая просто спрятаться от Эсбила.

Земля снова задрожала, и я знал, что демон мчится за мной. Когда я свернул на одну из главных улиц города, дрожь земли стала сильнее. Я слышал, как чешуйчатые лапы демона топают по булыжникам. Он готов был в любой момент схватить меня, чтобы разорвать на

части!

Я сказал себе, что должен достать стилет Перро, использовать его магию, превращая в меч, и ударить монстра прямо в сердце.

Я должен... Мне казалось, я должен. Но я не мог.

Морда Эсбила вспыхнула перед моими глазами, злая, отвратительная, голодная. Лишь мысли о ней заставили мои ноги подкоситься, а сердце — уйти в пятки.

Приблизившись к перекрестку, я заметил четырех огромных лошадей, запряженных в телегу. Упряжь свернула в мою сторону. Но я не мог остановиться.

Кучер кричал и изо всех сил тянул поводья.

Лошади жалобно заржали, пролетая мимо меня. Я бросился вперед, протискиваясь между передними колесами, и выбираясь на другую сторону между двумя задними как раз в тот момент, когда кучер остановил вагонетку.

— Мальчик? Ты там помер? — закричал он.

Мне удалось ответить:

— Нет!

Прежде, чем я рванул дальше.

Не успел я сделать и десяти шагов, как позади донесся взрыв. Это Эсбил врезался прямо в вагонетку. Я мог представить себе, как рассыпается транспорт. Как дико разлетаются вокруг фрукты, которыми он был гружен. Я слышал, как удивленно вскрикнул кучер. Я слышал, как лошади заржали от боли и ужаса.

Завернув за угол, я обернулся, чтобы увидеть, как одна из лошадей нанесла Эсбилу удар в грудь, заставляя демона отлететь назад. Он ударился о стену и запнулся, но не упал.

Я вскрикнул и побежал. Демон изменил направление своего гнева — и я услышал больше криков.

Свернув на новую мощеную камнем улицу, я наконец понял, где нахожусь.

Мне удалось добраться до сердца храмового квартала Врат Бальдура. Массивные строения, возвышавшиеся вокруг, заставляли меня чувствовать себя совсем маленьким. Это были храмы, посвященные многочисленным богам Фаэруна. Горгульи и статуи смотрели на меня сверху вниз, плотоядно скалясь или иронично и бессмысленно улыбаясь.

Голос демона раздался снова. Теперь он был дальше, полный еще большей ярости — эхо, которое никогда не стихнет.

— Тебе не спрятаться, мальчик, — говорил он. — Падай и дай поймать себя.

Но за этим ужасным зовом раздался другой голос, женский, идеальный и чистый, словно звук рожка в тумане. Он казался лишь шепотом, но я отчетливо слышал его.

Беги же, следуй зову своего сердца.

Несмотря на боль, разрывавшую мою грудь и колени, голос женщины подбодрил меня.

Я помчался по направлению к солнцу, освещавшему городской пейзаж. Голоса в моей голове слабели и слабели, и мой страх стал значительно меньше того, что недавно чуть не уничтожил меня. Я чувствовал, что снова могу владеть собой, понимая, что меня окружает. И потому замедлил шаг.

Пока я пытался восстановить дыхание, кожаная перевязь, спрятанная под рубашку, впилась в мое плечо так, словно была сделана из толстых цепей. На ней висела сумка, а в сумке лежал камень. Темный, словно ночь, и весивший больше, чем могло показаться при взгляде на его небольшой размер.

Эта штука была со мной всего десять дней — подарок Перро — и уже успела причинить больше горя, чем я мог представить. Она принесла гибель всем, кого я знал. И если бы я не нашел способа бежать от Эсбила, моей жизни тоже настал бы конец.

Стоя на кривой улице, я огляделся по сторонам. Тени становились гуще. Скоро наступит тьма. Мне совсем не улыбалось провести ночь под открытым небом в одиночестве. Еще меньше мне хотелось столкнуться ночью с Эсбилем.

Но куда мне идти? Я уже подумывал о том, чтобы возвратиться в Пустую Кружку, гостиницу, где я оставил Перро несколько часов назад. Хозяин, сумасшедший старый гном по имени Элвис, будет плавать за стойкой бара или по комнате на одном из своих синих дисков. Клиенты будут хватать кружки с медом, как только пожелают, а затем отправятся к барной стойке, платя звонкой монетой, чтобы наполнить их снова.

В комнате позади таверны я найду Перро. На мгновение мне захотелось помчаться в гостиницу, произнести пароль, войти в комнату и позволить Перро сказать мне, что делать. Но Эсбил, несомненно, придет в Пустую Кружку, чтобы найти меня. А я слишком плохо знаю этот город, потому не смогу хорошенько спрятаться. У меня нет выбора. Я должен оставить Врата Бальдура без друга. Вопрос был лишь в том, как это сделать.

С высокого холма, на котором располагался храмовый квартал, я мог видеть весь длинный спуск к шумному порту и причалу в его конце. Последний корабль только вплывал в город. Я наблюдал, как он разрезает воды реки. Маленький флаг на вершине грот-мачты развевался на ветру. Мне стало легче дышать.

План уже созрел в моей голове.

Глава вторая

Я пробрался через внутренний город, и спустился к реке, где стал дожидаться наступления утра. Расположившись в кучи ящиков, разложенных в конце длинного причала, я не спал всю ночь. Мое сердце вздрагивало от каждого шороха, ведь я боялся, что это Эсбил обнаружил меня.

Наконец взошло солнце, и я почувствовал себя достаточно уверенным, чтобы выползти из своего укрытия. Многие из тех кораблей, что я видел стоявшими на якоре накануне вечером, уже ушли, отчаливая с первыми лучами солнца. На борт тех, что все еще стояли в порту, поднимались толпы матросов.

Я должен был выждать.

Ветер, дувший в море с востока, был сильным. Несмотря на это, воздух был теплым, приятно овеявая мое лицо.

Я был уверен, что ни один корабль не войдет в порт при таком ветре, поэтому, если я хотел осуществить свой план — мне нужно было выбрать один из уже пришвартованных. Был отличный день для начала путешествия, и потому я не сомневался, что большинство кораблей выйдут из гавани прежде, чем ветер изменит свое направление. Мне лишь нужно было выбрать тот, на чьем борту я желал спрятаться.

Следуя вдоль причала, я продвигался в сторону города. Внезапно что-то привлекло мое внимание. Еще бы. Корабль плыл вверх по реке, против течения и дующего ветра. Он мощно и плавно лавировал, словно все было в порядке, как и должно было быть. Словно только так и должно было быть.

Словно загипнотизированный, я некоторое время следил за таинственным кораблем, который направлялся к городу. Через некоторое время появилась небольшая группа людей, спешащая вдоль доков. Несколько охранников и пухлый человечек с небольшой стопкой бумаг — начальник порта.

Я догадался, что они прибыли затем, чтобы зарегистрировать вновь прибывших.

Затем я увидел, как они собрались у подножия причала, на котором я находился.

Присев за один из ящиков, стоящих у пристани, я молился, чтобы они не заметили меня.

Корабль прекратил свое скольжение и опустил парус, медленно входя в доки. Имя шхуны, Морская Фея, было написано на её носу изящными наклонными буквами. И куда-бы не упал мой взгляд — везде она была маленькой, гладкой, в отличном состоянии, выглядя идеально для путешествий в открытых водах.

Впереди возвышался человек, одетый в прекрасные одежды — как я понял, это был капитан. Рядом с ним маячил великан, огромный, с длинными золотистыми волосами, сверкавшими в лучах утреннего солнца. С ним же стоял необычный эльф.

Мой взгляд остановился на нем. Что-то в эльфе было не так. Что-то в его поведении. Он был похож на обычного солнечного эльфа, с золотистой кожей и светло-каштановыми волосами, но было похоже, что ему не слишком комфортно в этой шкуре. На мгновение, мне подумалось что он — еще один приспешник Эбила, и я едва не убежал.

Он посмотрел в мою сторону — взглянул прямо на меня, несмотря на все мои попытки спрятаться — и я снова увидел в его поразительных лавандовых глазах чувство дискомфорта. Этот эльф был другим, понял я, чувствуя, что вел себя, как дурак, связывая его с жестоким демоном.

Судно только что прибыло, и, скорее всего не выйдет в море в ближайшие десять дней. Команда хорошо заботилось о своей шхуне, а это значило — у неё был внимательный капитан и внимательный экипаж. Корабль был совсем маленьким. Спрятаться на нем было сложнее, чем на большом галеоне. Весь мой опыт и логика говорили мне, что нужно выбрать другой корабль.

Но эльф заинтриговал меня.

Прямо здесь и сейчас я решил, что поплыву прочь на борту этой шхуны. Все её недостатки — которые на самом деле были преимуществами — исчезли после взгляда в глаза странного эльфа.

— Эй, там, на Морской Фее! — крикнул начальник порта капитану. — За рулем — Дюдермонт?

Человек в капитанских одеждах крикнул в ответ:

— Он самый! Рад видеть тебя, Пеллмен!

Пеллмен, начальник порта, был похож на моряка. Кожа мужчины была изъедена солеными ветрами. Однако его форма говорила о сидячем образе жизни. Праздно шатаясь среди доков и делая свои заметки, он, вероятно, забирал достаточно провизии с торговых судов, которые причаливали здесь. Достаточно для того, чтобы наполнять свой огромный живот.

— рад встрече, капитан, — крикнул толстяк. — Никогда не видел подобной швартовки! Как долго планируете простоять?

— Два дня, а потом снова в море. И на юг, — ответил Дюдермонт.

Пеллмен закричал снова:

— Я ищу двух путешественников — ты, быть может, видел их? Дзирта До'Урдена и Вульфгара. Хотя они могут использовать и другие имена. Один маленький и странный — похож на эльфа. А второй — огромный и сильный. Сильнее любого живущего на земле!

Дюдермонт обернулся к своим спутникам, которые были скрыты от глаз начальника порта, быстро перебросившись с ними парой слов, прежде чем прокричать свой ответ.

— Это Вульфгар, тот, что сильнее любого живущего на земле, пришвартовал корабль!

Пока он говорил, Вульфгар, а затем и эльф — Дзирт До'Урден — вышли вперед, показывая себя Пеллмену.

Разговор помог мне узнать имя этих фиолетовых глаз, название корабля, а также то, что он отходит через два дня. Замечательно.

Быстро и плавно корабль был привязан к берегу. Команда выполняла свои обязанности в совершенстве. Морская Фея имела неглубокую осадку, и потому была пришвартована совсем близко к причалу. В этом я увидел свою возможность. Позади корабля была привязана лодка. Рассчитанная на двух человек, она использовалась, чтобы спуститься на берег там, где не было причала. Судно крепилось к кораблю с помощью канатов, прокинутых через небольшие отверстия. Дырки были слишком маленькими, чтобы в них мог пролезть человек.

Человек, но не я.

Я наблюдал за тем, как экипаж покинул корабль, начиная разгружать груз. Сидя в своем тайном убежище, я надеялся снова увидеть Дзирта, но он затерялся среди рабочих. Вульфгар, человек, в чьих венах, как мне казалось, должна была течь кровь гиганта, помогал суетившимся людям с борта, не спускаясь на берег. Минул полдень, и прежде, чем я понял, солнце покатило к западу. На сегодня работа была закончена, многие члены экипажа покинули доки, направляясь в таверны. Несколько стражников заняли свои позиции вдоль

борта корабля, чтобы следить.

Выждав, пока страж перейдет к дальнему борту, я быстро бросился вперед. Когда он вновь вернулся в кормовую часть, я оказался почти под ним. Но стражник не ждал проблем, а потому вряд ли даже не взглянул в мою сторону. Когда он снова отошел, я приступил к более сложной части моего плана.

Бок корабля был гладким, даже выше ватерлинии. Доски были плотно пригнаны друг другу, но мне удалось найти небольшие впадинки, чтобы поставить руки и подтянуться. Поднявшись на несколько футов, а затем аккуратно прополз вдоль задней части корабля, покуда не оказался рядом со шлюпкой. Мои пальцы болели от напряжения, и я чувствовал занозы, которые вонзились в кожу, но не мог отступить. Это судно было моей свободой, и я видел лишь один способ оказаться на его борту. Веревки, пропущенные через корпус, свободно болтались за бортом, свисая на три фута вниз. Я не мог забраться выше — корпус не был наклонен, и я больше не видел ниш, за которые мог бы зацепиться. Я должен был рискнуть.

Я подтянул ноги к груди, приготовившись оттолкнуться ими от борта корабля. Сделав глубокий вздох, чтобы успокоиться, я отпустил руки, отталкиваясь ногами. Разворачиваясь в воздухе, я направился к лодке. Мои руки коснулись борта корабля.

И я поскользнулся.

Мои руки соскользнули с маленькой лодки, моей единственной надежды на этом судне. Падая в воду, я отчаянно протянул руку, пытаюсь ухватиться за шлюпку, за корабль, за что-нибудь.

Моя рука ударилась о что-то твердое, и я уцепился за неизвестный предмет.

Это был ни корабль и ни лодка, но один из двух тросов, предназначенных для того, чтобы держать маленькую шлюпку. Он развязался — я понятия не имею, как, ибо морские узлы не имеют обыкновения развязываться — и упал прямо рядом со мной.

Веревка коснулась моей ладони, и я заскользил по ней. Изю всех сил, я вцепился в канат, отказываясь отпустить его.

Лодка опасно закачалась, и я решил, что она вполне может упасть, — если один канат развязался, ничто не мешало другому сделать то же самое, как могла веревка свисать с кормы. Через несколько мгновений я перестал бешено раскачиваться в воздухе, и медленно подтянулся вверх, направляясь к лодке. Руки саднило.

Добравшись до лодки, я понял, что мне повезло куда больше, чем я смел думать. Я хотел протиснуться в отверстие, предназначенное для веревки. Вблизи я понял, что могу сделать это, но только не тогда, когда завязанная веревка была прокинута через дыру. Однако благодаря развязавшемуся канату одно отверстие оказалось свободно, и я мог подтянуться до конца, таща канат с собой. Я связал его, попытавшись повторить узел на другой веревке. Наконец, лодочка была закреплена, и я спустился в трюм Морской Феи, куда никто не заходил. Вздохнув с облегчением, я подул на мои ноющие руки, пытаюсь унять боль — и передвинул несколько бочек, чтобы найти место для ночлега.

Глава третья

Следующие два дня я провел, исследуя место, в котором укрылся. Когда моряков не было в трюме, я бродил, находя бочки с сухофруктами и вяленным мясом. Припасов было достаточно, чтобы не умереть с голоду, но, дабы не быть замеченным, я мог стащить лишь немного из

каждой бочки.

Я не мог выбрать лучшего места, чтобы спрятаться. Я был далеко на корме, вдалеке от главного люка в трюм, в месте, заваленном ящиками. Все новые грузы, в основном — продукты питания, хранились в носовой части. На корме я обнаружил в основном товары на продажу, которые не станут разгружать, пока мы не зайдем в порт. Если повезет, к тому времени я уже окажусь подальше.

Это были экзотические и интересные предметы — бочка с редкой черной специей, похожей на землю, растертую в мелкий порошок, ящики с фигурками, высеченными из материала, похожего на слоновую кость и ящики с солью.

За два дня, проведенных в порту, я пытался не думать о Перро, как и о том, что с ним произошло. Но ночью эти мысли преследовали меня во снах. Я ворочался в своей импровизированной кровати, то и дело просыпаясь от кошмаров, что преследовали меня. Мне очень хотелось подняться на палубу, чтобы посчитать звезды. Совсем как учил меня Перро, когда мне было шесть лет. И я не мог заснуть. Это был единственный известный мне способ успокоиться, но я не осмеливался покинуть трюм. И поэтому я оставался там, днем и ночью, молясь о том, чтобы время шло быстрее, и корабль скорее отчалил.

Сначала мое одиночество было почти невыносимым, но потом я нашел бочку с керамическими шариками. Каждый из них был с мой кулак. Эти штучки стали моим единственным развлечением. Я крутил их, наблюдая, как они движутся, раскачиваясь в такт кораблю. Я жонглировал, подбрасывая в воздух три или четыре штуки за раз и ловя их друг за другом. Я даже играл с крысами, пытаюсь попасть шариком в зверька прежде, чем тот замечал, что ему угрожает опасность и успевал метнуться прочь. Игра помогала мне держать мысли занятыми, хотя я ни разу не ударил ни единой крысы.

На третий день я проснулся от шума, доносившегося сверху. Корабль раскачивался сильнее. Я метнулся к отверстию от каната — моему единственному окну во внешний мир, и выглянул наружу. Врата Бальдура уплывали вдаль.

За городом поднималось солнце. Оно казалось мне больше, чем прежде. Оно словно охватило весь город, огромный город, который так впечатлил меня в первый раз. Я смотрел на этот прекрасный восход, но не мог не заметить тьмы под ним. Город, оставшийся позади, был потерян. Как был потерян и Перро.

Берег отчетливо виднелся вдали за нами

Мы плыли вниз по реке Чионтар. Пройдя устье реки, мы вышли в открытый океан, направляясь на юг, держась под углом к порту. Земля виднелась позади и слева от нас. Растянувшись длинной линией параллельно нашему курсу. Когда солнце стало клониться к западу, мы снова повернули, уходя дальше в океан. В тот день я только и делал, что смотрел на море, даже не думая играть с крысами и шариками.

Весь день я прятался, ожидая, пока команда отправится по койкам, располагавшимся на палубе прямо над трюмом. Как только наступила ночь — я крадучись выбрался на верхнюю палубу.

В этот момент я подумал, что если кто-то поймает меня здесь, в море, он едва ли сможет что-то со мной поделать. Возможно, они могли бы посадить меня скрести кастрюли в кампусе или заставить без конца драить полы. Или даже занять иной отвратительной работой. Но ведь они

не могли выбросить меня с корабля — ведь не могли? Разумеется, они не убьют меня. Они же торговцы, а не пираты.

Тихий, словно тень, я вышел на открытый воздух. Небо над моей головой было полно звезд. Меня приветствовало дуновение нежного океанского бриза. Воздух, который даже здесь, на палубе, пах солью, обжигал ноздри запахом моря.

То тут, то там попадались моряки, стоявшие на посту. И хотя они не были особенно внимательны, я держался как можно осторожнее, чтобы избежать встречи с ними. Я решил, что лишь одно место на корабле подходит для того, чтобы провести ночь — воронье гнездо.

Направляясь к перилам, я сунул руку под рубашку и сжал патронташ, который обвязывал мою грудь. Я хотел бы бросить его в океан и никогда больше не вспоминать о нем. Но, открыв мешочек, в котором лежал камень, я заколебался. Все, что я видел перед собой, был Перро. Его лицо казалось суровым, но он улыбался. Я видел этого человека перед своим мысленным взором, я чувствовал его в своем сердце. Однако тяжесть камня и груз вины прижимали меня к земле. И это было слишком много для меня.

— Опасно путешествовать незваным гостем, не так ли? — раздался шепот.

Я едва не вскрикнул вслух. Однако подобный крик мог разбудить остальных, и потому я сдержал его. Закрыв сумку, я поправил рубашку и повернулся к тому, кто обнаружил меня.

Он был скрыт в тенях за мачтой. Его силуэт казался нечетким. Все, что я видел — два горящих лавандовых глаза. Глаза эльфа, Дзирта До'Урдена.

— Что они собираются делать со мной? — прошептал я. Мне очень хотелось, чтобы голос звучал уверенно и даже нагло. Но вопрос, почему-то, вышел испуганным.

— Это зависит от того, — ответил Дзирт, — поймают ли они тебя. Если поймают — капитан Дюдермонт будет вправе отправить тебя на корм акулам.

Я запнулся, тщетно подыскивая слова для ответа. Но так и не смог придумать ничего вразумительного.

Эльф улыбнулся. По крайней мере, его глаза блеснули, и потому мне показалось, что он улыбнулся, хотя мне так и не удалось разглядеть его лица.

— Но он показался мне честным человеком, — продолжил эльф, — и, вероятнее всего, просто подыщет тебе работу. Однако все зависит от того, поймают ли они тебя.

— А ты не собираешься прогнать меня? — спросил я.

Дзирт покачал головой.

— Я простой пассажир, как и ты. Ладно, может быть, я не слишком похож на тебя, так как оплатил свой проезд. Но у меня нет ни необходимости, ни желания выгонять тебя. Мне лишь хотелось бы задать тебе один вопрос. Зачем ты так рисковал, выходя на палубу?

Пришла моя очередь облегченно улыбнуться.

— Из трюма я не могу смотреть на звезды.

И это не было ложью.

Дзирт поглядел на меня долгим взглядом, а затем слегка кивнул.

— На самом деле, звезды стоят того, чтобы ради них рисковать.

— И правда, сэр.

— Тогда я оставляю тебя здесь, наедине с ними.

Эльф повернулся и пошел прочь прежде, чем я успел ему ответить.

Я осторожно двинулся дальше, направляясь к главной мачте и оглядываясь через плечо, так как был уверен, что эльф следит за мной. Добравшись до простой лестницы из металлических колышков, я поставил ногу на первую ступеньку, начиная подниматься наверх.

Вид с мачты был именно таким, каким я надеялся найти его. Невероятным. Над моей головой во все стороны тянулось ясное небо. Звезды мерцали и моргали. Их отражения сверкали в море, и я не мог сказать, где кончалось небо, и начинался океан.

Холодный ветер окатил лицо, и я сделал глубокий вдох, вдыхая соленый запах моря. Может быть из-за слов Дзирта, или, быть может, из-за вида, простирившегося перед глазами, но камень и Эсбил больше не висели на моей шее столь тяжким грузом.

Я решил, что не должен рисковать, выбрасывая камень здесь. Время было не подходящее. Может статься, что здесь его окажется слишком легко найти. Вместо этого я спрячусь на корабле и поплыву на край Торила — или туда, куда сможет доставить меня Морская Фея. Как только мое путешествие окончится, и я не смогу плыть дальше, то я выкину камень в океан. Мне хотелось бы начать жизнь заново.

Мне хотелось бы все путешествие просидеть в вороньем гнезде, однако понимал, что сделаю я подобное — меня точно обнаружат. А после того, что сказал Дзирт, я решил не рисковать.

Всю ночь я провел в гнезде, спустившись вниз лишь тогда, когда горизонт на востоке зажегся предрассветным светом. Проходя мимо, я увидел, как шевелиться экипаж, однако никто из людей не заметил меня, и я добрался в свое укрытие без происшествий. Вскоре я снова спал, видя во сне Перро, но сны мои были приятными и теплыми.

Следующие дни я провел, повторяя свой ритуал — днем я спал, а ночью — залезал в воронье гнездо.

На четвертый день после отбытия от Врат Бальдура, что-то разбудило меня.

Мне потребовалось много времени, чтобы прийти в себя и понять, что вырвало меня из сна. Я все еще был внизу, и никто не обнаружил меня, но над головой раздавался шум. Моряки метались туда-сюда, крича и громко вопя. Я не мог разобрать большую часть их слов, но одно из них, повторявшееся снова и снова, объясняло все.

— Пираты!

Глава четвёртая

Мое сердце упало. Пираты! Если они захватят корабль — наверняка придут грабить трюм, а потому мое убежище окажется под угрозой. Если пираты схватят меня, то едва ли будут также снисходительны, как эльф несколькими ночами ранее. Они бросят меня к акулам или килуют.

Если не придумают что-то хуже.

Я взял себя в руки. У них не получится взять корабль, подумал я. Не тогда, когда на борту эльф и этот гигант. А если у них вдруг получится — я не дам им так легко. Я мог бы защищаться!

Я вытащил мой кинжал — кинжал Перро — и покрутил его в руке. Я ощущал его баланс, волшебство, силу. Я видел, как Перро использовал эту магию прежде: простой взмах руки превратит кинжал в тонкий меч. Я знал, как владеть таким клинком, и, хотя мне не довелось побывать в реальном бою, был уверен в том, что смогу победить любого пьяного пирата.

Если сюда явится несколько, я стану удерживать их, пока могу. Этот угол трюма был моим королевством, моим маленьким клочком мира и он не будет взят, вне зависимости от того, кто покусьтся на него. Я предпочту умереть, нежели попасть в плен к пиратам.

Но моя решимость уменьшилась, когда Морская Фея попыталась уйти от своих преследователей. Битва на море была не похожа на сухопутные сражения, где армии выстраиваются в линию, чтобы атаковать противника. В подобных битвах, как правило, выигрывала та армия, чья численность оказывалось больше. На море же, сражавшиеся теряли или отыгрывали позиции, устраняя угрозы одну за другой. Морская Фея была быстрым и юрким судном. Я надеялся, что корабли преследователей не такие.

Пока Морская Фея неслась, разрезая волны, я думал о тактике капитана Дюдермонта. Пираты попытаются предотвратить его бегство, в то время, как капитан Дюдермонт постарается выйти из зоны досягаемости пиратских кораблей, чтобы затем столкнуться с каждым из них лично. На огромных просторах Моря Мечей это могло означать часы плавания, прежде чем противники выпустят первые стрелы.

Я выглянул через отверстие в корме, но не увидел ничего, кроме открытого моря. С тяжелым вздохом, я опустил на пол, погружаясь в муки ожидания. Я начал бросать шарики, стараясь попасть ими в ящики так, чтобы они отскочили назад, в мою руку, не вынуждая меня двигать запястье. За время, проведенное на корабле, я поднаторел в этой игре, и повторение движений погрузило меня в некое подобие транса.

Моя задумчивость была прервана без единого предупреждения.

Я бы даже сказал, что был выброшен из неё, так как мое тело внезапно подлетело в воздух. Корабль совершил резкий поворот, самый резкий из тех, что я когда-либо видел. Морская Фея развернулась так быстро, что её нос поднялся над волнами, и все вращение она совершила, опираясь на свою корму. Неожиданное движение заставило летать и кувиркаться все ящики и бочки, стоявшие в трюме. Та же судьба постигла и меня. Предметы с грохотом сталкивались друг с другом. Бочка с водой взорвалась, бочонок с солью открылся, а коробка со слоновой костью врезалась в стену в дюйме от моей головы. С грохотом и скрежетом, корабль вернулся в нормальное положение так же быстро, как совершил свой дикий вираж.

На палубе раздались победные вопли и яростные крики, которые, однако, сменились звуками бьющихся друг о друга клинков, криками боли и топотом множества сапог. Кровь бешено побежала по моим венам, и я поднял кинжал, готовый нанести удар любому врагу, который посмеет приблизиться ко мне. Но трюм все еще был пуст, и ожидание стало невыносимым.

Я решил, что могу последить за происходящим через отверстие для каната. Высунув голову, я увидел, что мы сцепились с большим кораблем.

Вдали, с палубы другого судна, вылетел огненный шар, описавший в воздухе дугу. Как только шар оказался над землей, я понял, что это было: горящая смола, запущенная из катапульты. Ужасный снаряд летел прямо в нашу сторону. Он направлялся к корме судна. Направлялся... прямо в меня!

Я пригнулся.

Однако удара снаряда так и не раздалось, поэтому я поднял голову, чтобы оглядеться. Вода под моими ногами пенилась, и я с облегчением понял, что шар пламени упал в море.

Над одним из кораблей снова поднялся огненный шар, однако этот летел не к нам. Он вообще не описывал никакой дуги. Что это? Дракон? Мощное заклинание? Если волшебник смог создать подобный снаряд, он, должно быть, богоподобен, ибо казалось, с неба упала одна из звезд.

Оранжевое пламя поглотило безоблачное голубое небо. Небо и море казались картиной, над которой редела стена великого пламени. И над этой картиной несло что-то, неся за собой огонь.

Вскоре я понял, что пламя не было бесформенным. Это был вовсе не огненный шар или дракон — это была огненная колесница, запряженная лошадьми!

Затаив дыхание, я следил за тем, как повозка резко облетела вокруг Морской Феи, а затем направилась ко второму пиратскому кораблю. Странный транспорт пролетел прямо мимо грот-мачты противника, заставляя парус загореться.

С колесницы, по направлению к кораблю пиратов, пролетела серебряная полоса. Это женщина, стоявшая позади, выстрелила из лука. Еще один серебряный снаряд прорезал воздух. Противник приготовил катапульты, чтобы нанести ответный удар, но снаряд едва взлетел в воздух, падая на палубу корабля.

Я не мог оторвать взгляд от этого зрелища. Мое сердце мчалось вслед за колесницей, и подпрыгивало, когда та совершала изящные повороты. Я едва не закричал, когда увидел кучера — рыжебородого дворфа, кричавшего так, словно он и правда наслаждается дикой поездкой. Повозка снова облетела вокруг, проносясь над вершиной пиратской мачты и зажигая её, словно факел. Затем, колесница развернулась, направляясь к нам.

Кто-то соскочил вниз — и я догадался, что это женщина-лучник закончила свой полет. Я высунулся, пытаюсь понять, где она приземлилась, и куда теперь направляется колесница.

При виде третьего корабля пиратов у меня сперло дыхание. Я молился, чтобы повозка смогла парализовать его аналогичным образом.

Но волшебный транспорт сделал кое-что лучше. Я услышал крик во славу Морадина, бога дворфов, и сумасшедший кучер направил свою повозку прямо на палубу третьего противника. Если бы все маги Врат Бальдура выстроились в шеренгу и выпустили в корабль шаровую молнию, они не смогли бы создать столь грандиозного взрыва! Это зрелище заставило меня затаить дыхание, а яркая вспышка, порождённая вырвавшимся пламенем, ослепила меня.

Я отшатнулся, некоторое время ошарашено моргая. Как только мои глаза снова могли видеть, я снова вернулся к своему наблюдательному пункту, не желая пропустить невероятный бой.

Но вдруг чешуйчатая зеленая рука с длинными пальцами, оканчивавшимися острыми когтями,

вцепилась в правое отверстие прямо перед моим лицом.

Глава пятая

Я отстранился и бросился вперед, выставляя кинжал. Я действовал в большей степени опираясь на собственные инстинкты, нежели все тщательно обдумав. Мой клинок глубоко впился в руку монстра, отрезая его длинный палец. Рука отстранилась, но не ослабила свою хватку — монстр даже вырвала несколько досок, когда падал вниз. Теперь я смотрел в большое отверстие, надеясь, что увижу существо плещущееся в море.

Но, вместо того, я увидел мерзкое создание повисшим на одной руке. Оно было девяти футов ростом, с длинными, даже для своего тела, руками. Существо взглянуло на меня. Его отвратительный заостренный нос и кривые зубы могли напугать даже опытного солдата, а ведь я не был солдатом! Заглянув в ужасные глаза существа, я почувствовал, что мое сердце уходит в пятки.

Мой разум говорил мне ударить его, атаковать, убить создание, пока оно висело у шлюпки. Но мое тело не отвечало на этот призыв. Все, что я смог сделать — это отступить на несколько шагов, когда создание полезло вверх, с легкостью отрывая доски прочь. Когда дыра стала достаточно большой, существо пролезло сквозь неё.

Волна страха вырвала меня из ступора, и я принял единственное решение, которое могло прийти мне в голову.

Я развернулся и побежал.

Я надеялся, что мой небольшой рост подарит мне преимущество. В ограниченном пространстве трюма я мог перемещаться свободно, в отличие от неуклюжего монстра. Я понял свою ошибку лишь тогда, когда первые несколько ящиков пронесли над моей головой.

— Иди сюда, вкусный десерт, — клокотал монстр. Его голос казался чем-то средним между ревом медведя и воем тонущего кота. Каждый звук, исторгавшийся из горла монстра, был таким же уродливым, как само существо.

Я рванулся через знакомый лабиринт бочек, стремясь к люку на палубу. Мне хотелось оказаться в любом месте, находившимся подальше от монстра. Но корабль резко развернулся, и содержимое трюма подпрыгнуло в воздух. Я едва удержался на ногах.

Троль метнул в меня новую бочку, которая просвистела над моей головой и разбилась среди бочонков с водой, один из которых раскололся. Другие ящики и коробки попадали вокруг.

Ящик, полный высушенного соленого мяса, приземлился прямо на меня, валя на землю. Дыхание с шумом вылетело из моих легких. Существо раскидало в стороны последнее скопление бочек позади меня.

— Ага! Никуда не денешься! — в восторге заверещал монстр. Затем он резко остановился. Когда я осмелился оглянуться, он пристально уставился на меня.

Он смотрел на мою грудь, туда, где была разодрана рубашка. Смотрел на черный камень.

— Огоооо. Ведь именно этого хоччччет демон, раззззве нет? — его голос казался пронзительным шепотом, словно звук гвоздя, которым царапают по стеклу. — Он хорошо заплатит мне, правда?

Вскинув руку, я призвал волшебный меч и замахнулся как можно сильнее. Но существо оказалось быстрее, чем я думал, а потому успело увернуться.

— Еще куссссается! — прорычал тролль, издавая странный полу смешок. — Прямо как я!

Существо рванулось вперед.

Я отшатнулся влево и снова нанес быстрый удар своим клинком, желая поразить существо в ухо или, по крайней мере, заставить его отступить.

Но зверь сжал мою руку в своей ладони.

В отчаянии, я сунул вторую руку в ближайшую бочку, вытаскивая горсть порошка. Без раздумий, я швырнул горсть странного вещества в морду уродливую зверя.

Зеленая, словно море, тварь взвыла, но не ослабило своей хватки.

— Сссссоль! — заверещало оно. — Вкусссссняшка броссссается ссссолю! Ой-ой! Я жииииву в море, глупенький. Соль — моя подруга, а не твоя!

По крайней мере, он не стал меня есть, как обещал, подумал я, залезая в следующую бочку. В ней снова оказался порошок, но я кинул его в морду тролля, пытаюсь выиграть время.

На этот раз мне попался черный перец — его импортировали из города Несме. Именно эту редкую специю я нашел, когда только попал на борт. Существо вскрикнуло от боли.

Оно отпустило мою руку, хватаясь за морду своими грязными когтями. Прихватив горсть порошка, я пробежал между массивными ногами существа, направляясь к стене. В моей голове созрел план.

Добравшись до дыры, зияющей в корпусе корабля, я спрятал специю в карман и быстро оглядел близлежащие бочки, чтобы убедиться, что все необходимое мне еще там. Я быстро открыл коробку и бочку. Затем, используя свой меч, чтобы подтащить свисающий канат, я нырнул в отверстие. Клинок Перро был хорошим, и я быстро перерезал другую веревку, привязывавшую маленькую лодку к корпусу корабля, что заставило ту закачаться на остатке каната.

Позади меня, словно в такт биению сердца, звучали тяжелые шаги. У меня не было времени!

Развернувшись, я схватил три небольших предмета из открытой коробки — изделия из слоновой кости.

Я стал жонглировать ими, быстро подбрасывая их в воздух.

— Эй, ты, — крикнул я монстру. — Не станешь есть меня — дам тебе это!

— Ой-ой, вкусссссняшка не хочет становиться десертом, да? Подкупает меня! Но нет, мне кажжжжется, я хочу вкусссссняшку. Путешествие по морям — голодная работа, да, — зверь остановился, глубоко задумавшись — так глубоко, как вообще могло задуматься подобное создание. — Я ведь могу взять эти побрякууушки с твоего трупа, да?

Он снова двинулся вперед.

С криком: “Лови!”, я запустил один из предметов в сторону монстра.

Как и ожидалось, тупой тролль не мог не взглянуть на летящий объект — его взгляд скользил за вещичей не долго, но достаточно. Я метнул два других предмета, попав ими прямо между глаз чудища. Но то едва ли почувствовало удары.

Оно заревело и атаковало.

Я схватил открытую бочку и опрокинул её содержимое — сотни маленьких керамических шариков — прямо под ноги мерзкому созданию.

Монстр поскользнулся и упал, врезаясь в стену прямо перед зияющей дырой.

Я не стал ждать. Как только бочка упала, я схватил раскачивавшуюся веревку и метнулся к шлюпке, как можно быстрее забираясь наверх. Существо быстро сориентировалось и высунуло голову из отверстия, рыча от ярости.

— Ссссейчас ты умрешшшшшь, — его голос, это жуткое бульканье, стал ниже и громче. Даже находясь в нескольких футах над ним, я мог чувствовать его мерзкий запах изо рта.

Зверь протянул ко мне свои длинные руки и схватил шлюпку за борт, начиная медленно подтягивать её к себе.

Я мог бы резануть по этим рукам моей саблей, но знал, что не смогу помешать существу. Поэтому, схватил веревку, все еще державшую лодочку, и полез выше.

— Тебе не сбежать! — обещал тролль, сильнее дергая за шлюпку и пытаясь притянуть её достаточно близко, что схватить меня прежде, чем я успею убежать. Он высунулся из отверстия в борту, запах его мерзкого дыхания окутывал меня, а зубы — жадно скрежетали. Существо наклонилось и потянуло...

Я сильнее сжал веревку левой рукой, правой замахиваясь своим мечом, чтобы разрезать веревку там, где болтались мои колени. Потеряв равновесие и внезапно ощутив тяжесть лодки, которая свободно полетела на него, тролль споткнулся и упал. Он метнулся, пытаясь схватить меня, но в ударе не было силы, и когти не пронзили мое тело.

Лодка полетела вниз, а вслед за ней и уродливое создание. Со всплеском, шлюпка приземлилась на воду. Тролль упал прямо в центр, пробивая днище лодочки и превращая её в грудку обломков. Рябь казалась ужасно огромной. Такой, какая возникла от падения в воду просмоленного шара.

Удар тролля заставил меня закачаться, и вдруг, я полетел назад к кораблю, к отверстию, расширенному троллем. Я видел острые края поломанной древесины, летящие мне на встречу даже после того, как я повалился на пол. Лишь на мгновение, я почувствовал боль, когда эти острые шипы разрезали мою грудь.

А потом все ощущения пропали.

Глава шестая

Когда я очнулся, мне показалось, что я медленно выхожу из дремоты. На самом деле, я даже думал, что все еще сплю.

Надо мной склонилось невероятно красивое женское лицо. Глаза девушки были глубокими, чистейше голубыми. Они печально улыбались мне, успокаивая меня несмотря на боль в груди. Её рыже-коричневые волосы струились по плечам. Они были мокрыми, но по-прежнему невероятно идеальными.

Глядя на неё, я вспомнил огненную колесницу и лучницу, которая спрыгнула с неё за мгновение до того, как странный транспорт врезался в пиратский корабль...

Так вот почему мы победили, подумал я. Боги прислали к нам ангела.

— Кто... ты...? — мое горло так пересохло, что при попытке вымолвить хоть слово, его опаляло огнем. Я закашлялся, и резкая боль пронзила мое плечо и грудь.

— Отдыхай, дитя, — женщина гладила меня по голове до тех пор, пока кашель не ослаб. — Меня зовут Кэтти-бри. Теперь все хорошо.

Я поднял глаза, замечая дверной проем. На фоне света, лившегося сквозь него, вырисовывались три фигуры — эльфа, дворфа и гиганта.

Мой взгляд упал на среднего из стоящих. На Дзирта До'Урдена. Его лавандовые глаза ярко светились. Кожа эльфа оказалась черной, и я понял — это не трюк.

Мне и раньше приходилось слышать о темных эльфах, дроу, которые жили под землей. Они были предметом многочисленных ночных страшилок. Ужасные существа, приходившие из тьмы, чтобы совершать набеги на эльфийские деревни и убивать детей.

Но я не боялся этого эльфа, этого дроу. Когда у него был шанс, он не выдал меня капитану. Он понимал, что может значить ночь, проведенная под звездами, для кого-то вроде меня. Пока мы говорили, я не чувствовал от него злобы, только сочувствие. По какой-то причине он решил защитить меня.

Нерешительно ступая, Дзирт подошел к моей кровати.

— Как он? — тихо спросил эльф.

Я вспомнил тот день, когда первый раз заметил его. Тогда он предстал передо мной в виде поверхностного эльфа, хотя ему было очень неудобно в этом виде. И я вдруг понял, почему. Он носил какую-то магическую маскировку. А сейчас она пропала. Теперь он снова мог быть самим собой, и я чувствовал, что теперь с ним все хорошо.

Кэтти-бри посмотрела на эльфа и двух его компаньонов.

— Я уверена, мальчик оценит твою заботу, но вы трое тут не поможете, — она махнула им, предлагая уйти, и повернулась ко мне. — Уходите. Сейчас же. Я подержу его за руку, пока они позаботятся о нем.

Женщина кивнула куда-то мимо меня, и я проследил за её взглядом, замечая пару мужчин, который входили в комнату. Они несли небольшое ведро, над которым поднимался пар.

Я попытался что-то бормотать, пытался спросить, что тут происходит, что они делают, но не смог выдавить из себя ничего вразумительного.

Я слышал, как хлопнула дверь, и ощутил, как её рука взяла мою. Такая сильная и мягкая.

Мужчины поставили ведро — оно было полно черной жидкости, и я мог чувствовать жар, исходивший от него. Один из мужчин взял большую металлическую ложку.

Кэтти-бри забормотала что-то себе под нос — я решил, что это молитвы — и один из мужчин поднес ложку к моему раненному плечу.

Боль внезапно усилилась стократно. Я пытался кричать, но в легких совсем не осталось воздуха. Я пытался сосредоточиться на этих голубых глазах, но мои собственные застилала вода, я никогда в жизни не проливал столько слез. Боль была слишком сильной, и я потерял сознание.

Позже, я снова пришел в себя.

— Смола прижигает рану, — сказал голос — мужской голос.

— Прижигает? — пробормотал я, даже не открывая глаз.

— Она сплавляет края плоти вместе, и потому рана больше не будет кровоточить.

— Звучит не слишком приятно.

Я бы рассмеялся, но боль была невыносимой.

— Мне говорили об этом. Но альтернатива была хуже, — голос мужчины был твердым, но не злым.

— А какая была альтернатива? — еле пробормотал я, пораженный тем, что мужчина понял мой вопрос.

— Истечь кровью и умереть. Плохо, если такое счастливое дитя погибнет.

При словах «счастливое дитя» я с надеждой открыл глаза. Но человек, стоящий передо мной был мне не знаком или, вернее, я никогда не встречался с ним лично. Он был одет в красивую, но поношенную, синюю форму. Говорил мужчина четко и с великим достоинством.

— Я — Дюдермонт, капитан Морской Феи. И ты незаконно пробрался на мой корабль, — сказал он.

Ну отлично, подумал я. Я спас его корабль от тролля, чтобы он выкинул меня за борт?

— Мне очень жаль, сэр, — сказал я. — Но я могу объяснить. Видите ли, я...

— Вы, юный сэр, вор и нарушитель, — выпалил капитан.

Несмотря на боль, пульсирующую в моем плече, я сел и попытался что-то ответить, но капитан протянул руку.

— Но ты точно не трус, — продолжил он.

Я оживился — это едва ли звучало, как обвинение.

— Можешь выполнять приказы? — спросил он. Я несколько раз моргнул, прежде чем ответить:

— Да, сэр.

— Сможешь показать достоинство и храбрость перед лицом опасности?

— Да, сэр.

— Сможешь быть преданным окружающим тебя спутникам и командирам?

— О, да. Я могу, сэр.

— Тогда, молодой человек, мне кажется, что для тебя найдется местечко на моем корабле. Если ты так хочешь, — впервые, капитан Дюдермонт улыбнулся — не широко, но уважительно. И этого было достаточно.

Я начал отвечать, но он прервал меня.

— Не надо говорить прямо сейчас. Тебе придется подождать много дней, прежде чем ты встанешь на ноги и сможешь быть полезен. Мы будем заботиться о тебе, пока ты не выздоровеешь, а потом ты сможешь дать ответ.

— Подождите! Сэр! — крикнул я изо всех сил.

Он развернулся.

— Меня зовут Мэймун. Вы... вы никогда не спрашивали моего имени.

Часть вторая

— Долго же ты добирался до сути! — с усмешкой сказал старый пират.

— Достаточно долго.

— Ты довольно быстро назвал свое имя Дюдермонту. Думаешь, он лучше меня, больше заслуживает твоего имени? Больше заслуживает твоего уважения?

— Он не спрашивал. В отличие от тебя. Я не поощряю жадность.

Смешок превратился в хохот.

— Некоторые говорят, что жадность сама себя поощряет!

— Они не правы.

— Так и думал, что ты скажешь это, глупый мальчик, — его смех в мгновение ока исчез, а лицо нахмурилось. С удивительной для одноногого человека грацией, он поднялся на ноги и достал из ножен саблю. — Ты научился этому у Дюдермонта. Старого праведного пердуна.

— Я многому научился у Дюдермонта, с негодованием выпалил я. — Он хороший человек. Один из тех немногих, что я знал. И все они были лучше тебя.

— Ты разве не знаешь, что лучше не оскорблять человека, держащего меч? — он взмахнул лезвием, но не сделал и попытки ударить.

Я ждал, глядя на этого хмурого человека. Мой взгляд впивался в него, призывал сделать

выпад.

— Ну, быть может, твой капитан заплатит выкуп. И моя ЖАДНОСТЬ, — он почти выплюнул последнее слово, будто ему было неприятно его произносить, — будет вознаграждена!

Он развернулся, будто собираясь уходить, и взял с подставки один из факелов.

— Дюдермонт мне не капитан, — сказал я. — И он не стал бы платить выкупа пиратам, даже если бы был им.

Старик остановился и медленно обернулся.

— Тебе лучше начинать говорить, и говорить быстро, пока я не отрезал тебе голову.

— Наверное. Но у меня к тебе вопрос. Как тебя зовут?

— Ты не заработал моего уважения, чтобы узнать это, — сплюнул пират. — А теперь, говори. Расскажи мне про артефакт. Где же ты получил его? И где он сам? Мы не нашли его при тебе, когда вытащили из воды.

— Ты хочешь артефакт? — спросил я. — Тогда тебе нужно узнать всю эту кровавую историю.

Глава седьмая

Я ничего не знаю о том, как появился на свет. Ничего не знаю о своих родителях, братьях, как и о том, где находился мой первый дом.

Я не знаю, потому что в младенчестве на мой родной город было совершено нападение. Они сожгли все дома и убили людей.

Но я выжил.

В подвале дома моих родителей была секретная комната — комната, в которой они хранили прекрасные эльфийские вина. Моя мать спрятала меня там. Когда дом подожгли, обломки упали у двери погреба и блокировали её. Я лежал там, закутанный, как мне рассказывали, в один из дорожных плащей моей матери, и плакал.

На следующий день после налета в деревню приехал одинокий незнакомец, и стал обыскивать завалы. Позже, он поведал мне, что нашел меня рядом с тлеющим куском древесины, лежавшим неподалеку — это был кусок рухнувшего потолка. Он упал в дюйме от меня, но сохранил тепло. Потому я был жив. Проснувшись, я посмотрел на незнакомца. Я даже улыбнулся ему, как он говорил. Он тоже улыбнулся, а затем осторожно поднял меня и унес подальше от этого разрушенного места.

День и ночь мы скакали, направляясь на юг, в Высокий Лес. Его конь бежал неустанно, стремительно и уверенно, даже когда наступила ночь и под деревьями старого леса сгустилась темнота.

Человек доставил меня в безопасную маленькую пещеру, прямо в руки опытной целительницы. Её звали Элбис. Она была хранительницей леса, друидкой. Человек отдал меня ей и уехал, а женщина больше никогда и ничего о нем не говорила.

С этого дня меня кормила Элбис — в основном, фруктами и ягодами, которые росли по всему лесу. Она же одевала меня и давала кров. Она научила меня говорить и показала пути лесных зверей.

— Счастливого Дитя, — звала меня Элбис. У меня не было настоящего имени, а она не хотела давать мне хоть какое-нибудь. Имя не определяет человека, говорила она. Оно просто помогает точнее обозначать вещи вроде зверей и деревьев. Но ей не нужно было понимать, что речь идет обо мне.

День, когда меня принесли в лес, стал днем моего рождения. В шестой из таких дней солнце светило тускло, а небо заволокло плотными облаками. Дождь начался около полудня. Небо все темнело и темнело, раскаты летнего грома пронеслись сквозь деревья.

Молния пронзила тьму, и ко входу нашей маленькой пещеры шагнула фигура. В свете грозы его силуэт ярко высветился во тьме, выдавая в нем эльфа. Его кожа была золотисто-красной, словно дубовые листья ранней осенью, а волосы — черны, как крыло ворона и растрепаны. Он двигался с неизменной грацией, а голос его был мягким и добрым. Но взгляд его выдавал лживость этой мягкости. Они были темными, жесткими и безжизненными.

— Ты не можешь забрать его, — сказала Элбис прежде, чем странный эльф смог заговорить.

— Это не тебе решать, ведьма, — бросил он.

— Не мне, — согласилась она. — Он пришел к моим дверям, и я приютила его. Ему все еще нужна моя забота. Так что он останется. Ты не получишь его. Тебе не забрать его.

Рука эльфа потянулась к плечу — к рукояти меча, висевшего в ножнах на спине.

Элбис рассмеялась.

— Ты правда хочешь драться со мной? Здесь, сейчас, в моей роще, в моем доме, ты действительно считаешь, что можешь победить?

Она снова рассмеялась. В голосе женщины появились угрожающие нотки.

Вспыхнула молния и ужасающий взрыв грома потряс пещеру. Я подпрыгнул, так испугавшись, что мои ноги подкосились и я тяжело приземлился на землю.

Эльф нахмурился и снова потянулся за мечом, однако снова замер. Он начал было говорить, но взгляд его упал на почерневшую и обугленную землю менее чем в пяти футах перед ним. Именно туда ударила молния. Рядом с ним — внутрь пещеры.

— Следующая не промахнется, — уверено предупредила Элбис.

Все еще хмурясь, странный эльф развернулся и вышел прочь из нашего укрытия.

Женщина повернулась ко мне.

— Давай поужинаем? В конце концов, это — твой день рождения.

— Кто это был? — спросил я.

Мне хотелось узнать и про молнию. Элбис рассказывала мне, что молния предпочитает бить в

самый высокий объект, но мы находились в пещере у подножия холма, в окружении больших деревьев. Тем не менее, разряд нашел свою цель. Но женщина, казалось, не волновалась. Так что я нашел утешение в её уверенности.

— Тебе не стоит о нем переживать, — ответила она. — Просто старый знакомый.

Она махнула рукой и произнесла несколько слов. Внезапно, старая плита, служившая нам столом, покрылась яствами — сладкими, созревшими на солнце лесными фруктами, и совсем уж редким деликатесом: густым, сладким кремом.

Я набросился на еду. Прежде, чем присоединиться ко мне, Элбис некоторое время постояла у входа в пещеру, прислушиваясь к пению дождя.

Несмотря на дождь, воздух был темной, и, как всегда, моя компания была приятной. Элбис тепло улыбалась и радостно смеялась, и наши друзья — маленькие лесные существа — присоединялись к нам всякий раз, когда мы устраивали пиршество. Особенно я любил бурундуков и белок. Маленькие грызуны бегали по стенам нашей пещеры, словно гравитация не действовала на них. Но один из бурундуков любил меня особенно — или он любил те ягоды и орехи, которые я приберегал со своих приемов пищи, чтобы разделить с ним. Он схватил ягоду, лежавшую на нашем каменном столе, и нырнул в угол, чтобы съесть её. Его смелость рассмешила меня, и я бросил зверьку еще несколько ягодок.

Дождь продолжался даже после наступления темноты. К тому времени еда исчезла — все мы давно были сыты. Животные разбежались, чтобы скрыться в собственных убежищах. Я отправился спать в свою мягкую кровать.

Я не смог понять, во сколько проснулся. Была ночь, дождь продолжался. Быть может, он даже усилился, и огонь в печи погас. Элбис сидела у двери, глядя в лес. Что-то было не так — но я не смог сразу определить, что именно.

Лес был слишком ярким. Казалось, оранжевый свет льется со всех сторон, несмотря на дождь и поздний час. Я вылез из кровати и пополз к выходу из пещеры.

Зрелище, представшее перед моими глазами, стало самым страшным из всего, виденного мною ранее. Языки пламени вздымались сквозь дождь. Со всех сторон лес горел. Вопли существ, живших в нем, пронзали воздух. Я взял руку моей опекуни, но холодный пот, покрывавшие её ладонь, едва ли мог помочь мне успокоиться. Взглянув в лицо Элбис, я понял, что глаза женщины закрыты.

Я тоже закрыл глаза, не уверенный в своих действиях. Сосредоточившись на звуках, я уже через мгновение понял, что слушала женщина. Голос.

— Выходи из своей пещеры, ведьма, — говорил он. Это был тот же голос, что я слышал раньше. Голос странного эльфа. — Выходи из своей пещеры, посмотрим, кто сильнее. Или сиди и жди, давая мне сжечь весь лес вокруг.

Я открыл глаза и посмотрел на Элбис. Синяя сойка села на её плечо, прошептала несколько нот и снова метнулась назад, в горящий лес. Элбис повернулась ко мне. На её лице застыло незнакомое выражение — страх.

— Давай, Счастливого Дитя, нам нужно бежать из этого места, — она откинула свой плащ и схватила меня за руку. Вместе, мы выскочили под дождь.

Ветер усилился. Страх, который сжимал мою грудь с того момента, как пришел незнакомец, только усилился, наполняя все мое тело. Руки онемели от холода, мышцы ног заболели, как только Элбис толкнула меня, заставляя двигаться быстрее, чем когда-либо.

Спустя некоторое время, я дернул её за руку.

— Прошу, мы можем остановиться и отдохнуть?

— Пока нет, — сказала женщина. Она заставляла меня бежать быстрее, уходя глубже в лес. Казалось, прошли часы прежде чем она внезапно и без всяких объяснений замедлила свой шаг, держа путь к на сосне, обвитой виноградными лозами.

Она указала на густые ветви.

— Туда, Счастливого Дитя. Теперь ты отдохнешь.

Я вздохнул и плюхнулся на сосновые иглы. Наклонившись, я потерял свои ноющие ноги.

Элбис совершала круговые пассы руками над моей головой. Когда она закончила, я почувствовал, что моя кожа стала колючей. Она изменяла цвет, становясь темнее и грубее, пока не стала похожа на ствол дерева.

— Не двигайся, — нежно сказала мне Элбис. — И не кричи. Завтра найди дорогу и иди по ней. Кто-то найдет тебя. Животные помогут.

Я с трудом сглотнул и сделал глубокий вдох.

— Но ты ведь вернешься, не так ли? — спросил я, стараясь не заплакать.

— Если смогу, — улыбнулась она. — Ты — Счастливого Дитя, помнишь? Все будет хорошо. С тобой всегда происходит лучшее.

Её улыбка исчезла, и она повернулась к лесу, который сгорал в огне. Я представил себе голос эльфа, эхом разносящийся вокруг нас.

Я следил за тем, как она отошла и присела на четвереньки. Её конечности утолщались и удлинялись, а одежда растворилась в мехе.

Вскоре вместо женщины в лес шагнула большая бурая медведица. Она сердито ревела, призывая странного эльфа встретиться с нею лицом к лицу.

Когда Элбис исчезла, я наконец позволил слезам течь свободно. Но только лишь мгновение. Затем, я сделал так, как мне было сказано — нырнул в корни сосны и вскоре уснул.

Глава восьмая

— Проснись, дитя, — по непонятной мне причине голос человека казался утешающим. — Проснись, малыш. Нам нужно уходить, да побыстрее.

Я открыл глаза. Дождь так и не закончился, хотя ливень превратился в изморось. Небо было черным, как смоль. Темноту озарял лишь свет факела, мерцавшего в руках человека.

Мужчина схватил меня за руку и попытался поставить на ноги.

— Ну же, — повторил он, — мы должны спешить.

Я выдернул свою руку и покачал головой.

— Я останусь тут до рассвета, а потом двинусь по дороге, если Элбис не вернется.

При упоминании этого имени человек поморщился.

— Элбис не вернется, дитя. Ты должен идти со мной. Я позабочусь о тебе.

— Но где она?

В глубине души я уже знал ответ. Она отправилась вслед за моей семьей. Я проглотил ком, вставший в горле.

Человек снова поморщился. Несколько раз он пытался начать говорить, и, в конце концов, ему удалось выдать одно слово. Голос мужчины прозвучал надтреснуто.

— Ушла.

И в этом слове была какая-то странная завершенность. Он снова протянул руку.

— Идем. Прежде, чем он вернется, мы должны быть далеко.

По какой-то неведомой причине я больше не боялся. Стоило мне взглянуть в лицо человека, когда я упомянул имя Элбис, и стало понятно, что ему можно доверять. К тому же, мысль об одиноком пути пугала меня куда больше, чем незнакомец, который обещал присмотреть за мной.

Я взял его за руку. И он потянул меня, заставляя подняться на ноги. Затем, он взял меня на руки и отнес к лошади. Он помог мне забраться в седло, а затем изящно скользнул позади меня, беря вожжи и направляя животное вперед.

— Ты уже ездил верхом?

— Нет, сэр, — я провел рукой по гриве животного. Она оказалась на удивление густой и грубой.

Человек нежно погладил белый мех лошади.

— Это Дымка. И во всем Фаэруне ты не найдешь более преданного друга, — сказал он.

Кобыла и правда была красива, её шкурка сверкала под дождем и была теплой на ощупь. Я чувствовал в ней что-то иное. Она была не похожа на тех зверей, что я знал в Высоком Лесу. От лошади исходила магия.

— Куда мы направляемся, сэр? — нерешительно спросил я. Элбис рассказывала мне, что мир — это огромное место, но не давала никаких подробностей. Мир, который я знал, был ограничен стенами небольшой пещеры в укромной роще, расположившийся посреди Высокого Леса. Но это место пропало, и теперь я ехал навстречу неизвестности. Я сильнее сжал темно-синий плащ незнакомца.

— Туда, куда ведет нас путь, — сказал он мягко. — И не называй меня сэр. Зови меня Перро.

Он улыбнулся.

— Итак, мальчик, как тебя зовут? Как она называла тебя? — спросил он меня, потирая аккуратно подстриженную серую бородку. Человек задумчиво посмотрел на меня, моргая голубыми глазами. Он пытался задать вопрос без усилий, но в его голосе явственно прозвучала боль.

— У меня нет имени, мистер Перро. Она звала меня «Счастливого Дитя», потому что мне посчастливилось дожить до встречи с ней.

— Да. Да, тебе повезло, мальчик. Но это не значит, что у тебя не должно быть имени. Теперь тебе посчастливилось выжить и встретиться со мной. Дважды повезло... — он сделал паузу в своих словах. — Есть имя, которое я слышал, когда бродил по миру — слово на языке кочевников Великой Пустыни. Мэймун. Так они иногда называли своих детей. Это значит «дважды повезло». — Он улыбнулся мне. — Мэймун. Как думаешь, мальчик мой, подходит тебе это имя?

Я пожал плечами.

— Отлично, тогда попробуем звать тебя так! — сказал он.

— Мэймун, Мэймун, — тихо повторял я снова и снова, давая этому слову стать естественным для меня. Когда я обрел уверенность, мой голос начал звучать громче, а на лице замерла улыбка. — Да, мистер Перро, оно... оно подходит мне. Мэймун, мальчик, которому повезло дважды, — тут, я вспомнил все, что произошло со мной. И в горле снова встал ком. — Только я не считаю себя везучим, мистер Перро. Я хочу снова увидеть Элбис.

Человек обнял меня крепче, и начал напевать медленную грустную мелодию, которая вскоре превратилась в еще более печальную песню. Она пел на неизвестном мне языке, но знал, что он прощается с Элбис. Капли дождя мягко падали вокруг, но мне казалось, что они не касаются нас.

Пока Дымка везла нас через лес, моя печаль увеличилась. Солнце взошло над горизонтом, окрашивая небо оранжевым и цветом фуксии.

Я взглянул на Перро. В ответ, человек оглянулся на меня и сумел улыбнуться. Боль исказила черты его лица, но не смогла уменьшить счастья, сиявшее в его светлых глазах.

— Смотри туда, на восток, — сказал он. — Улыбайся рассвету, новому дню. Это ведь так прекрасно.

— Почему? — спросил я. Мой язык заплетался от рыданий и слова с трудом слетали с губ.

— Каждый день дает нам шанс начать все с начала. Любой день может быть плохим. Но ведь и хорошим — тоже. И эта надежда, этот шанс — прекрасная штука. И сегодняшний день будет прекрасным, маленький Мэймун, — сказал он. Я отчетливо слышал в его голосе нотки радости. — Сегодня начнется наше новое путешествие. Сегодня мы отправимся на юг и восток. Поднялся ветер. Я чувствую его на своих волосах и коже. Я чувствую привкус соли. А ты?

Я запнулся и задумался над этим странным вопросом, но затем покачал головой. Воздух казался совершенно свежим, и совсем не соленым.

Он засмеялся.

— Ты поймешь, мой мальчик. Ты поймешь. Сегодня мы начинаем приключение длиной с твою жизнь. Скажи мне, Мэймун, ты когда-нибудь видел океан? Элбис когда-нибудь возила тебя туда?

Я снова покачал головой.

— Тогда ты найдешь в этом особую прелесть.

Глава девятая

— Ты знаешь, что прямо под нашими ногами живет дракон? — спросил я.

— Ну тогда, нам лучше смотреть, куда мы ставим свои ноги, — ответил Перро. Он никогда не поднимал голову от книги, лежавшей на коленях.

Минуло около шести лет с тех пор, как Перро спас меня, обнаружив под сосной. Он сдержал свое обещание и показал мне океан. Из Высокого Леса мы отправились прямо на Побережье Мечей и провели годы, скитаясь по землям вдоль побережья.

В летние месяцы мы спали на свежем воздухе или в палатке. А зимой — пользовались домами фермеров, которые всегда были готовы проявить свое гостеприимство за вечер историй Перро.

Он любил путешествия, и стоило нам задержаться в одном месте на несколько дней — становился беспокойным, настаивая на том, что пришло время продолжить путь. Я желал найти настоящий дом, но Перро говорил, что людям вроде нас не стоит задерживаться на одном месте. И потому единственной моей собственностью стало одеяло.

В ту ночь мы разбили лагерь и приготовили ужин, а затем, Перро растопил огонь и оба мы достали наши книги.

— Дракона зовут Адридан, — пояснил я, сверяясь с тяжелой книгой на коленях. — Это варвары Утгарда пленили его под холмами. Он разорял священные захоронения их племен. Поэтому они собрались вместе и выбрали лучших воинов из каждого племени. Эти воины создали новое племя, называя себя Племенем Дракона, — я перевернул страницу и посмотрел на тлеющие угли костра. — Перро, как думаешь, моя семья могла принадлежать к такому племени?

— Читай молча, Мэймун, — Перро не отводил взгляда от тома, лежавшего перед ним. — Мне нужно доделать дела.

Его грубоватый ответ не удивил меня. Обычно Перро быстро отвечал на все мои вопросы. Он рассказывал мне многое о мире, начиная с имен городов и поселков, раскиданных по Побережью Мечей, и заканчивая великими легендами Фаэруна. Когда кошмары о Элбис и вспыхнувшем лесе будили меня, заставляя обливаться холодным потом, он мог просидеть рядом всю ночь, считая звезды и рассказывая мне о созвездиях, пока я не засыпал.

Но стоило мне начать расспрашивать его о ночи огня или о чем-то, связанном с моим прошлым, он никогда не давал мне тех ответов, которых я жаждал, ограничиваясь лишь короткими деталями. Я выяснил, что в ночь, когда загорелся Высокий Лес — ночь, когда мне минуло шесть лет — Перро пришел мне на помощь не в первый раз. Наставник рассказал мне, как спас меня из дома моих родителей и отдал на попечение Элбис. Но больше ничего он не знал или не желал говорить.

Я вздохнул — громко, но Перро не обратил внимания — и вернулся к чтению истории о

великой битве между Племенем Дракона и могучим змеем Адриданом, произошедшей неподалеку от той земли, на которой я лежал.

Как и я, Перро держал перед собой открытый том. Это была единственная книга среди его огромной коллекции, которую мне не позволено было прочесть: большая, черная, переплетенная в кожу и с тяжелым латунным замком. Я никогда не видел ключа, которым Перро отпирал книгу — хотя охотился за ним, ища везде, где только мог придумать.

Я просто хотел заглянуть внутрь, чтобы понять, что же там такое в этой книге. У неё не было названия, и я отчаялся узнать, какие секреты могут скрываться под этой черной обложкой. Но дело представлялось сложным — я никак не мог найти ключ.

Пламя костра начало затухать, и мои веки отяжелели. Я закрыл книгу и отнес её в мешок, содержащий скромную библиотеку Перро. Снаружи сумка казалась обычным рюкзаком, с ремнем, который перекидывался через плечо. Однако эта сумка была зачарована и вмещала в себя больше положенного. Я был уверен, что при желании мог поместиться внутри мешка вместе со всеми книгами.

Быстро оглядев тщательно рассортированный стопки книг, я нашел подходящее место для той, что читал сам — между Демонами и Дьяволами и Народом Эльфов.

Сумка содержала в себе более сотни книг всех форм и размеров. Именно по этим книгам Перро научил меня читать. А спустя шесть лет дороги, которую я делил с ним, я по крайней мере по разу прочел каждую книгу из этой коллекции. Разумеется, исключая ту самую — черный никак не помеченный том.

Еще раз вздохнув, я повернулся к своей кровати. Ночь была теплой, а завтрашний день обещал быть долгим и трудным. Мы собирались проехать по холмистой местности Крагсов, и потому я, разумеется, должен был хорошо выспаться.

Я начал было забираться в постель, закутываясь в легкое одеяло и готовясь увидеть во сне могучего дракона из книги. Но голос Перро остановил мои приготовления.

— Постой. Вернись к сумке.

Я поднял голову и увидел, как он держит в руках черный том — закрытый и запертый. Я тихо проклял свою невнимательность. В очередной раз я упустил возможность поглядеть, куда он деваает ключ.

Я не мог понять выражение устремленного на меня взгляда наставника.

— Я все аккуратно и тщательно уложил, сэр, — нерешительно сказал я. — Книга там, где должна быть.

— Я в этом не сомневаюсь. Но мне нужна еще одна книга, — его просьба была слишком внезапной — Перро наизусть знал каждый том в сумке, и потому он совершенно точно не мог просить книгу для того, чтобы прочитать её. Однако он редко пытался указывать мне, что читать, вместо того, чтобы давать выбирать книги по собственному вкусу.

— Какую? — спросил я.

— Странствия Воло. Там должно быть подобное описание центральных земель Побережья

Мечей.

Я полез в сумку, быстро вытянув нужную книгу.

Я был заинтригован. За годы наших странствий мы посетили северную и южную часть Побережья Мечей, но всегда избегали земель между Глубоководьем и Тиром. Перро никогда не объяснял мне причин, а я и не спрашивал.

Возможно, пришло время изменить это?

— Там должен быть описан город Врата Бальдура.

Я кивнул, открывая книгу в нужном месте и начиная читать.

— Процветающий торговый порт и перепутье дорог, Врата Бальдура находятся на полпути между Глубоководьем и Калимпортом. Город служит в качестве отправной точки для путешественников и торговцев с обоих концов, а также...

Перро поднял руку, останавливая меня.

— Завтра, вместо рассказов про драконов и варваров, ты будешь читать этот отрывок. Пока не запомнишь каждое слово.

— Мы собираемся отправиться туда? Во Врата Бальдура? — спросил я, пытаюсь сохранить надежду в голосе. Я никогда прежде не был в настоящем городе — вернее, не был в городе больше Несме, стоявшем на Эвермуре. Издалека я видел могучее Глубоководье. Великолепные особняки, раскинувшиеся во все стороны... сама идея десятков тысяч людей, живущих так близко друг к другу, была чужда мне. На мой взгляд, все неизвестное и чуждое стоило того, чтобы его исследовать.

— Мы как обычно окажемся там, куда приведет нас дорога, — ответил Перро. — Я не могу сказать, куда мы пойдём дальше. Но лучше быть готовым. А теперь — пора спать. Отдохни немного. У нас впереди длинный путь, и не только завтра.

Перро отвернулся прежде, чем я смог ответить. Это было самым верным признаком того, что он желал окончить разговор. Пожав плечами, я положил книгу в сумку. Я не стал помещать книгу, написанную великим путешественником Воло среди многих других работ в коллекции Перро. Вместо того, я оставил её на вершине стопки, чтобы легко найти завтра.

Я отправился на свой спальный коврик и быстро заснул. Мне снились Врата Бальдура. Я не закончил читать отрывок о городе, но это не остановило мои блуждающие мысли от попытки изобразить все недостающие детали.

На следующий день у меня было не так много времени, чтобы почитать книгу. Как обычно, мы отправились на рассвете. Ведь когда спишь на открытом воздухе, трудно не проснуться с восходом солнца. Целый день мы ехали, останавливаясь лишь ненадолго. Наша поездка проходила без спешки, но местность вокруг оказалась неровной, и езда по ней была утомительной. К тому времени, когда мы разбили лагерь, чтобы провести следующую ночь, у меня едва хватало сил на то, чтобы понять книгу, ни то, чтобы почитать её.

Следующий день был таким же. И третий, и четвертый, и пятый. Каждое утро, стоило мне

только проснуться, Перро спрашивал, сколько я прочитал вчера. И каждое утро я говорил, что не читал вообще. Перро отвечал мне легким кивком. Этот саркастический жест говорил мне, что он пытался объяснить мне что-то. Но я понятия не имел, что именно.

На шестой день местность изменилась. Мы покинули холмы и повернули на юго-восток. Наш путь шел вдали от дорог, но скакать по ровной земле было легко. То тут, то там показывались фермы, их злаковые отлично подросли благодаря летнему теплу. И как же жарко было на этом пути — в течение следующих двенадцати дней на небе не показывалось ни облачка, солнце было ярким, красивым и палящим.

Несмотря на жару, мы ускорились. Я чувствовал напряжение Перро. Он желал как можно скорее добраться до места назначения. И я разделял это желание, хотя был уверен, что у нас были разные причины. Я хотел увидеть Врата Бальдура и предполагал, что мы направляемся именно туда, хотя Перро все отрицал. Тем не менее, я был в восторге от того, что первый раз в жизни увижу настоящий город. Перро казался лишь обеспокоенным и нервным, словно отправился на опасное задание, желая скорее закончить это дело.

На этот раз мы не останавливались ни в домах, ни в гостиницах, разбивая лагерь на открытом воздухе. Наш путь был прям, и мы ехали на пределе скорости Дымки.

Перро даже не вспомнил о моем двенадцатом дне рождения. Он никогда не устраивал больших праздников, хотя, как правило, обычно как-то напоминал мне о том, что еще один год прошел с тех пор, как он обнаружил меня в доме моих родителей. Но я не жаловался. Я надеялся, что мой подарок на день рождения ждет меня в конце нашего тяжелого пути.

Около полудня, спустя семнадцать дней с тех пор, как Перро заставил меня читать отрывок о Вратах Бальдура, мы пересекли низкий, скалистый хребет и увидели перед собой огромный город. От этого зрелища у меня перехватило дыхание.

В четырех милях от нас, расположившись внизу длинного покрытого зеленой травой склона, город был больше, чем я мог себе представить. Он раскинулся на запад и восток, заканчиваясь массивной стеной, которая казалась мне не менее ста футов высотой. Ближе к центру я заметил еще одну стену, окружающую крутой холм, на котором располагались величественные строения. Красивые и грациозные храмы, большие белые башни, словно стрелы уносящиеся ввысь, к солнцу. Город стоял на берегу могучей реки Чионтар, которая разрезала сушу, держа свой путь к морю. Она была похожа на большую голубую змею, более широкую, чем город. Река прокладывала себе путь через зеленую равнину — от низких холмов на востоке к холмам, на которых мы стояли.

— Сколько народу тут живет? — спросил я, затаив дыхание.

— Если ты прочитал то, что я просил — то сам знаешь ответ на этот вопрос, — Перро жестом приказал мне спешиться, и я, как можно изящнее, соскользнул со спины Дымки.

Я поморщился.

— Путь был слишком тяжелым, и я слишком уставал. Мне очень жаль, сэр.

— Значит, ты не выучил урок, который я задал тебе. Но ведь ты узнал кое-что более важное?

— Не знаю. Разве это так?

— Что ты мог найти, если бы прочел отрывок? — спросил Перро. В его голосе не было гнева.

— Не знаю. Может, что-то про население и размер города. Ну и про важных персон, конечно...

— И правда, — Перро перекинул ногу через спину Дымки и спешил. — А еще ты нашел бы точное описание доков, а также список прекрасных гостиниц, в которых стоит остановиться, достопримечательностей, которые стоит посмотреть и указание на лучший рынок, где стоит покупать товары. Мы собираемся войти в город, а ты не знаешь ничего из этого, потому что не прочитал книгу.

— Это несправедливо! Мы ехали день и ночь. У меня не было времени...

— Жизни все равно, сколько времени у нас есть, — Перро смотрел прямо на меня, и я был удивлен, видя, что он не разочарован. — Мы говорим о времени, которое было у тебя в запасе. У тебя было семнадцать дней, чтобы прочесть один простой кусочек, — за два дня до этой просьбы, вероятно, прочел больше. И все-таки ты решил не тратить на это свое время. Это — один из самых ничтожных выборов, которые определяют нашу судьбу.

Он отвернулся и поглядел вниз, на Врата Бальдура.

— Нам нужно поесть и отдохнуть. Мы войдем в город на закате.

Глава десятая

Я едва смог дождаться заката. Большую часть дня я провел ходя по нашему небольшому лагерю, попеременно глядя на надвигающийся призрак Врат Бальдура или изо всех сил стараясь сопоставить реальность с городом из моего воображения. Я ухаживал за Дымкой, хотя та вовсе не нуждалась в этом. Я вникал в описания путешественника Воло, но это лишь усилило мое предвкушение. В конце концов, я закрыл глаза и попытался вздремнуть. Но ни один из этих способов отвлечься не помог — чем больше я пытался сдержать свое волнение от грядущих ночных приключений, тем сильнее они занимали мои мысли.

Спустя вечность, солнце коснулось западного горизонта. Тогда мы собрали наши пожитки и отправились в город.

Мы не взяли с собой никакого освещения — слишком велик был риск оказаться замеченными. Перро был полон решимости войти в город тайно, хотя он никогда не объяснял мне причины. Четыре мили, которые лежали между нами и городом, показались мне невыносимо долгими. Когда рядом лежит такой город со всеми его секретами, такое расстояние, пусть даже уменьшавшееся с каждым шагом, было слишком большим. Но вот, прежде чем я успел моргнуть, мы приблизились к внешней стене Врат Бальдура.

Я посмотрел на стену. Прямо над нами я смог заметить факел. Там нес стражу по крайней мере один человек, однако он двигался в сторону северо-восточного угла стены, который был освещен сильнее. Еще несколько охранников с факелами перемещались вдоль зубцов, но никто из них не проходил рядом с местом нашей остановки.

Переведя взгляд на Перро, я заметил, что он бросил на землю моток веревки. Под моим взглядом он начал напевать низкую мелодию, мягко покачиваясь назад-вперед. Словно змея, веревка поднялась и начала покачиваться вместе с Перро. Медленно, очень медленно она поднималась в воздух без какой-либо помощи, покуда, наконец, один её конец не достиг верхней части стены. Перро прервал свою песню, и веревка прекратила свой танец. Мой спутник подергал веревку, улыбаясь, когда она не свалилась на нас сверху.

— Ну, полезли, — сказал он.

Не глядя на меня, он начал взбираться на стену. Я последовал за ним несколько мгновений спустя. Как только я достиг бруствера, Перро протянул руку сквозь зубцы и рывком поднял меня на стену. Мои руки были потными, а ладони горели. Однако Перро даже не вспотел. Для пожилого человека он казался на удивление сильным.

Быстро оглядевшись, чтобы убедиться в том, что мы все еще одни, Перро схватил веревку и что-то прошептал себе под нос. Веревка подпрыгнула и свернулась в идеальное кольцо. Он закинул её в свой рюкзак и достал два золотых кольца.

— А теперь начинается самое интересное, — шепнул он.

Несмотря на темноту, мне удалось заметить в его глазах озорной огонек. Одно из колец он надел на свой палец, а второе протянул мне. Я последовал его примеру и надел кольцо, которое было мне слишком велико, на средний палец правой руки. Как только я отпустил его, кольцо стало меньше, оказываясь совершенно впору.

— Отлично, прошептал Перро. — Сейчас я посчитаю до трех. И на счет три мы прыгаем.

Он указал на внутреннюю часть стены, которая была лишена зубцов. Я покосился через край. Стена возвышалась на двадцать футов, а вместо зеленой травы, росшей по другую её сторону, внутри была лишь мощеная камнем улица. Я посмотрел на Перро, замечая, что тот сдерживает смех.

— Доверься мне, — сказал он, беря меня за руку.

Мой спутник положил пальцы на край стены. Я тяжело сглотнул и последовал его примеру, стараясь не смотреть вниз. Хотя это, конечно, было не возможно. Открывшийся мне вид вызвал тошноту и головокружение.

— Один, — сказал он. Его голос звучал тихо и низко. Мне показалось, что я заметил в его тоне отзвуки страха, но учитывая умение Перро, так долго певшего, управлять своим голосом, он мог бы легко скрыть свое волнение, которое так нервировало меня. Ему просто хотелось немного развлечься за счет моего испуга.

— Да, — сказал он чуть громче.

Нотки страха, звучавшие в его голосе, стали яснее, но когда я услышал стук копыт, приближавшийся по камням, я понял, что этот страх не был притворным. Я подумал, что должен предложить подождать, пока лошадь проедет, но прежде, чем смог вымолвить хоть слово — заметил свет факела, движущийся с запада. Темнота давала нам некоторую защиту, но было маловероятно, что стражник не заметит нас. Нам придется прыгать. Надеюсь, что человек, который подходит...

— Три!

Перро прыгнул со стены, и я почувствовал, как он рванул меня за руку. Я прыгнул следом. Как только твердая земля под моими ногами исчезла, внутри меня зародился крик, но я проглотил его.

Стоило нам покинуть стену, я ощутил, что кольцо на моем пальце слегка потеплело. Я не падал, а левитировал вниз, словно перышко, подхваченное легким ветерком. Взглянув на

Перро, который отпустил мою руку, я понял, что тот так же мягко дрейфует по воздуху. «Падая» вниз, он полез в свой рюкзак, вытаскивая еще один предмет. Слишком маленький, чтобы я смог его рассмотреть.

Клацанье копыт становилось все громче, и прежде, чем мы приземлились, я увидел человека, который вывернул из-за угла. Он был одет в форму стражника Врат Бальдура. Незнакомец сидел на высокой бурой лошади. В одной его руке был зажат факел. Поперек седла он перекинул копьё.

— Эй, там. Представьтесь! — сказал он, когда мы приземлились. Однако его голос слегка дрожал.

— О, сэр. Я мог бы, но предпочитаю оставаться неузнанным, — сказал Перро. — Мне очень жаль.

Перро бросил зажатый в руке предмет в направлении стража. Я увидел, как он блеснул, пролетая над факелом — предмет выглядел, как стеклянный шарик. Прежде, чем я смог разглядеть его внимательнее, он упал с тихим хлопком на землю, прямо перед лошадью стражника. Как только шарик разбился, струйки энергии побежали от него вверх, обволакивая мужчину и быстро образуя твердый полупрозрачный пузырь.

Стражник отшатнулся и чуть не упал с лошади.

— Что за трюки?

Я едва расслышал его вопрос. Голос мужчины заглушался стенками волшебной сферы. Он схватил свое копьё и ударил им о пузырь, но то лишь отскочило. Тогда стражник соскользнул с лошади и попытался пройти сквозь сферу, но она не поддалась.

Я взглянул на стену и увидел свет факела охранника, движущегося вдоль зубчатой стены.

Пленный стражник увидел своего товарища. Он нанес мощный удар вверх, но это не оказало никакого эффекта на пузырь. Мужчина закричал, надрывая легкие, но звук едва ли проходил через магический барьер.

Человек на стене не услышал его, и свет факела двинулся дальше.

Лошадь плененного стража заржала, рассерженная воплями своего хозяина, и положила свою морду на плечо стражника, используя её вес, чтобы придавить мужчину к земле.

Охранник пытался сопротивляться, отталкивая прочь голову животного и пытаясь — безуспешно — встать, все время продолжая кричать. Но это только больше раздражало лошадь. Когда стражник пробормотал проклятия и сплюнул, животное легло на землю, зажимая ноги человека под своим животом.

Наконец, тот перестал кричать.

— Простите, сэр. Но, как я и говорил, мне хотелось бы сохранить инкогнито. Шар поможет в этом. Тем не менее, он исчезнет. В конце концов, — улыбка Перро могла легко подойти нашкодившему ребенку, но на его обветренном лице она смотрела столь же уместно. Он повернулся ко мне и сказал: — Идем, мальчик. Нам нужно кое-что сделать.

Глава одиннадцатая

Врата Бальдура были не похожи на все, что я видел раньше. Мы шли по пустынному городу, встречая на своем пути не так много народу — единственными, попадавшимися нам живыми существами были бездомные, которым некуда было идти, патрульные и воры, которым удалось избежать внимания стражи.

Мы были бродягами, скользкими по мощеным улицам при свете луны.

Время от времени я поглядывал на звезды, чтобы понять, в каком направлении мы идем. Но вокруг нас толпилось множество зданий, потому было крайне сложно разглядеть любой крупный кусок неба, а городские дороги были узкими и запутанными.

Наш путь лежал мимо старых ветхих построек и новых домов. Поначалу я пытался найти места с карты из книги Воло, но мы двигались слишком быстро, и потому вскоре я сдался.

Вид вокруг не слишком впечатлял, но я нашел приятным окружающий нас запах. Над городом висел густой соленый воздух океана, с которым смешивались запахи специй и благовоний, которые привозили сюда для торговли со всех концов Фаэруна. Не прекращавшийся ветер смешивал запахи в один успокаивающий аромат.

Некоторое время мы блуждали по городу, ныряя в переулки, чтобы избежать внимания проходящих стражей.

Наконец Перро подошел к закрытой двери, над которой виднелась выцветшая вывеска, изображавшая опорожненную кружку, а также содержавшая имя заведения — Пустая Кружка. Окна и двери вокруг нас тонули во тьме. Ни единого звука не прорезало ночь.

Я полагал, что это место было необитаемо. Когда Перро распахнул дверь, я понял, что не ошибся. Таверна была абсолютно пуста. Табуреты стояли на столах, барная стойка была безлюдна.

— Ну, чего ждешь? — спросил Перро. — Заходи!

В его глазах снова загорелся огонек. На мгновение, я заколебался, но Перро настаивал. Я знал, он не станет совершать поступков, которые могут причинить мне вред, так что пришло время узнать, что же твориться на самом деле.

Войдя в комнату, я почувствовал что-то странное. Некое беспокойство, но так и не смог понять, с чем же оно было связано. Медленно и осторожно я пошел к бару, оглядываясь по сторонам, но ничего не замечая. Из таверны не было других выходов, за исключением того, которым попал в неё я. Я повернулся к двери, замечая, что Перро стоит снаружи.

— Тут никого нет, — крикнул я ему. — Место пустое.

— Откуда ты знаешь? — спросил он. Его голос был тихим, но я слышал друга совершенно ясно. — Ты ведь даже не вошел в комнату.

— О чем ты? — удивился я. — Я внутри...

Я развернулся, обводя рукой помещение. Но мне стоило только взглянуть туда, где была стойка, чтобы понять — я смотрю на комнату извне, словно все еще стою на пороге.

— Власти иллюзий, — со смехом сказал Перро. — А теперь, войдем.

Он произнес несколько слов: «Отличный эль и прекрасные истории», шагнул через порог и исчез.

Несколько мгновений я тупо моргал, оставаясь на месте. Однако так и не смог вновь увидеть своего наставника. Из сложившейся ситуации был только один выход.

— Отличный эль и прекрасные истории, — пробормотал я и сделал шаг вперед.

Я переступил порог, внезапно оказываясь посреди ослепительного света и хора голосов. Вокруг меня разговаривали, кричали, пели и аплодировали. Как только мои глаза привыкли к свету, я огляделся вокруг, видя перед собой совершенно иной зал. Все столы были заняты, на каждом стуле кто-то сидел — исключая лишь несколько, чьи хозяева в пьяном угаре повалились на пол. Много народу стояло и сидело на полу около очага. Я заметил, что многие посетители были не людьми. Особенно выделялись из толпы дворфы и гномы. Полдюжины женщин расхаживали по комнате, разнося подносы. С этих подносов завсегдатаи просто хватали напитки, когда официантки проходили мимо.

Группа дворфов собралась вокруг огня. Они держались под руки, зажав в руках кружки и громко распевая хриплые застольные песни — которыми для дворфов, кажется, служили те, что рассказывали про убийство гоблинов. Каждый новый творческий способ убийства гоблина — будь то разбивание головы камнями, удар молота, раскраивавший череп или столкновение гоблинской бошки с... другим гоблином — очень веселил дворфов.

Их песня детально описывала, как использовать гоблина в качестве оружия — держать его за ноги, раскручивая, чтобы создать импульс, а затем опустить его тушку вниз, совершая удар сверху, словно в руках у тебя боевой топор. Из книг я знал, что голова гоблина — самая твердая часть его тела, и наиболее эффективного результата можно достичь, когда существа сталкиваются именно головами. Звук расколотаго черепа мог быть довольно громким, четким и приятным для уха.

За все годы, которые я провел, путешествуя с Перро, я ни разу не видел подобного места. Потому не мог подхватить песню, но слушал, представляя коренастых крепких мужчин, которые раскручивали за лодыжки уродливых гоблинов, используя мерзких существ в качестве оружия против собственных сородичей. Я подумал, что подобная забава, должно быть, распространена в городах дворфов. Про себя я решил, что когда-нибудь мне придется поехать в земли дворфов, чтобы увидеть все собственными глазами.

— Перро, дружище. Как здорово снова видеть тебя.

Голос, донесшийся сбоку, выделился среди гомона толпы и вырвал меня из задумчивости, в которую я был погружен песней дворфов.

Я повернулся, чтобы увидеть, как Перро легко идет к барной стойке, проталкиваясь через толпу дворфов.

Услышав этот голос, я ожидал, что хозяином его окажется человек или, быть может, эльф. Но был кране удивлен, увидев старого седобородого дворфа, который балансировал на небольшом пульсирующем голубом диске, который дрейфовал вверх-вниз за барной стойкой. Перро и дворф разговорились, но их голоса звучали тихо, и потому я не мог разобрать ни слова. Тогда я подкрался поближе.

— ...ждет тебя наверху, но пришел человек из её храма, и она в спешке удалилась. Она сказала оставить это...

Дворф резко оборвал фразу и повернулся, чтобы посмотреть на меня.

Под этим пронзительным взглядом я вдруг почувствовал себя голым. И мне стало стыдно. Я пришел подслушивать разговор, который не предназначался для меня. Я попытался скрыться в толпе, но взгляд дворфа смягчился, и его толстые губы тронула улыбка. В густой бороде сверкнули его блестящие белые зубы.

— А это, должно быть, твой подопечный, — сказал он. Хотя дворф явно обращался к Перро, его глаза продолжали следить за мной.

Перро повернулся ко мне. В его взгляде виднелось удивление и, быть может, даже немного одобрения. Я сразу понял, что Перро не заметил меня и был доволен, что мне удалось подобраться так близко, оставаясь незамеченным.

— Да, да. Это мой мальчик. Мой юный ученик, — сказал Перро, беря себя в руки. — Мэймун, это Элвисс. Он мой старый друг. Немного угрюмый, — заметил он, покосившись на дворфа. Тот только закатил глаза, улыбаясь еще шире. — Он предложил мне присмотреть за тобой сегодня вечером.

— Присмотреть? — спросил я. — Но за мной не нужно никому присматривать. Куда ты отправляешься и почему мне нельзя с тобой?

— Меня зовут дела. И тебя они не касаются. Ты останешься здесь, с Элвиссом.

Перро посмотрел на дворфа, и тот кивнул прежде, чем мой наставник закончил.

— Я дам тебе кровать в общей комнате. Все равно большинство из них пустуют.

Дворф положил руку на мое плечо, уводя прочь, но Перро остановил друга, поднимая руку. Он наклонился к Элвиссу и тихо проговорил.

— Не спускай с него глаза. Я вернусь быстро, и мальчик должен быть готов.

Элвисс кивнул. Прежде, чем я успел что-нибудь сказать, он повел меня к общей комнате, а Перро покинул таверну старым путем.

Глава двенадцатая

Этой ночью сон снова не шел ко мне.

Я заставил себя лежать с закрытыми глазами, гоня прочь все мысли и пытаюсь сконцентрироваться на собственной усталости. Однако, несмотря на все усилия, мои мысли снова и снова возвращались к Перро и его таинственным делам.

Казалось, прошла вечность, прежде чем я окончательно забросил попытки уснуть. Я встал с кровати и оделся. Тихо, чтобы не мешать двум другим спавшим, я подкрался к двери общей комнаты и приложил к ней ухо. Из-за двери не доносилось ни звука.

Медленно и осторожно, я толкнул её.

Таверна была пуста. Все стулья стояли на столах, а только что вымытый пол ярко блеснул. Единственным источником света была барная стойка — где плавал пульсирующий голубой диск Элвисса. Старый дворф тоже был там, машинально потирая стойку тряпкой и тихо напевая себе под нос.

Он казался слишком занятым, а комната — достаточно тенистой, чтобы я мог пересечь её, оставаясь незамеченным. Выход из таверны располагался прямо напротив дверного проема, в котором я находился, так что мне придется пройти большое открытое пространство.

Я двинулся вперед, ступая с носка на пятку — в одной из книг Перро я прочел детальное описание того, как двигаться скрытно — и используя столы, как укрытия. Пол был скользким, но не чрезмерно, и потому вскоре я потянул пальцы к ручке двери.

Элвисс все еще тихо напевал и возил тряпкой по барной стойке. Хотя, как только я прикоснулся к двери, старый дворф подпрыгнул.

Он развернулся и посмотрел прямо на меня.

Дворф дважды хлопнул в ладоши. Этот звук разорвал тишину ночи, и в комнате стало также ярко, как в вечер нашего прибытия.

Элвисс уставился на меня. Мне казалось, на его губах застыло некое подобие улыбки, однако это могли быть лишь морщины, покрывшие его обветренную кожу.

— погоди, погоди, парень. Даже не думай, что я дам тебе бродить по улицам в одиночку! — сказал он. — Ты знаешь, что это не безопасно.

— Я не стану ввязываться в неприятности. И меня не поймают. Ведь ты не заметил бы меня, если бы не... магия.

Я бы продолжил протестовать, но заметил, что Элвисс едва сдерживает смех. Дворф замахал руками, прося меня помолчать.

— Я не говорил, что это опасно для тебя, — сказал он, подавляя хохот. — Скорее, это мне должно быть страшно. Перро вернется, и как мне сказать ему, что я позволил его подопечному пойти за ним на личную встречу?

Смешок дворфа превратился в громкий хохот, идущий из глубин его живота. Он распространялся по всей таверне. Казалось довольно странным, что его производит такое сладкоголосое существо. Спустя мгновение, я присоединился.

Внезапно, дворф прекратил смеяться, заставляя мое звонкое хихиканье неловко повиснуть в воздухе. Однако его лицо не изменило выражения — казалось, что его улыбка стала шире, делая лицо дворфа почти зловещим.

— Хотя, давай подумаем. Перро сказал мне «держи мальчика тут». Но он не говорил, что я не должен дать тебе понаблюдать за ним.

— Но как же я смогу это сделать, если мне нельзя выходить?

— О, есть способы, — дворф развернулся и спрыгнул с волшебного диска, который мгновенно исчез. Он направился к маленькой двери, скрытой за барной стойкой. Подойдя к ней, он махнул мне, предлагая присоединиться. — Ну идем же, если ты хочешь посмотреть.

Его голос был едва ли громче шепота.

Я колебался лишь мгновение. Затем, мое любопытство перевесило предчувствие.

Вслед за Элвиссом я прошел сквозь дверь, оказываясь в комнате, погруженной в кромешную тьму. Не успел я переступить порог, как моя нога зацепилась за какой-то тяжелый предмет, валявшийся на полу. Я полетел вперед, прямо на книжную полку, которая повалилась следом за мной.

— Что... что ты... смотри куда... ты слепой? — крикнул Элвисс. — Ах, да. Свет.

Он дважды хлопнул в ладоши, и комната мгновенно озарилась светом, ярким, словно утреннее солнце.

— Дворфу не нужен свет, чтобы видеть. Я и забыл, что людям повезло меньше.

Я уселся и огляделся вокруг, потирая ушибленный палец правой ноги. Наконец, я заметил предмет, ставший причиной моего падения — большой том, переплетенный черной кожей. Он был так похож на загадочную книгу Перро. Том покоился на поверженной на пол книжной полке, которая непрочно стояла на вершине чего-то, похожего на человеческий череп — только кость вместо белой была огненно-красной. Содержимое полки разлетелось по полу, однако вокруг меня вперемешку лежало куда больше свитков и книг, чем могла вместить злосчастная полка.

— Ну, вставай, давай! — нетерпеливо рявкнул Элвисс. Я поднялся, оказываясь на одном из немногих клочков чистого пола, и восстановил равновесие.

Тем временем, дворф замахал руками, произнося какие-то загадочные слова. Упавшая мебель снова поднялась, по дороге теряя те немногие вещи, что еще лежали внутри. Элвисс махнул рукой второй раз, и множество книг и свитков запрыгнуло на полки, занимая любую свободную нишу.

Элвисс очистил только стол, в центре которого покоился какой-то предмет, накрытый черной тканью.

Как только я подошел ближе, Элвисс выпрямился, расправляя широкие плечи. Он стянул ткань, взмахнув ей в воздухе. Внизу оказался круглый кристалл, стоявший на черной подставке из кованого железа.

Дворф поднес палец к губам, давая понять, что я должен соблюдать тишину, а затем начал медленно водить руками над шаром. Мне потребовалось несколько мгновений, чтобы понять — дворф произносит заклинание — его голос казался таким тихим, что его едва можно было услышать.

Внезапно, комната снова погрузилась во тьму. Остался только блестящий бледно-голубой шар. Пение Элвисса изменилось, и слова заклинания внезапно зазвучали четко и ясно.

Я наклонился к шару. Все ближе и ближе. Его свечение становилось все ярче, грохочущий напев Элвисса — все громче. Теперь заклинание почти оглушало меня. И вот я полностью погрузился в зарево голубого света.

Глава тринадцатая

Комната была огромной и такой высокой, что на верхушках длинных столбов должны были кружить облака. Пол, стен и те самые колонны были сделаны из розового мрамора. Они были гладкими и блестящими. Вдоль стены тянулся ряд больших окон, в разноцветных стеклах, которые позволяли просачиваться тусклому жутковатому свету, виднелись красивые картины.

В конце зала располагался огромный помост, на который вели три ступени маленькой лестницы. Там на коленях стояла какая-то фигура. Возможно, это был даже человек, хотя в такой огромной комнате сложно было судить о размерах существа. Простая белая ряса полностью скрывала своего хозяина.

Мое внимание привлекла огромная дубовая дверь. Одна из её тяжелых створок лишь слегка скользнула в сторону, и в комнату проскользнул человек. Он казался таким крошечным. Я сразу узнал темно-синий плащ, накинутый на его плечи.

Перро.

Огромная дверь бесшумно захлопнулась, и Перро начал свой длинный путь по зале.

Фигура на возвышении встала и повернулась к нему лицом. Она протянула руку, изящно сбрасывая капюшон, под которым скрывалась самая красивая из виденных мною женщин. Волосы цвета вороного крыла были заправлены за заостренное ухо, которое так подходило к острым чертам её лица.

Перро приблизился, и женщина сделала три коротких шага ему на встречу. Поначалу казалось, что он хотел сжать красавицу в крепких объятиях, но оказавшись рядом, воздержался от этого. Он лишь взял её за плечи и нежно улыбнулся. Женщина вернула ему улыбку и заговорила. Её мелодичный голос казался вечным эхом, которое, тем не менее, не нарушало тишину, царившую в великой зале.

— Друг мой, как здорово видеть тебя снова. Ты мог бы — ты должен! — заходить чаще.

— Ты знаешь, почему я не мог, — ответил мужчина. Его голос не был похож на эхо, и, казался очень неуместным в подобном месте.

— Да, конечно. Я знаю о твоих причинах — сказала она. — Но ты здесь, и нет ни знака того, что он даже понял.

— И не будет, пока я не окажусь близко.

— Ты был близко прежде, и всегда избегал неприятностей.

— О себе я забочусь в последнюю очередь. Подопечный Элбис путешествует со мной, он важнее.

Когда он произнес имя Элбис, улыбка женщины померкла. Она покачала головой.

— Он больше не подопечный Элбис. Он — твоя забота. Его нужно оберегать. Даже если это будет значить, что бедная Джейд не сможет увидеть тебя, — она снова улыбнулась. — Даже если моим единственным посетителем станет дворф!

— В конце концов, дворф может последить за мной своими волшебными глазами, — ответил Перро. — Так что ты сможешь услышать о моих захватывающих подвигах. Возможно, эти истории смогут убедить тебя пересмотреть свой выбор и вернуться на дорогу.

Женщина покачала головой.

— Мне суждено остаться здесь так долго, как потребуется. Хотя, полагаю, дорога снова призовет меня, и быть может я даже пойду рядом с тобой. Может быть, я снова увижу

открытые небеса дикого мира, но до тех пор я останусь здесь, в мире поменьше, хотя и не менее красивом.

— Ладно, к делу, — она взмахнула рукой вокруг головы, будто отбрасывая в сторону предыдущую отвлекающую беседу. — Я знаю, почему ты пришел.

Перро сделал шаг вперед.

— Мальчику исполнилось двенадцать. Он показал необычайные способности. Он готов, чтобы это вернулось к нему.

Женщина торжественно кивнула, её улыбка исчезла. Она залезла в карман своего одеяния, доставая небольшой, размером с кулак, предмет, завернутый в белую ткань. Она поглядела на загадочную вещицу, а затем на Перро. Кивнув, она протянула предмет моему наставнику.

— Как я уже говорила — сейчас он твой подопечный. Потому решение должно принадлежать тебе. Ты должен заботиться об этом так же, как и о нем. Он не должен быть потерян, или мальчик потеряется вместе с ним.

Перро протянул руку, с благоговением принимая сверток, и начал говорить. Но прежде, чем он смог произнести хоть одно слово, Джейд бросилась вперед, обнимая его и прижимаясь губами к его уху.

— Он не должен быть утерян снова, — прошептала она, отстраняясь от друга. Затем, она повернулась и двинулась вверх по лестнице, снова принимая коленопреклонённое положение. Женщина подняла капюшон и склонила голову.

Казалось, Перро все же хотел что-то сказать, но вместо этого кивнул, развернулся и двинулся в обратный путь через огромную залу.

Я открыл глаза — а, быть может, я вовсе никогда не закрывал их — и отстранился от стола. Меня не покидало чувство, что я выскочил прямо из хрустального шара. Запнувшись ногой о другой большой фолиант, я снова наткнулся на книжную полку и шлепнулся на пол. Пергаменты, лежавшие наверху, свалились на меня, погребая под лавиной бумаги.

Из-под груды несвежего пергамента я с трудом мог расслышать пение Элвисса. Я чувствовал, как заклинание схватило меня, таща вверх, однако его сил было не достаточно, чтобы поднять меня.

Восстановив ориентацию в пространстве, я поднял голову и увидел, что Элвисс смотрит на меня.

— Это ответило на твои вопросы, малыш?

— Да, сэр. В смысле, я хотел сказать, нет, сэр... Кто это? Где это? Что...?

Элвисс энергично потряс головой, сначала из стороны в сторону, а потом вверх-вниз.

— Чудесно. Ты искал ответ на вопросы, но эти ответы были не для тебя. И поэтому ты шпионил, смотрел на то, что не предназначалось для твоих глаз. И что же ты нашел, молодой человек?

Некоторое время я размышлял над словами дворфа.

— Больше вопросов. Я нашел только больше вопросов.

Чудесно. И на этой ноте тебе пришло время отправиться спать, — сказал Элвисс. — надеюсь, ты запомнишь этот урок. Но я буду признателен, если ты не расскажешь Перро. Он все еще может убить меня, если узнает, что я помогал тебе шпионить за ним.

Дворф начал тихо напевать, толкая меня из комнаты, через таверну, прямо к моей кровати.

Я и не ожидал, что засну в ту ночь. Мои глаза были закрыты, но я видел образ той женщины. Той эльфийки. Её черные волосы, пронзительные глаза, голос, мягкий, нежный, прекрасный, который повторял снова и снова...

— Он не должен быть утерян снова.

Глава четырнадцатая

— Просыпайся, дитя, — Перро стоял над моей кроватью и мягко толкал меня в плечо. Он выглядел так, словно был только что с дороги — покрыт грязью и потом. В руках он держал одежду, готовую для того, чтобы я надел её. Я встал и натянул штаны, а затем потянулся к рубашке.

— Держи, — сказал Перро. — Вначале надень это.

Он вручил мне кожаный ремень, скрепленный серебряными заклепками размером с боб. В середине ремня, вместо пряжки, был небольшой мешочек.

Я начал оборачивать ремень вокруг талии, но Перро покачал головой.

— Носи его на груди. Перекинь справа налево, как кушак. Мешочек положи на сердце.

Разве кушак носят на поверх рубашки? И разве не сделан он из материала тоньше этой грубой кожи? — подумал я.

Однако я сделал так, как мне было приказано. Или, во всяком случае, попытался. Кожа впилась в мою спину, и потому я никак не мог найти удобное положение, как бы я не передвигал ремень. Спустя минуту моей возни, Перро протянул руку и туго затянул ремень.

Кушак наконец принял более менее удобное положение, и я посмотрел на Перро. Мое сердце едва не остановилось. В руке он держал сверток размером с кулак. Тот самый завернутый в белую ткань предмет, что раньше дала ему Джейд.

— Чт... Что это такое, сэр? — спросил я, и мою усталость как рукой сняло. Я пытался говорить спокойно, но не мог. Оставалось надеяться, что дрожь в моем голосе не предупредит Перро о том, что я шпионил за ним. Я боялся, что стоит ему узнать об этом, и он не отдаст мне сверток.

— Это, — сказал он с благоговением в голосе, — реликвия. Подарок. Он принадлежал тебе с рождения, но был спрятан тут, в городе, ожидая часа, когда ты достаточно повзрослеешь, чтобы владеть им. То есть до сегодняшнего дня.

Он протянул ко мне руки. Сейчас Перро напоминал священника, который протягивает чашу святой воды своему ученику.

Медленно, я вытянул руку и взял сверток. Он был одновременно тяжелым и очень легким. Предмет весил совсем немного, но я чувствовал, будто держал в своих ладонях что-то важное и огромное. Развернув белую ткань, я обнажил черный камень, идеально гладкий и идеально круглый. Когда я покрутил камень в руках, цвет его стал меняться — он переливался то голубым, то красным, то покрывался полосами глубокого фиолетового, содержавшего в своей глубине все цвета радуги. Мне потребовалось много времени, чтобы отвести взгляд от подарка и снова взглянуть на Перро, который терпеливо смотрел на меня, словно ожидая реакции.

— Он прекрасно поместится в сумку на кушаке, — сказал он мне. — Держи его там и никогда не своди с него глаз.

— Но почему? — я окинул взглядом камень в руке. — Что он делает?

— Время для вопросов наступит позже. — Он протянул мне мою рубашку. — А теперь, нам нужно уходить.

— Уходить? — спросил я. — Уходить из гостиницы?

— Не только. Сегодня вечером мы должны покинуть город, и оказаться далеко к тому времени, как солнце сядет за горизонт.

Мало кто выходил на улицу в эти предрассветные часы, а потому никто не обратил внимания на наш уход. Мы шли быстрым шагом. Перро сказал, что бег может привлечь внимание охранников. Мне казалось, что наш путь лежал на юг, но улицы изламывались и петляли, и потому мне сложно было ориентироваться. Казалось, Перро точно знал, куда идет, так что я просто крепко вцепился в его синий дорожный плащ и следовал за ним по пятам.

Все это время одной рукой я сжимал камень, который прекрасно обосновался посреди моей груди, прямо рядом сердцем. Тепло камня согревало меня, словно он всегда был там, всегда принадлежал мне, словно я был неполноценен до той ночи, когда снова обрел эту часть себя.

Я не заметил, что Перро остановился, пока не уткнулся прямо в него.

Обойдя наставника, я оглядел причину нашей задержки. Он стоял перед нами — одинокая фигура, перекрывавшая дорогу, так похожая на эльфа. Незнакомец был небольшого роста, а уши его были заострены. Голова мужчины была чисто выбрита, а кожа имела золотистый цвет кожи солнечного эльфа, с легким красным оттенком.

— Тебе стоит лучше заботиться о безопасности своих путешествий, — сказал эльф. Он был одет по-королевски — в тонкие шелка фиолетового и черного цвета. В руках у него был искусно вырезанный из черного дерева, или быть может даже обсидиана, посох, на который он тяжело опирался. — Вы слишком заметны, чтобы переносить такие дорогие вещи.

Голос эльфа был ниже, чем я ожидал. Твердый баритон, который был полностью лишен всякой музыкальности, такой обыкновенной для всех представителей лесного народа.

— Я все ждал, когда ты покажешь одну из своих мерзких рож, Эсбил, — ядовито ответил Перро.

— Ну-ну. Давай без оскорблений, — хихикнул он. — Вместо того давай поговорим о возвращении моего имущества. За это я не убью тебя.

Мужчина одарил нас обезоруживающей улыбкой, но та вышла слишком широкой, навевая чувство тревоги.

— Не твоего. Оно твоим никогда не было, негодяй, — сказал Перро.

Улыбка исчезла с лица Эсбила.

— Что я только что говорил об оскорблениях, идиот? — спросил он.

Перро проигнорировал его, поворачиваясь ко мне.

— Мэймун, ты устал?

Я заколебался.

— Нет, я неплохо выспался.

— Отлично. Твои ботинки завязаны?

— Да, сэр.

— Прекрасно. Беги.

Мгновенно я бросился прочь, двигаясь вниз по улице.

Позади меня раздался громкий хлопок, а затем какой-то звук, похожий на шипение промасленной тряпки, которую сунули в огонь. Я обернулся, чтобы посмотреть на происходящее, но увидел только Перро, мчащегося следом за мной. Он поймал меня посреди дороги и потащил вперед. Его сильные ноги бежали так, как мне и не снилось — как не снилось ни одному человеку на свете. Сзади раздался глубокий и угрожающий смех, но он быстро таял и затихал в дали.

Перро бежал, ныряя в каждый переулок, которым мы прошли ранее. Сначала я думал, что он потерялся, но выражение, застывшее на его лице, говорило о том, что наставник знал, куда идти. Весь путь он что-то бормотал себе под нос, и даже поднес к губам крошечный серебряный свисток. Раньше я не видел этого приспособления, но был не слишком удивлен тем, что вещь не произвела никакого шума, когда Перро подул в неё. Это еще один случай использования небольшой необъяснимой магии. Я видел подобное сотни раз.

Мы завернули за угол и достигли самой открытой части города — доков. Широко растянувшиеся вдоль берегов Чионтара, доки Врат Бальдура включали в себя не менее сотни причалов, готовых принять столько кораблей, сколько могли отправить в путь крупнейшие порты севера и юга. Дорога, проходившая по докам, была шириной в четыре городских улицы, чтобы пропустить толпы людей и кучи грузов, которые складывали на корабли или, наоборот, относили на берег.

На дальней стороне дороги тянулись склады — высокие и величественные. Они были плотно прижаты друг другу, создавая впечатление гигантской стены, отделяющей набережную от остального города.

В этот час доки были пусты. Лишь три десятка кораблей было пришвартовано у причалов, все они стояли у длинных пристаней в конце набережной.

Приближался рассвет. Небо над холмами к востоку от нас посветлело, становясь бледно-голубым и предвещая восход солнца. Вокруг кораблей царила суматоха. Матросы просыпались и отправлялись по своим делам.

Вокруг нас не было ни души.

Кроме пары горящих глаз, которые светились в тени склада за нашими спинами.

Глава пятнадцатая

Эсбил выступил из тени. Его рот кривился в жутком оскале. Сейчас он казался выше, чем был раньше. Кожа существа стала краснее и больше не была такой идеально гладкой. Он кружил прямо позади нас, отрезая путь обратно к переулку, откуда мы только что вышли, но оставляя свободной широкую улицу, бегущую вдоль доков.

Перро развернулся и со всех ног побежал вниз по улице.

Но смеющийся Эсбил уже был перед нами.

Эльф — или существо, которое прикидывалось эльфом — рванулось вперед. Перро бросил меня и прыгнул навстречу нападавшему, доставая из сапога тонкий кинжал. Несколько раз он полоснул стилетом в воздухе, чтобы держать существо на расстоянии. Я отскочил назад, стараясь увеличить расстояние между мной и Эсбилем, но все же не желая оторвать взгляда от зрелища.

Перро наступал, наступал, наступал, постоянно крутясь и уворачиваясь. Эсбил не уступал, используя для защиты свой посох и постоянно хохоча.

А потом он пропал.

Чья-то рука схватила меня за плечо — когти железным захватом впились в мою плоть.

Перро немедленно оценил ситуацию. Он повернулся и бросился ко мне, но было слишком поздно. Я чувствовал, как уходит из-под моих ног земля.

Повернув голову, я посмотрел на существо, схватившее меня. Оно больше не было эльфом, принимая вид какой-то демонической сущности, в полтора раза выше любого человека, покрытой красной чешуей и с большими красными крыльями, торчащими из плеч. На лице создания застыла та же пугающая усмешка.

Его крылья несколько раз ударили воздух, и мы поднялись на несколько футов вверх. Я попытался схватить его за руку, чтобы заставить отпустить меня, но сила существа была слишком велика, и я никак не мог вывернуться из захвата.

Внезапно, я полетел вниз, обратно на тротуар, лежавший в нескольких футах ниже. Приземление было тяжелым, но не пугающим — я ничего не повредил. Ничего, кроме рубашки, которая была порвана там, где держал её Эсбил. Кусок ткани остался в лапах парящего демона, в то время как я сам свалился вниз.

Демон пикировал на нас, но Перро уже был готов, парируя его нападение своим стилетом. Он схватил и поднял меня, собираясь бежать. Но демон снова был на пути, отрезая все пути к отступлению. Не имея иного выбора, Перро повернулся и рванул вниз, к ближайшему причалу.

Поставив меня на ноги, он развернулся к Эсбилу, который остановился за нашими спинами и уже приближался. Его обсидиановый посох был направлен прямо на нас.

Нет, не на нас, понял я. Он указывал на причал позади.

Неестественный магический огонь озарил пирс, поднимаясь на двадцать футов в воздух и быстро распространяясь вокруг. Пламя отрезало нас от пристани, клубясь над водой. Огонь был мощным, яростным и не затухал даже тогда, когда до конца пожирал дерево.

Перро толкнул меня за спину, чтобы защитить от демона. Приготовив стилет, он изогнул руку так, словно собирался бросить его, но не стал этого делать. Казалось, импульс движения пронесся по лезвию, расширяя его, покуда кинжал, наконец, не превратился в меч — тонкое лезвие клинка было слегка изогнуто на конце, острое, словно стекло, и такое красивое. Мой наставник держал клинок перед собой, ставя ноги одну за другой. Заднюю ногу он повернул в бок.левой рукой он убрал назад свой замечательный голубой плащ. Сейчас он выглядел таким внушительным, героическим и непобедимым.

Страшный демон шагнул сквозь стену огня, полностью невосприимчивый к жару пламени. Сейчас он казался еще выше, ожесточеннее, злобнее. Рядом с этим монстром человек, заменивший мне отца, выглядел жалким.

Существо больше не держало посох. Вместо него в руках создания появился меч. Сабля Перро была красивой и впечатляющей, клинок же демона производил обратное впечатление. Длина лезвия, выкованного из черного железа, была больше роста Перро. По всей длине клинка его острие было изогнутым.

Выгнутый край, острая сторона, был покрыт ужасающими зубцами. Ярко-красная шипы торчали по всей длине лезвия. Даже эфес этого клинка выглядел способным убить. Его крестовина была образована скрученными металлическими шипами, десяток которых торчали под странными углами, а несколько виднелись под красной рукой демона. Там, где должно было располагаться навершие. Весь клинок сверкал красным пламенем, вызывая еще больший страх.

Эсбил уставился на Перро. Мерзкая улыбка демона исчезла.

— Твой клинок слишком хорош для такого слабака, — прорычал он.

Перро, все еще стоя в прежней стойке, поднес лезвие ко лбу, саркастически салютуя демону.

Эсбил не стал терять время на подготовку к бою, как не стал и производить предварительных выпадов, чтобы изучить противника. Вместо этого он просто атаковал Перро, ударяя своими огромными крыльями, чтобы создать мощный импульс. С грубой силой его меч полетел вперед.

Перро был готов к этому и, зная нечеловеческую силу демона, мудро не стал блокировать удар. Вместо того он приблизился к ужасному мечу, низко пригибаясь и используя свое оружие, чтобы отвести удар противника.

Когда удар Эсбила не встретил сопротивления, демон потерял равновесие. Тогда Перро, плотно вставая на ноги и сохраняя идеальный баланс, сделал выпад. Он не мог противостоять клинку Эсбила, потому ударил в рукоять огненного меча, заставляя навершие ударить прямо в глаз демона. Голова существа полетела назад.

Эсбил отступил и взмахнул крыльями, отталкиваясь от Перро. Перро поднял клинок и

рванулся вперед. Когда мужчина сделал выпад, его собственная рапира взорвалась синим пламенем, в отличие от красного клинка Эсбила, который вспыхивал красным. Меч Перро излучал холод, а не жар.

Лаза демона расширились. Понимая, что отступить достаточно не получится, он использовал единственную возможность защиты — скользнул влево — он упал на землю, тяжело валясь с причала.

Вокруг демона закружился легкий туман, словно столь близкое присутствие существа оскорбляло реку, и она отвечала туманом.

Перро был полностью готов. Его левая нога была согнута позади, а правая рука — вытянута вперед. Он смог бы быстро восстановить свою оборону, но не смог провести атаку прежде, чем Эсбил поднялся на лапы и взял свой меч.

Демон уставился на Перро. Ненависть в его взгляде теперь мешалась с уважением. Он поднял клинок, держа его горизонтально по направлению к телу, и двинулся на противника, шагая осторожнее.

Туман продолжал сгущаться, и теперь я мог разглядеть лишь смутные очертания моего друга, который отмахивался от демона. Их движения казались медленными и нереальными. Мне казалось, что я стал свидетелем медленного танца, где каждый участник движется в гармонии, делая движение, реагируя и снова действуя, а вовсе не наблюдаю за боем на мечах.

Но туман не смог поглотить яркий свет пылающего клинка, а скорость движений не замедлилась в реальности. Клинки сталкивались и разрезали воздух. Каждый раз мне казалось, что удар неизбежен. Каждый раз я следил за ними, затаив дыхание. И каждый раз клинки пролетали мимо, не причиняя вреда, или же были успешно парированы.

Тогда Эсбил изменил свою тактику и направление, делая шаг вперед и взмахивая мечом снизу вверх, а не наоборот. Перро не смог парировать меч, а затем нырнуть под него. Вместо этого ему пришлось отскочить из-под удара, сначала бросаясь влево, а затем вправо. Голубое пламя вспыхнуло против красного, и лязг металла смешался с сердитым шипением огня, пожирившего лед.

После третьего удара демона, Перро отступил назад, опираясь на заднюю ногу в тот момент, когда огненный клинок пролетел прямо перед ним. На мгновение мне показалось, что лезвие ударит его, и потому я едва не закричал. Но меч совсем чуть-чуть не достал Перро.

Тогда мой друг перенес весь свой вес на заднюю ногу, принимая уверенную стойку. Его меч был впереди, готовый к бою. Эсбил потерял равновесие. Он слишком широко взмахнул мечом, не встретив никакого сопротивления. Перро сделал выпад — яростно, жестоко, и кончик его лезвия в мгновение ока оказался в пяти футах от Эсбила. Демон попытался отступить, отойти в сторону, чтобы не попасть под удар этого холодного стального клинка. Но движение было слишком быстрым, слишком плавным, слишком совершенным, и демону было некуда деваться.

Клинок ударил Эсбила в грудь, пронзая легкие. Вой агонии демона превратился в бульканье. Из рта существа вырывалась кровь. Холодный огонь, злобно шипя, пожирал его плоть.

В отчаянии Эсбил занес свой меч над рукоятью меча противника, но Перро изменил свое движение, втягивая лезвие и отступая назад. Он снова принял боевую стойку, готовый к обороне.

— Преимущество не на твоей стороне, демон, — сказал Перро. В его голосе не было и тени страха. — Убирайся и больше никогда не показывайся мне на глаза. Иначе я убью тебя.

Эсбил рассмеялся.

— Мне кажется, есть решение получше, — сказал демон. Его баритон звучал слегка надтреснуто, так как кровь мешала словам.

Демон посмотрел прямо на меня, и я обнаружил, что смотрю прямо в эти точки света, которые должны были быть его глазами. Я пытался, но не мог отвести взор, не мог закрыть глаза, не мог сдвинуться с места.

В моей голове звучал голос — голос Эсила. Однако он был глубже и громче. Иди ко мне, шептал он, и я обнаружил, что двигаюсь, ползу по направлению к причалу. К Эсила.

Я пытался сопротивляться — о, как же я хотел сопротивляться! — но не мог. Мой разум кричал: «Остановись! Беги!», но тело не желало подчиняться. Оно просто двигалось на встречу моей гибели. Странное чувство непричастности охватило меня с головы до ног. Словно я был тут лишь наблюдателем, глядя сквозь глаза, которые некогда были моими. Я хорошо видел слезы, стоящие в них, но я не чувствовал, как они текли по щекам. Я видел, как ритмично двигаются мои руки, заставляя тело ползти вперед.

Перро прыгнул передо мной. Он что-то говорил, но я не мог разобрать его слов. Все, что я слышал — этот ужасный голос, эхом отдававшийся в моем черепе. Иди ко мне.

И тогда плащ Перро, этот прекрасный магический плащ, пролетел вокруг нас. Как только он накрыл меня, голос стих.

Я снова почувствовал, что я это я. Я был весь потный, мне было жарко. А еще я был немного смущен. Но, в конце концов, я снова чувствовал!

Когда Перро поднялся, снова вставая лицом к демону, я понял цену его поступку.

Как только Перро повернулся спиной к существу, чтобы накрыть меня плащом, демон начал двигаться. Ужасный красный клинок опустился вниз.

Он ударил Перро в левое плечо и ранил моего друга, оставляя глубокий порез на груди, разрывая кожу, сжигая плоть. Перро отшатнулся, сделав пару неуверенных шагов, а затем упал на спину.

— Теперь ты умрешь, глупый человек. И я заберу то, что принадлежит мне, — прокудахтал демон.

— Оно тебе не принадлежит, глупец. Камень сам выбирает хозяина. И он выбрал мальчика.

В голосе Перро звучала сила, хотя он неподвижно лежал на причале. Туман легко закручивался вокруг него, открывая его слегка бледное, но все же улыбающееся лицо. — Ты никогда не сможешь использовать его. И ты знаешь это.

Демон расхохотался.

— Я говорил не о камне, дурак. Я говорил о мальчишке. Мальчишке, которого я нашел. Которого сделал сиротой. Том, чья душа принадлежит мне.

Эсбил закашлялся, а затем сплюнул. Его рот был полон крови. Демон двинулся к Перро, который лежал неподвижно, с трудом держа свой меч.

— Душа мальчика принадлежит только самой себе, — прорычал Перро, и его гнев превосходил злобу Эсбила. — Ты не можешь использовать камень с его помощью, если он сам того не пожелает. А в этом я сомневаюсь.

Эсбил снова рассмеялся. Он ударил крыльями и бросился на Перро. И пропал. Все вокруг было чисто. Туман исчез так быстро, что я задался вопросом, существовал ли он вообще.

Казалось, время замедлилось. Эсбил завис в воздухе, его лезвие описывало дугу, надвигаясь на Перро, поднявшего свой меч в слабой попытке защититься. За холмами, которые едва виднелись на востоке, показалось солнце, чьи лучи проступили над облаками. Свет нового дня заиграл на водах реки.

Во всей своей красе сквозь пламя ворвалась Дымка. Её голова врезалась в спину демона, и тот отлетел в самый конец причала.

Он пытался забить крыльями, но лишь одно из них оказалось рабочим. Другое, принявшее на себя удар Дымки, сломалось и погнулось.

Словно раненная птица, демон упал в реку, без звука скрываясь под волнами.

— Он вернется, — сказал Перро низким и полным боли голосом. — Но не так быстро.

С большим усилием он заставил себя принять сидячее положение, засовывая руку в одну из сумок Дымки. Он достал оттуда длинную белую повязку и флакон с маслом. Вылив содержимое флакона на ткань, он обернул её вокруг своей груди, пытаясь остановить кровь, лившуюся из раны.

За нашими спинами я услышал резкий треск, словно удар молнии только что поразил дерево, и всплеск. Участок горящего причала рухнул в воду.

— Идем. Давай убираться отсюда, — сказал Перро. Ему удалось подтянуться, садясь в седло Дымки. Я последовал его примеру, запрыгивая позади.

— Наш путь закрыт, — заметил я.

— Только один путь, — пришел ответ. — Есть и другие.

С этими словами Дымка развернулась и сорвалась в галоп — направляясь в конец пирса.

Глава шестнадцатая

Мы прыгнули в океан. Волны вздымались вокруг, не замедляя движения Дымки, которая скакала, не обращая внимания на воду. Мой живот свело от тряски, и я боялся, что меня вот-вот вырвет, хотя я ничего не ел с прошлой ночи.

Я плотнее прижался лицом к спине Перро, а спустя некоторое время поднял голову, чтобы оглядеться. Мне стоило сделать это гораздо раньше. Солнце жарко нагревало голову, однако океанский бриз приносил с собой прохладу.

Я заметил, что Перро держит бразды Дымки одной рукой, не смотря на нашу скорость. Это зрелище заставило мой живот разболеться сильнее, чем вздымающиеся волны.

Я сглотнул.

— Ты уверен, что с твоим плечом все хорошо?

— Меймун, сейчас не стоит донимать меня вопросами, — ответил Перро. Его голос звучал болезненно. — Закрывай глаза. У нас впереди долгий путь.

Я сделал так, как было сказано. Звуки, запахи и ощущения этого замечательного ветра захлестнули меня, и вскоре мои мысли унеслись вдаль от ноющего живота. Я потерял ощущение времени, потому не мог сказать, как долго мы ехали, прежде чем Дымка остановилась.

Открыв глаза, я увидел великолепное зрелище: прямо перед нами в океане возвышался корабль!

Я и раньше видел корабли, но в основном издалека. Даже те, что стояли на реке Врат Бальдура. Однако я ни разу не видел корабль так близко. Огромные размеры могучего судна поразили меня. Оно, должно быть, целых сто футов длиной! Корабль скользил по водной глади, двигаясь с впечатляющей скоростью, и Дымке пришлось бежать, чтобы не отстать от него. Я изучал палубу и большие квадратные паруса. С открытым ртом я смотрел, как огромные белые полотна свернулись, словно повинувшись собственной воле, и корабль замедлился.

У перил стоял десяток матросов. Выражения их лиц отражали мои собственные чувства — их глаза были широко распахнуты, а рты — открыты. И мне потребовалось некоторое время, чтобы понять, на что они смотрят. Понимание обрушилось на меня резко: место, в котором мы оказались, очень подходило для корабля, не смотря на его огромные размеры. Но не для лошади.

К команде, собравшейся у перил, присоединился еще один человек. Я решил, что он, должно быть, капитан. Человек был отлично одет — или был бы, если бы его одежда не была настолько старой. Голубой жакет некогда был покрыт украшениями, но теперь от них осталась лишь одна латунная кнопка, да свободно свисавшие золотые нити. На голове человека покоилась пыльная шляпа, слегка украшенная латунными вставками. Шляпа была странной, почти плоской, формы, с уголками, точащими по бокам головы. Золотистые кисточки, сделанные из того же материала, что и его перевязь, свешивались по обе стороны странной шляпы. Он выглядел, как благородные джентльмен, хотя волосы его были спутанными и не стриженными, а взгляд глаз — диким.

— Назовите мне хоть одну причину не прикончить вас на месте, — крикнул капитан. Его голос был голосом уличного громилы, грубый и жесткий, но с интонациями и произношением образованного человека.

— Мы не давали вам причин нападать на нас, сэр, — ответил Перро.

— Мне кажется, эта дьявольская кобыла — вполне себе причина! Где это видано, чтобы лошади скакали по волнам? — пока он говорил, на палубе стало заметно движение, и другие члены команды закивали головами в знак согласия.

— Дьявольская? — ответил Перро. — Ну, это вряд ли. Она больше похожа на ангельскую! Я пришел как посланник храма Тиморы, что во Вратах Бальдура. Если вы нападете на нас — не сможете вернуться в город, который, — он намеренно посмотрел на нос корабля, — является вашим пунктом назначения, судя по флагу.

Перро врал. Даже если бы я не знал, что никакие мы не посланники, я все равно мог слышать в его голосе лживые интонации. Но я надеялся, что моряки не смогут.

Внезапно, мужчины почувствовали себя менее уверенными, а капитан замолчал несколько раз, прежде, чем сумел ответить.

— Докажите! Я что-то не слышал ни про каких посланников храма, которые должны пересечь воду на проклятой лошади, и не получал донесений о людях, ищущих мой корабль! Либо доказывайте, либо мы убьем вас! — всякое подобие цивилизованности оставило голос капитана. Теперь он звучал, словно человек на борту был просоленным до самых костей морским волком. Перро залез в один из мешочков, закрепленных на седле Дымки, и вытащил свернутый кусок пергамента.

— Сообщение из храма, для вас, капитан, — крикнул он.

— Ой, бросайте!

Перро сделал одолжение. Он бросил пергамент капитану, но тот не долетел. Казалось, импульс броски стих в трех футах от перил. Капитан потянулся за пергаментом, высываясь слишком далеко. Внезапный порыв ветра ударил его в спину, и он перелетел через перила, падая в воду рядом с нами.

Он всплыл, задыхаясь и захлебываясь. Его шляпа плавала рядом, но стоило ему потянуться к ней, латунное украшение головного убора оказалось слишком тяжелым. И предмет пропал из виду.

Капитан бился изо всех сил, чтобы оставаться наплаву. Дымка развернулась, и Перро схватил человека за руку, удерживая его. Перро не мог поднять капитана, но помогал его голове оставаться над водой. Когда Дымка рысью двинулась вдоль корабля, капитан поплыл рядом с нами.

— Да чего вы ждете? — кричал он членам команды, толпившимся у перил. Люди с удивлением смотрели на нас. — Киньте нам чертову шляпку, идиоты!

Люди отскочили от перил и вскоре вернулись с лодочкой, держащейся на канатах и шкивах, которую они начали опускать на воду.

Прежде, чем лодка преодолела половину пути, капитан вырвал руку из ладони Перро и прыгнул. Каким-то образом он смог выбросить из воды верхнюю половину тела, несмотря на то, что под его ногами не было земли, а пропитавшийся водой жакет тянул его вниз.

Он бормотал, заикался и кричал, но его слов было не разобрать. Яростно загребая руками, он пытался найти какую-нибудь опору у своего собственного корабля. Потерпев неудачу, он заорал на команду.

— Лодка! Опустите ниже проклятую лодку! Что-то коснулось моей ноги... что-то... проклятая акула! Там в воде проклятая акула и она... Опять! Опустите лодку!

При слове “акула” люди начали быстрее выполнять приказы капитана. За считанные секунды лодка коснулась воды — в основном потому, что двое членов экипажа в спешке отпустили канаты. Последние десять футов лодка попросту пролетела, едва не задев капитана, и приземлилась вверх тормашками.

Казалось, капитану было плевать на катастрофический спуск шлюпки, казалось, он даже не заметил, что что-то пошло не так. Он забрался на киль малого судна и потребовал себе веревку.

Экипаж снова среагировал быстро. Но бросок веревки тоже вышел не слишком удачным. Матрос, кинувший канат, казалось, имел прекрасную мишень — веревка ударила капитана в лоб, сбивая с ног. Несмотря на это, он умудрился остаться верхом на лодке, которая не имела ни перил, ни выгнутых поверхностей. Казалось, капитан боится, что даже прикосновение к воде станет мучительной смертью. Страх придал ему талантов акробата, которыми он не обладал в нормальной жизни.

Капитан даже не обругал матроса за его неуклюжий бросок. Он просто схватил веревку и с впечатляющей скоростью полез наверх, перебирая руками. Добравшись до конца веревки, он развернулся и крикнул нам:

— Вы идете, или мне поднимать канат?

— Ни то, ни другое, — ответил Перро. Дымка семеняла рядом с опрокинутой лодкой. Перро схватился за борт, легко переворачивая судно. Дымка шагнула в лодку, а Перро соскочил с лошади. Я последовал его примеру... Тогда он привязал веревку к лодке.

— Бросьте нам еще три каната, а затем тащите, как только мы закрепим их.

Капитан кивнул, а затем отошел от перил. Члены команды бросили еще три веревки, которые мы привязали к лодке. Легкая лодка протестующе застонала под весом лошади, но она была крепкой, как и веревки — как и мужчины, что их тянули. Спустя мгновение мы оказались в каюте капитана. Дверь за нами затворилась с мягким щелчком.

Глава семнадцатая

Капитанская каюта была богато украшена. Пол покрывал красный ковер, к стенам были привинчены множество шкафов и мелких столиков из темного дерева. По всей комнате были разбросаны десятки безделушек: древняя масляная лампа из тусклой меди, прекрасный чайник и четыре чашки, стоявшие внутри запертого шкафа со стеклянной дверью. Над второй дверью в кабинет висел странный предмет с деревянной ручкой и длинной металлической трубой. Он был очень похож на рисунок с подписью “аркебуза”, который я когда-то видел в книге Необычное Оружие.

Капитан с удобством расположился на поношенном кресле, стоявшем за огромным столом, на котором лежали груды бумаг — заметки, звездные схемы, карты разных размеров, детально описывавшие море к югу от Глубоководья на севере и до Калимпорта на юге. Видимо, у мужчины была запасная шляпа, которая заменила ту, что он потерял, ибо она уже красовалась на его голове, словно ничего не произошло. Да еще и запасной жилет. Так как тот, в который капитан был одет сейчас, был сухим. Единственным признаком, свидетельствовавшим о несчастном случае, была лужа, медленно расползавшаяся под стулом. Из вежливости, я старался не смотреть туда.

Капитан указал на два стула, что стояли напротив него.

— Садитесь, пожалуйста, — сказал он, скрывая грубость своего голоса за отлично отточенным акцентом. — Что я могу сделать для посланников Храма Тиморы?

В голосе мужчины слышался сарказм, и, разумеется, Перро тоже заметил его, но решил проигнорировать.

— Многое зависит от того, куда вы направляетесь, — ответил Перро.

— Мы со всей поспешностью идем в Лускан, чтобы продать свой груз и пополнить припасы. Затем, мы двинемся на юг, пока лед не запер нас в порту.

Мгновение, Перро сидел, молча потирая подбородок. Он глубоко задумался.

— Тогда вот что вы можете сделать для нас, добрый капитан...

— Смайт, — представился человек, и Перро кивнул.

— Вот, что вы можете сделать для нас, капитан Смайт. Поверните к Глубоководью. У меня там есть дела, носящие совершенно неотложный характер.

На мгновение Смайт нахмурился, но потом ответил.

— Если мы свернем к Глубоководью, то не сможем вовремя попасть в Лускан, чтобы загрузить трюмы и отправиться на юг, так что нам придется продать товары и купить припасы в Глубоководье. Цены будут ниже, а качество товара, который мы закупим — оставит желать лучшего. Храм готов покрыть мои издержки?

Перро только улыбнулся.

— Компенсация храма выражается лишь в форме флага, под которым вы сейчас идете...

Капитан Смайт даже не пытался скрыть гримасу.

— Потери слишком велики. Я не могу на это согласиться.

— Вы отказываете посланникам...

— Я не видел ни единого доказательства того, что вы из храма!

— Только потому, что уронили пергамент.

Тон Перро сквозил обидной насмешкой. Смайт поднялся, повышая голос.

— Я выронил его, потому что вы его слабо бросили!

Перро тоже встал, не уступая капитану.

— Вы просили его бросить, вместо того, чтобы пригласить нас на борт! Вы угрожали убить нас, если не будет доказательств, а затем, когда мы предъявили вам их — вы потребовали бросить пергамент! И вы уронили его. Сознательно, полагаю! Вы уронили его, чтобы не признавать мой авторитет!

Рука капитана Смайта дернулась к мечу, но Перро был быстрее. В мгновение ока, его тонкий стилет был в руке и направлен в сторону капитана. Смайт остановился, убирая руки от оружия.

— Несмотря на это, я не стану менять курс без доказательств или обещания компенсации, — он сел, и, через несколько мгновений, Перро тоже последовал его примеру. — Но я позволю вам

плыть с нами. Я даже предложу вам собственную каюты и бесплатный проезд, пока мы не достигнем Лускана. До Глубоководья там не далеко. На корабле — дней пять. И дней десять пешком, полагаю. Это лучшее, что я могу предложить.

Перро кивнул.

— Очень хорошо. Хотя храм не рад будет услышать о моем затруднении.

— Риск, который я должен принять, — ответил Смайт. — Теперь, если вы меня извините, я должен увидеть экипаж. Прошу, располагайтесь с комфортом.

Глава восемнадцатая

Удостоверившись, что Смайт ушел, я обратился к Перро:

— Да ты же вообще не посланник храма, — прошептал я. — Ты ему наврал!

— Несколько раз, ради его собственного блага, — ответил Перро. Он откинулся на спинку стула и посмотрел на потолок небольшой капитанской каюты. Его рубашка была расстегнута, и я мельком увидел белую повязку на его груди.

— Но врать — плохо.

— Значит, я был плохим, — Перро поднялся на ноги и оглядел капитанский стол. Он взял одну из карт и пристально изучил её. — И я так и не получил того, чего хотел, не правда ли? Мы все еще плывем в Лускан, но лучше для нас будет исчезнуть с этого судна раньше.

Я покачал головой, не понимая наставника.

— А что было на пергаменте, который ты бросил?

— Абсолютно ничего, — ответил он, не поднимая глаз от карты. — Он был пуст.

— И что случилось бы, поймай его капитан?

— Много плохого, — наставник положил карту на стол и посмотрел на меня со знакомым огоньком в глазах. — Вероятно, капитан приказал бы нас убить, а потому мне пришлось бы сражаться против целого корабля. Одному против нескольких десятков противников. Подобное заняло бы часы! — Перро рассмеялся, но потом резко оборвал свой смех. Он прижал руку к ране на груди, сгибаясь от боли. — Возможно, часа два. Эта рана замедляет меня. И тогда нам пришлось бы плыть в Глубоководье самим. Поверь мне, это не простой подвиг!

Я бы, конечно, рассмеялся, но боль, проступившая на лице друга, когда он схватился за рану, отрезвила меня.

— Ты бросил пергамент так, чтобы он никогда не поймал его, да? — спросил я, лучше понимая происходящее. — А потом сказал ему, что он намеренно упустил свиток. Теперь он не сможет обвинить нас в том же самом!

Перро слегка поклонился.

— Точно.

— И ветер, — сказал я. — Это ты призвал ветер, который сбил его с корабля?

— Ты переоцениваешь меня. Это была игра фортуны.

— Форту... что?

— Фортуна — это вроде удачи. Счастья. Счастливого совпадения.

— А почему капитан дал нам свою каюту?

Я видел, как Перро получил то, что хотел, просто верно поставив вопрос. Но комната была предложена нам сверх того. Без просьб. И сразу после того, как капитан и Перро потянулись к мечам!

— Этикет, — я открыл рот, но Перро поднял руку, чтобы остановить меня. — Этикет... манеры. Когда на борту судна находится высокопоставленный гость, капитан обязан предложить ему свою каюту. Вероятно, у него есть комната внизу, приготовленная как раз для подобных случаев.

— Но он тебе не поверил. Он не считает тебя высокопоставленным гостем.

— Он подстраховался. Капитан отказался исполнить мою просьбу, потому, что не верит, будто я представляю тех людей, о которых говорю. Но не предложить мне каюту, если вдруг я все же говорю правду, было бы огромным оскорблением. Таким образом, если он окажется не прав в своих догадках, я смогу сказать начальству, что он не подчинился, но и не был груб. А если он прав — то единственное, что он потеряет — комфорт в поездке.

Видя в этих рассуждениях логику, я кивнул прежде, чем друг закончил.

— Но зачем нам доставлять ему неприятности?

— У меня дела в Глубоководье. Ты слышал, что я сказал.

— Что за дела? — я положил руку на сердце, чувствуя твердый камень, лежавший на моей груди. — Дела с камнем? Почему он так важен? Что он делает?

— Достаточно, — резкость и вес этого слова заставило мой следующий вопрос застрять в горле. Перро пересек небольшую каюту, делая всего несколько шагов, чтобы оказаться у двери. — Мне надо увидеть Дымку. А тебе неплохо бы поспать. Я по глазам вижу, что ты устал.

— Я не устал! — крикнул я на наставника.

Но он уже вышел.

Я двинулся ко второй двери, которая предсказуемо вела в спальную каюту. Весь интерьер спальни состоял из койки и комода. Подойдя к койке, я упал на аккуратно заправленное одеяло.

Некоторое время я лежал, уставившись в потолок каюты и прижимая руки к бокам. Перро по-прежнему относился ко мне как в тот день, когда он нашел меня, укрытого сосновыми ветками. Должно быть, он думал, что я слишком глупый и слабый, чтобы знать правду. Даже после боя с демоном и нашей поездки через море — после всех приключений Перро все равно не считал нужным поделиться со мной ответами, которых я так сильно жаждал.

Глава девятнадцатая

Я проснулся под шум, доносившийся сверху. Сквозь маленькое круглое окошко струился свет. Солнце все еще было на небе, когда я упал на койку, а теперь оно снова оказалось там. Должно быть, я спал, как убитый! Мой живот ныл — последний прием пищи казался мне бесконечно далеким событием. Хотя, быть может, дискомфорт был связан с постоянной качкой и креном судна. В любом случае, я полагал, что хорошая еда улучшит мое состояние. Перро не было в комнате, но судя по одеялу, которое укрывало меня, и тому, что вся моя одежда была аккуратно сложена у койки, я предположил, что друг, должно быть, позаботился обо мне.

Встав и одевшись, я отправился в главную комнату капитанской каюты.

Дымка выглядела довольно неуместно посреди океанских вод, однако её вид на коленях в каюте был еще более чудным. Лошадь осторожно прислонилась к книжному шкафу. Когда корабль качнулся, её голова слегка откинулась, и лошадь тихо заржала. Я не смог определить, наслаждалось ли животное поездкой или готовилось исторгнуть из себя рвоту. Опасаясь последнего, я прошел мимо, останавливаясь лишь для того, чтобы запустить руку в прекрасную гриву лошади, а затем вышел на палубу.

Солнце уже наполовину встало над восточным горизонтом. Там раньше виднелась земля, подумал я. Солнце казалось огромным, более впечатляющим, чем я когда-либо видел. Его блестящие лучи касались бегущих волн, заставляя капли сиять кристальным блеском. Воздух был живым и свежим, а под ним танцевало глубокое синее море. Я потратил долгое время на наблюдения за этой картиной, прежде, чем солнце поднялось над горизонтом и магия воздуха исчезла.

Я думал о том, что ждет нас впереди. По крайней мере, теперь я знал, куда Перро вел нас:

Глубоководье, Северная Драгоценность, самый большой город Побережья Мечей. Врата Бальдура были впечатляющими — Глубоководье было удивительно. И свободно от демонов.

Несмотря на раннее время, каждый член команды уже находился на палубе. Некоторые передвигались, закрепляя веревку или перебрасываясь сообщениями, другие — стояли на коленях, толкая по палубе тяжелую кисть из конского волоса, чтобы привести её в порядок.

По узкой лестнице я поднялся на корму. Несколько матросов стояли у руля, прокладывая курс. Я прокрался мимо них, чтобы отыскать Перро, который тяжело опирался на перила, обратив лицо на запад.

— Сэр, — сказал я, подходя. — Прошу прощения, что накричал на тебя прошлой ночью.

Он не ответил. Стоя рядом с ним, я мог расслышать, как он напевает себе под нос. Я знал, что лучше не прерывать друга и решил, что лучше найти его позже. Ускользнув, я снова спустился на главную палубу.

Там отдавал приказы капитан Смайт.

— Поднимите парус на грот-мачте! — крикнул он.

Самые легкие и расторопные члены экипажа мелькали на фоне такелажа над его головой. Они скользили вдоль переключин, чтобы развернуть паруса.

Ветер дул нам в спину, и как только мужчины отпустили веревки, воздух наполнил огромные белые паруса.

Надо всей этой деятельностью в большом деревянном ведре сидела девушка примерно моего возраста. У неё были длинные, пшеничного цвета, волосы, которые развевались вокруг её головы.

Вокруг девочки кружили белые и серые чайки, и всякий раз, когда она протягивала руку, одна из птиц садилась на неё. Девочка давала птице небольшой кусочек хлеба, и чайка улетала. Время от времени она оборачивалась на корму, к капитану, и что-то кричала. Она говорила на общем, но я не мог разобрать её слов из-за ветра и хлопанья парусов.

Какое-то время я наблюдал за девочкой, заинтересовавшись чайками. Я пытался следить за ними, и до сих пор был совершенно убежден: ни одна чайка не приземлялась на руку девочки дважды.

Наблюдение за кормежкой чаек заставило мой живот зарычать от голода, и потому я направился к узкой лестнице, чтобы найти Перро.

Но прежде, чем я даже поднялся на корму, какой-то матрос окликнул меня. Он наклонил голову, показывая на переднюю палубу, где стоял Перро.

— Твой друг сказал дать тебе это, как только проснешься, — матрос передал мне ткань, обернутую вокруг куска хлеба и небольшого кусочка сыра.

Я расположился у перил, в небольшом пятнышке тени. Хлеб был слегка заплесневелый, а сыр — слишком твердый, но после целого дня без еды этого было достаточно, чтобы успокоить урчащий живот. Я съел свой завтрак, а затем лег на палубу и закрыл глаза.

Я слушал капитана, отдающего приказы, и крики чаек, и плеск океанских волн, бьющихся о корпус корабля. Звуки гармонично перемешивались между собой, становясь единым идеальным ритмом моря.

Прошедший день был жутким, однако, сегодня все могло наладиться. Рана Перро заживала. Эсбил окажется далеко.

Но в глубине сознания меня мучали вопросы. Что делать, если Перро станет хуже? Что делать, если Эсбил найдет нас на корабле? Темные мысли кружили в моей голове, но я даже не пытался сосредоточиться их.

— Ой, ты проснулся, малыш? — ткнула меня девушка из вороньего гнезда.

— Нет, — сказал я, не открывая глаза.

Она ухмыльнулась.

— А как тогда разговариваешь?

— Я всегда говорю во сне. Спроси Перро.

— А кто это? — поинтересовалась девочка.

Я знал, что вел себя грубо, но ничего не мог с собой поделать. Последнее, чего я хотел, это перебросится парой слов с этой девочкой. Я сел и уставился на нарушительницу моего спокойствия.

— Перро, это тот парень, с которым я сюда приехал, — я заставил голос звучать как можно

более ядовито. — Думаешь, ребенок вроде меня мог попасть сюда сам по себе?

— Я вообще не думаю, что ребенок мог попасть сюда, — ответила она. — Тебя не было с нами, когда мы отплывали от Врат. И я не просила нас останавливаться, чтобы забрать вас! Как ты попал сюда, а?

— Мы приехали верхом. А как еще мы могли сюда попасть? — я сказал это так легко, словно все было очевидно, словно и не было никакого другого варианта, но, конечно, мой ответ был странным. Как мог кто-то, путешествующий верхом, попасть на корабль, тем более, плывущий в открытом море?

Девочка просто закатила глаза и ухмыльнулась.

— Так он что, твой отец?

Я покачал головой прежде, чем она закончила.

— Нет. Он просто... Он...

Кто он, задался я вопросом. Конечно, Перро был мне также близок, как отец, и он заботился обо мне, защищал меня, как и должен был родитель. Но когда она спросила...

— Ничего не говори. Ты сирота, да? — она улыбнулась, но теперь в её улыбке сквозила только нежность, и потому я отказался от приготовленного ответа — оскорбления — и просто кивнул. — Сирота, как и я. Меня зовут Джоэн. А тебя?

— Мэймун.

Я едва смог бы выговорить слово — сирота, — так, как сказала его девочка. Что-то в звучании этого термина, произнесенного кем-то другим, не Эсбиллом, больно ударило меня. Я никогда не считал себя сиротой, но я, разумеется, был им. Я всегда был с кем-то, и даже если Элбис и Перро не были моими кровными родителями, своими делами они заслужили это название.

— Ладно, Мэймун. Хочешь пойти со мной? Я покажу тебе корабль?

Я пожал плечами.

— Думаю, хочу.

Все равно у меня не найдется дел лучше, прежде, чем вернется Перро.

Джоэн провела меня по судну, указывая на каждую деталь. Лицо русалки, вырезанное на носу корабля, она назвала “носовое украшение”. Джоэн говорила, что мы могли бы залезть туда, если бы корабль не двигался так быстро. Она показала мне каюты экипажа, с расположенной позади галереи, где мы стащили буханку хлеба. А потом трюм, полный шерсти, сухофруктов и керамики из Земель Сердца, которые планировалось продать на Севере.

Когда мы отправились обратно на палубу, капитан уже искал Джоэн. На его лице застыла гневная гримаса, казавшаяся такой привычной для этого седого человека. Но как только он увидел меня, его выражение смягчилось.

— Джоэн, кончай свои игры, твой перерыв окончен. Залезай в гнездо, пока я не задал тебе трепку.

Джоэн потупила глаза и кивнула, двигаясь по направлению к мачте. Я пошел следом. Она закрепила буханку хлеба у себя на поясе и начала карабкаться вверх — специально для этой цели на мачте были вбиты колышки. Поднявшись на несколько ступенек, девочка остановилась.

— Ой, а хочешь ко мне в воронье гнездо? — спросила она.

Я заколебался. Ведь я был так груб к этой девочке и чуть было не попросил её убраться. Но она вела себя по иному, и даже пригласила меня присоединиться к ней. Просила, как друга? У меня никогда не было друзей — кроме Перро — и я понял, что не знаю, как общаться с ними. А может, она просто хотела сбросить на меня часть своей работы.

— Поторопись! — позвала она через плечо.

Я решил, что мне стоит выяснить её намерения.

— Не стоит ли назвать это место “гнездо чайки”? — спросил я, ставя ногу на первую ступеньку. — Эти птицы совсем не вороны!

Джоэн широко улыбнулась.

— Ладно, тогда присоединяйся ко мне в гнезде чайки!

Остаток дня мы провели среди птиц. Я никогда не поднимался так высоко. Вид вокруг был просто ослепительный.

Перегнувшись через бортик крошечного ведра, я увидел матросов, столпившихся на палубе.

— Они выглядят, как хафлинги, — засмеялся я.

Глядя вниз, на маленьких людей, спящих по большому кораблю, я представлял их мелкими грызунами, которые бегают от дыры к дыре. Матросы появлялись и исчезали среди массивных парусов, в трюмах и закоулках, которые не были видны смотрящему сверху. Я сочинил историю про крысу, которая хотела стать моряком и капитаном. И однажды, она осуществила свою мечту. Эту сказку я рассказал Джоэн, имитируя тон Перро.

Когда я закончил, девочка захлопала.

— Ты должен приходить сюда каждый день, — сказала она. — Этот корабль стал намного интереснее, когда здесь появился ты. Где ты слышал эту историю?

— Я только придумал её. Однажды, я верю... ладно... может быть я бы тоже хотел стать моряком.

— Тогда, это твой первый урок, — Джоэн схватила меня за руку и указала ей на восток. — Видишь землю?

Я покачал головой. Со всех сторон горизонт казался совершенно ровным.

— Смотри внимательнее! Если хочешь сидеть в вороньем — в смысле, в гнезде чайки, ты должен внимательно следить за всем вокруг, — Джоэн ткнула моей рукой в заметную

линию. — Видишь? Цвет горизонта тут темнее.

Я прищурился, и смог разглядеть серую полосу, бегущую поверху сияющего моря.

— Я вижу!

— А там, напротив нас на западе... — она заставила меня обернуться и снова указала моей рукой в другую сторону. — Паруса! Видишь их?

Солнце было ясным, а горизонт затянут туманом, но я смог разглядеть лишь бегущее по краю моря белое пятнышко. Я кивнул.

Джоэн рассмеялась.

— Да ты прирожденный моряк! Я многому могу научить тебя! Скажи своему отцу или как ты там его называешь, что хочешь остаться тут. Может быть, капитан даст ему работу... или что-нибудь еще, а?

Я пожал плечами.

— Мы должны сойти в Лускане.

Мой живот снова заболел, и я вспомнил спор с Перро, произошедший накануне вечером.

Девочка подняла с пола вороньего гнезда буханку хлеба и оторвала кусок.

— Ну, быть может, в один прекрасный день ты сможешь вернуться.

Она протянула хлеб и, казалось, из неоткуда вылетела чайка, которая приземлилась на её руку. Птица проглотила кусок, а затем спрыгнула с руки девочки, расправляя крылья. Я проследил за полетом птицы, покуда не потерял её из виду. Каково это — быть таким же свободным?

Когда мы потратили весь хлеб, чайки некоторое время кружились вокруг нас, прежде чем улететь прочь. Они последовали за кораблем, касаясь волн. Джоэн объяснила, что ночью повар будет готовить еду, а мусор выбросит в окно. Чайки все это съедят. Appetit птиц был бесконечен. Спустя часы, тонкие облака за клубились, озаряясь красным светом. Море приобрело тот же алый оттенок. Солнце опустилось в собственное мерцающее отражение, оранжевый свет встретился с оранжевым. Казалось, солнце не заходит, а просто проваливается само в себя.

— Погоди, пока все закончится, — улыбнулась мне Джоэн. — Ты не видел заката, покуда не наблюдал его на море.

Я всегда любил смотреть, как небо наполняется красками — оранжевыми, розовыми, красными, а иногда даже благородным фиолетовым. Но, так или иначе, сейчас все было по-другому. И не только потому что я оказался в море. Когда солнце опустилось ниже, черная тень пробежала по воде, устремляясь на восток, прямо к кораблю, словно какая-то огромная черная волна. Я наблюдал за тем, как тень, достигнув корабля, поднялась вверх по борту, потому поползла по палубе, а затем медленно стала подниматься вверх по грот-мачте. Когда тьма настигла нас в гнезде чайки, солнце уже пропало. На восточном горизонте мерцали звезды, становясь все ярче и многочисленнее.

— Я должна спуститься на камбуз и помочь коку, — Джоэн поставила ногу на верхнюю ступеньку, начиная свой спуск. — Но, возможно, я снова увижу тебя из гнезда чайки.

Я наблюдал за тем, как она спускалась вниз, а затем последовал за ней. Внизу, я бросился к восточному борту судна. Я видел восход и закат на море. А теперь я намеревался увидеть яркие огни звезд. Ночное небо всегда казалось темнее, когда вокруг было не так много источников света. Например, в открытом поле. На море же вокруг не было никакого света кроме крошечного маяка на носу судна. Замерев, я простоял так довольно долгое время, считая звезды, появлявшиеся на небе, пытаюсь определить созвездия и отдельные небесные тела.

Я попытался вспомнить, что я узнал о навигации по ночному небу, чтобы понять, где мы и куда направляемся.

Через некоторое время ко мне присоединился Перро.

— Ты пропустил еду, — сказал он. — Поэтому, я принес тебе кое-что.

Он протянул мне тарелку с жестким печеньем и соленым мясом.

Я принял еду с благодарностью, но смог только погрызть её. Я глубоко погрузился в окружающий меня вид, звуки корабля и соленый запах моря.

Мгновение, Перро оставался рядом, осторожно придерживая свою левую руку и глядя на воду. Довольно быстро он ускользнул прочь, что-то бормоча себе под нос. Это могло быть:

— Не засиживайся.

Но я не мог сказать точно.

Я не знаю, сколько времени смотрел на море, в начале от восточных перил, а затем — от западных. Все мои любимые созвездия в это время года располагались либо на западе, либо на юге.

Но спустя некоторое время, крошечное пятнышко, появившееся на горизонте, привлекло мое внимание. Оно было таким маленьким, что вполне могло оказаться отражением звезд, за исключением того, что странный предмет не подрагивал в такт движению волн. Сначала, я не был уверен в том, что вижу. Возможно, я слишком долго смотрел на звезды. Закрыв глаза, я прислушался к звукам волн, ударяющих в борта корабля, к скрипу дерева и низкому вою ветра. Глубоко вдохнув, я открыл глаза и осмотрел наш корабль.

Лишь два фонаря были зажжены. Один на носу, и один — на корме. Возле фонарей стояло по одному стражнику, невнимательно следящему за происходящим. Мой взгляд снова метнулся к морю, вдоль линии горизонта. И снова наткнулись на этот предмет.

Крошечная вспышка, казалось, не двигалась вообще. Однако мне потребовалось не так много времени, чтобы понять — объект увеличивается. Если говорить конкретнее — он приближался к нам. С удивлением, я понял, что это был корабль. И он шел прямо на нас.

Глава двадцатая

Испугано выдохнув, я отступил от перил, понятия не имея, что делать. Разумеется, Перро спит. Он говорил мне не засиживаться допоздна. Когда это было? Если я разбужу его, он узнает, что я не послушался. Тогда меня накажут. Но если я не стану ничего предпринимать, и корабль

нас атакует, последствия будут значительно хуже. Я выбрал нечто среднее — решил предупредить кого-нибудь, но не Перро. Потому я отправился на поиски наблюдательного пункта.

— Проснитесь! Проснитесь, сэр! — позвал я. Человек не отозвался, и я более настойчиво повторил свою просьбу, сопровождая её сильными толчками. В ответ раздался громкий храп, и из рук мужчины выкатилась пустая бутылка, которая до того покоилась на сгибе его локтя. Едва ли он в состоянии помочь.

Совершенно разочарованный, я побежал на кормовую часть палубы, туда, где располагался штурвал корабля. Охранник не спал. Однако, он говорил на совершенно не понятном мне языке.

— Эй, парень, штм трили ес? — пробубнил он ртом, лишенным зубов. Мой пустой взгляд заставил его повторить свой вопрос, но слова не стали более понятными.

Я решил поговорить с человеком, надеясь, что он сможет понять меня.

— Сэр, там что-то есть, — сказал я, указывая на западный край моря.

— А, вд зде, знаю, парень, — ответил мужчина, сердечно улыбаясь. Я снова не смог понять смысл его слов.

— Там корабль. Он движется прямо на нас. Приближается очень быстро. Я не знаю, что делать!

Я намерено произносил каждое слово как можно четче. И, на этот раз, кажется, достиг нужного результата. Добрая улыбка на лице человека сменилась выражением страха.

— Крбль?

— Корабль. Да. Прямо там, — я подбежал к перилам и ткнул пальцем в приближавшееся судно. Мужчина последовал за мной, вглядываясь в темноту.

Отступив от перил он дал сигнал тревоги.

— Крабль! Корбль! Гап, пдниматес Гаптан! Крабль, и пхже эт праты! Праты Гап! — громко завопил он, бросаясь вниз, по направлению к каюте Перро. Я последовал за ним. Поняв свою ошибку, человек нырнул под палубу. Я мог слышать его крики, доносящиеся снизу. Единственное слово, которое я смог разобрать, было “пираты”. Я слышал его снова и снова. Озноб пробежал по моему позвоночнику.

Вскоре на палубе закипела бурная работа. Люди сновали вокруг. Многие полезли на грот-мачту, чтобы развернуть паруса. Они действовали уверенно, несмотря на темноту. Рулевой, капитан и Перро прошли на корму, где все еще стоял я. Все, кто оказался без дела, собрались у западного борта, чтобы посмотреть на приближающийся корабль.

Как только паруса были развернуты, они с готовностью поймали ветер, однако тот дул с запада, от правого борта, и хотя мы могли поймать его, наши преследователи все равно оказались бы прямо у нас в хвосте. В скором времени, мы развернулись, становясь на одну прямую с нашими гостями. Но чужое судно продолжало нас нагонять.

— Мы не опередим их, капитан. Они слишком быстрые, — услышал я слова Перро, сказанные так тихо, чтобы не услышали матросы. — Мы должны рассмотреть возможность сдачи в плен.

Лицо капитана покраснело.

— У вас нет полномочий принимать такие решения. Я сказал — мы будем убегать. Надеюсь, что на рассвете мы увидим дружественные паруса, которые помогут удержать пиратов! А если нет — мы удержим их сами, с помощью мечей!

Голос Смайта был громким, так что несколько членов команды, находившихся рядом, обернулись, чтобы поглядеть на командующего. Некоторые испустили вялые одобрительные крики в ответ на сообщение капитана.

— Если вы будете бегать, — ответил Перро, повышая голос, чтобы не уступать капитану, — а затем они вас поймают, пираты будут куда менее милосердны. А если вы вступите в бой — они убьют каждого.

При этих словах не раздалось ни единого возгласа, однако, некоторые закивали, соглашаясь с Перро. Лицо капитана приняло пурпурный оттенок.

— Ты предлагаешь, — сказал Смайт, напрягаясь, чтобы сдерживать свой голос, — сдать корабль, доверяя судьбу команды на милость пиратов?

— Моя собственная судьба связана с твоей!

— Не на долго. У тебя есть эта чертова лошадь! — закричал капитан. Весь экипаж уставился на него, но он, казалось, не замечал этого. — Я убью её, и тогда увидим, захочешь ли ты нашей капитуляции!

Он сделал шаг к каюте, где отдыхала Дымка. Но только лишь шаг, потому что Перро выхватил меч, направляя его на горло капитана.

— У тебя еще есть шанс выбрать. Так выбирай с умом.

Смайт медленно повернулся к Перро.

— Убирайся с моей палубы, — сказал он.

Перро кивнул и развернулся ко мне. Он нежно взял меня за руку и повел в каюту. Всю дорогу я слышал ругательства, которыми осыпал нас капитан Смайт. Я пытался игнорировать их, но это было невозможно. Когда дверь каюты наконец закрылась за нашими спинами, я весь дрожал.

Перро проверил Дымку — она все еще выглядела усталой после долгого путешествия по морю. Я хотел предложить убраться подальше прежде, чем пираты догонят корабль, но глядя на животное понимал, что у нас нет шансов. По земле Дымка могла бежать без перерыва. Однако бег по воде отнимал много сил. Разглядывая её, я был поражен, что мы вообще добрались до корабля. Я задался вопросом, знал ли Перро, где судно прежде, чем мы выдвинулись в путь. Эти мысли окатили меня холодной водой — можно ли слепо рвануть в открытый океан, в надежде найти судно, лишь маленькое пятнышко на фоне голубой пустоты....

Перро провел Дымку в спальню капитана, и я двинулся следом за ним. Наставник задвинул дверь комодом и встал рядом с иллюминатором. Я понял, что устал, и потому повалился на кровать. Несмотря на усталость, сон не шел. Вопрос, вертевшийся в моей голове все сильнее

распирал меня изнутри. В конце концов я уже не мог держать его в себе, и спросил Перро.

— Что произойдет, когда пираты нас поймают?

Лицо Перро было мрачным.

— Если экипаж будет драться, все они умрут. А если сдадутся — кто знает?

Глава двадцать первая

Пираты поймали нас, когда солнце уже взошло. Надежда капитана на подкрепление не оправдалась. Как и его план сражения.

Члены команды мудро проигнорировали приказ капитана вступить в бой. Видя численное превосходство, они просто сложили оружие и понадеялись на милость захватчиков. Пираты были рады им услужить — лучше захвата корабля был только захват корабля без сопротивления.

Капитанские каюты были отнюдь не защищены от грабежа, и потому прошло не много времени, прежде чем мы услышали, как кто-то вошел в переднюю. Я слышал, как скользила по полу передвигаемая мебель, и звуки падающих вещей, которые пираты роняли на пол.

Выглянув в крошечную щель между дверью и косяком, я увидел двух пиратов, который разграбляли комнату. Они были вонючими и грязными, из-за десятидневок, что он проводили в море без ванны. Комната лежала в руинах, вся мебель была опрокинута. Всюду валялся пергамент и поломанная древесина.

Один из мужчин держал в руках небольшой рог с кожаным ремешком. Другой — взял аркебузу, виденную мной раньше. Она затолкали порох в ствол странного предмета — не жалея взрывчатого порошка — проталкивая его поглубже.

Через некоторое время тот, что держал оружие, отступил назад и, бросив что-то, направил его на второго человека, все время смеясь. Другой вскинул руки, закрывая лицо, и увернулся.

Первый пират поднял большой палец к молоточку у основания ствола, оттянул его, а затем отпустил. Вспышка ослепила меня, а звук взрыва — оглушил. Довольно долго звон, стоявший в ушах, не желал стихать. Как только мне снова удалось восстановить душевное равновесие, я услышал ругань, смех и крики, доносящиеся из соседней комнаты. Пираты пережили взрыв. Прискорбно, подумал я.

И тут я услышал новый взрыв — стук тяжелого кулака в дверь нашей маленькой комнаты.

— Корабль сдан, вы должны пустить нас! — раздался голос из-за двери.

— В эту комнату нельзя, добрый господин, — ответил Перро.

— Теперь везде можно! Открывай! — удары в дверь сменились более громкими звуками — это пират пытался высадить преграду плечом.

У двери не было замка, да и баррикада была не особо прочной — каждый удар мужчины заставлял комод отодвигаться на несколько дюймов. Не пройдет много времени прежде чем пират достигнет своей цели. Перро знал это. Он держал свой меч — но в левой руке. Его правая рука была плотно прижата к груди, которая, кажется, снова начала кровоточить. На

рубашке Перро растекалось красное пятно.

— Ты здорово заблуждаешься, матрос. Приведи капитана, и он подтвердит... Вам нельзя в эту комнату.

Меня поразило то, как Перро умудрялся сохранять голос спокойным, несмотря на боль и такую очевидную опасность. Я хотел спрятаться под кроватью или выбраться в иллюминатор, но набрался храбрости, глядя на наставника, и потому не стал предпринимать задуманного. Вместо того, я спрятался за Дымкой, поглаживая гриву лошади, чтобы та стояла тихо.

Стук в дверь прекратился, сменяясь тяжелыми резкими шагами. Из-за двери донесся глубокий голос.

— Я ищу человека по имени Перро. Открывайте!

Перро не казался слишком удивленным.

— Полагаю, Капитан Барам?

— Разумеется.

Передвинув комод, Перро с усилием открыл дверь. Терпеливо ждавший за ней мужчина был капитаном Барамом. Он выглядел одновременно как пират и капитан. Его одежда была похожа на ту, что носил Смайт, но была сшита из черного, а не синего материала. Его шляпа имела три угла и тоже была черной. Она была сделана из отличной старой кожи. Лицо капитана несли на себе следы многочисленных сражений, а борода была гуще, чем у Смайта. И все же он выглядел царственно — аккуратно подстриженный и так свободно державшийся. Складки на его лице говорили о годах, проведенных на соленых океанских ветрах. Кожа пирата была такой же грубой, как и материал его шляпы.

— Идем, поговорим лично, — сказал капитан. Перро кивнул и вывел из комнаты нас с Дымкой.

На палубе, пираты положили между кораблями два трапа — толстые деревянные мостики. По ним, Барам провел нас на свой корабль.

Мы были не единственными, кто шел туда. Пара вооруженных пиратов стояла на другой доске, гоня по ней строй пленных. Лодыжки и запястья матросов капитана Смайта были обмотаны веревками. Люди были связаны между собой. Они шли, опустив головы вниз. Безнадежно и беспомощно.

В конце одной из колонн несчастных шла Джоэн.

Её голова была опущена, но не глаза. Они смотрели из-под спутанных волос. В них не было ни капли страха, как и покорности, читавшейся во взгляде старших членов экипажа.

Блуждающий взгляд девочки остановился на мне. Она, пленница, привязанная к пленнику перед собой, смотрела на меня. На меня, идущего свободно. На меня, стоящего рядом с пиратским капитаном. Джоэн замедлилась и подняла голову. Пират с силой ткнул её рукоятью тесака, но Джоэн даже не дрогнула и не отвела взгляда. Она смотрела прямо на меня, что-то шепча. И хотя её слова едва доносились до меня, а между нами оказалось большое расстояние, я ясно услышал девочку.

— Я прощаю тебя.

Прощаешь меня за что? — хотел я крикнуть. Но Джоэн уже прошла по доске и оказалась вне поля моего зрения, спустившись в трюм.

Перро дернул меня за руку, и я продолжил следовать за ним и Барамом в каюты капитана пиратов.

Оказавшись там, Барам открыл стеклянный шкаф — не стеклянный, понял я, а сделанный из волшебного стекла, известного, как стеклянная сталь, бесконечно более твердого и дорогого, чем обычное стекло — и снял с полки бутылку. Он наполнил два бокала густой коричневой жидкостью, а потом посмотрел на меня и улыбнулся. Барам уже потянулся к третьему бокалу, словно собираясь налить и мне, но взгляд Перро остановил его. Капитан засмеялся и отставил бутылку прочь.

— За здоровье и удачу, — сказал он, поднимая стакан.

— Оба приходят к тем, кто их ищет, — ответил Перро, чокаясь с капитаном.

— И к тем, кто их указывает! — ответил Барам, хохоча.

— Твоя и моя удача — одно и то же. То, что я искал её, а ты — нашел — не совпадение.

— Ах, только если я дам тебе то, что ты хочешь. В конце концов, я пират. И Глубоководье мне не по пути. Почему я должен отвести тебя туда вместо того, чтобы вернуться домой с новыми товарищами и ценными пленниками?

— Твоя репутация говорит об обратном, добрый господин.

— Конечно, конечно. И другие пираты не перестанут дразнить меня за это! — он опять рассмеялся громким смехом, и Перро присоединился. — Очень хорошо, очень хорошо. Мы должны оказаться там через четыре дня.

Глава двадцать вторая

Казалось, Перро отлично знает, куда ему идти. И, найдя укрытие для Дымки, он отвел нас в незанятую каюту в носовой части корабля. Я дождался, пока мы окажемся одни, чтобы высказать то, что думаю.

— Ты знаешь капитана пиратов.

Это был не вопрос, а обвинение.

— Никогда не встречал этого человека, — ответил Перро.

— Но ты знал, что он прибудет, — я расхаживал по небольшой каюте.

— Да, — Перро сел на край кровати, спиной ко мне.

— Откуда?

— Я позвал его. На самом деле, потребовалось простое заклинание, чтобы послать мой голос сквозь расстояния и поведать нашему замечательному капитану Бараму о добыче, которую можно захватить вместе.

Я остановился. Потребовалось время, чтобы вернуть себе достаточно самообладания и что-то ответить.

— Ты... позвал его?

— Да. Ради достойной причины, — расстегнув дорожный плащ, Перро положил его на кровать рядом с собой. Я мог видеть пятна пота, покрывавшие заднюю часть его плетеной рубашки.

— Ради какой? — я сжал кулаки и попытался не кричать.

— Капитан не стал менять курс корабля, — совершенно равнодушно сказал наставник. — Нам нужно покинуть море раньше, чем мы окажемся в Лускане.

Я закрыл лицо руками.

— Но как же капитан Смайт, и его матросы, и все их вещи? Их всех схватили. Джоэн схватили. И все это из-за нас... из-за тебя...

Внезапно, я понял, почему Джоэн простила меня. Она знала о страшном поступке Перро. Мои глаза наполнились слезами, но я не желал, чтобы друг их увидел.

— Если бы моряки не сдались — то были бы убиты. Ты чуть не погубил весь экипаж! Возможность сойти на землю раньше, чем мы окажемся в Лускане, стоит жизни целой команды?

— Да, — ответил Перро, не поворачиваясь.

Я опустил руки.

— Но почему? — сдерживаемые слезы глушили мой голос, и я едва мог выговорить слова.

— Потому что глаза Эсбила повсюду. Да, демон ранен. Но не так уж тяжело. Он не прекратит искать тебя, а потому мы должны бежать, чтобы держаться подальше от него. Мы не можем стоять на месте, чем мы занимались, оставаясь на корабле.

Я покачал головой.

— Но корабль не стоял на месте. Он всегда двигался. В твоих словах нет никакого смысла.

Перро тяжело топнул ногой. Его ботинок резко опустился на пол.

— Я говорю тебе куда идти, и мы идем туда. Закончим с этим. Я знаю, как убереечь тебя. А ты — нет.

Теперь мои слезы высохли. Я был просто в ярости.

— Почему это так важно? Моя жизнь важнее жизни моряков? Жизни Джоэн?

— Для меня — да! — Перро резко развернулся и уставился на меня. Теперь я мог увидеть, что он скрывал. Его шелковая рубашка была пропитана кровью. Красное пятно простиралось от раненного плеча и до пояса.

Эта картина застала меня врасплох, на мгновение лишив дыхания. Миллион вопросов, которые вращались в моей голове, пропали. Я хотел что-то ответить, что-то сказать, но ни единое слово

не шло в голову. Перро продолжил.

— Запомни этот урок, мальчик, — последнее слово он выплюнул сердито, словно оскорбление. — Он самый важный из тех, что я преподам тебе. Ты заботишься о тех, кого ты любишь больше, чем о себе, и гораздо больше, чем обо всех остальных. Ты — мой воспитанник, и потому забота о тебе значит для меня больше всего остального. И если это означает причинять боль другим, даже тем, кто её не заслуживает — то пусть так и будет.

Поморщившись, он снова повернулся ко мне спиной, снимая рубашку и повязку. Я видел рану лишь мгновение, но этого хватило, чтобы испугать меня.

Рана была сильно воспалена, истекая водянистой бледной жидкостью. Плоть вокруг почернела и обуглилась там, где тронуло её оружие демона. Все выглядело так, словно рана вообще не заживала. Словно стало только хуже.

Перро поднялся на ноги и покопался в шкафах. Найдя то, что искал, он вытащил полотно свежей ткани. Пробормотав несколько слов, он вылил на ткань какую-то жидкость из флакона, добытого из кармана, а потом порвал тряпицу на полосы. Быстро и уверенно, он обернул полотно вокруг тела, а затем достал из шкафа свежую рубашку и надел её.

— Это ведь не из-за меня... разве не так? — выпалил я в спешке. — Все это — не ради меня. Это из-за камня. Если бы ты действительно заботился обо мне, то не повесил бы это проклятье, — я разорвал рубашку и дернул перевязь на моей груди. — Почему бы тебе не забрать его обратно?

Я двинулся к Перро. Кожаная перевязь вздрагивала на каждом шагу.

— Я сирота из-за этого камня. Из-за него я даже не знаю своего настоящего имени. Так поведай мне, почему он так дорого обходится всем? Всем, кроме меня?

Перро повернулся ко мне, и я смог увидеть его запавшие глаза. Его борода казалась сейчас скорее белой, чем серой, а бледная кожа обвисла.

— Этот камень — твоя семейная реликвия. Его судьба всегда будет переплетена с твоей. Я не могу рассказать тебе больше, Мэймун. Есть вещи, которые ты должен понять сам, — он выглядел так, словно за последний час прожил десятилетие. Дыхание наставника стало тяжелым. — Теперь, прошу, мальчик, помоги мне лечь.

Я взял его за руку и был потрясен тем, какой холодной она была. Он прилег на кровать, а я помог ему укрыться шерстяным одеялом.

— Через два дня мы окажемся в порту, — сказал Перро. — От Глубоководья мы, со всей поспешностью, двинемся к Сильвериму. Там у меня есть друг, который укроет тебя.

— А как же ты? — спросил я. — Ты ранен. Тебе нужна помощь.

— Со мной все будет хорошо. К тому же, в Сильверимуне живут лучшие целители Фаэруна. А теперь, немного отдохнем.

Я признал, что план так же хорош, как и любой иной, хотя понимал, что до Сильверимуна путь долгий. Перро только что обработал свою рану и перевязал свежими бинтами, а он был опытным целителем. Масло, которое он капнул на тряпку, было, разумеется, волшебным, так что я надеялся, что его раны скоро заживут. Я вытащил несколько одеял и закутался в них,

ложась на пол, предоставляя в распоряжение Перро единственную в каюте кровать.

Следующий день Перро провел в каюте, еле шевелясь. За едой он послал меня. Я хотел поискать захваченный экипаж, чтобы узнать судьбу Джоэн, но состояние Перро казалось более важным, поэтому я вынужден был отодвинуть свои планы в сторону.

На второе утро мой наставник не смог даже встать с кровати. Корабельный врач пришел, чтобы осмотреть его, но не смог сделать ничего. Только поменял повязку. Капитан Барам лично принес нашу еду, чтобы проведать Перро. Он информировал меня, раз уж мой друг спит, что наш путь был отличным и мы уже около побережья, но мощный шторм бушует у Глубоководья, а потому мы не можем плыть в гавань.

На третье утро Перро не проснулся.

Глава двадцать третья

— Ты должен подождать, пока мы войдем в порт, — голос капитана был мягче, чем когда-либо. Его тон был полон чего-то вроде сочувствия. И это, по какой-то причине, очень разозлило меня.

— Не могу. Не могу оставаться тут с пиратами, — выплюнул я.

Мы стояли на палубе. Лишь мгновение назад я попытался — и не смог — разбудить Перро. Я сразу понял — мы не можем оставаться на борту, чтобы переждать шторм. У Перро не было времени.

— В Глубоководье много хороших целителей, — продолжил Барам. — Они смогут подлатать его. Тебе не нужно везти его в Сильверимун.

Я закинул седло на спину Дымки.

— Лучшие целители Фаэруна — в Сильверимуне. Он сам так сказал.

Барам окинул лошадь долгим взглядом.

— Ты уверен, что она доберется до берега?

— Она никогда не сбросит Перро. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Я закончил с седлом и пряжками, и направился к Перро, который лежал на койке, которую вытащил на палубу экипаж.

— Помогите мне, а? — сказал я, и пара членов экипажа направились ко мне, чтобы помочь поднять друга в седло. Его кожа была горячей, а ресницы подрагивали, но глаза никогда полностью не открывались. Казалось, он застыл на полпути между сном и явью, на полпути между жизнью и смертью. Я начал привязывать Перро к седлу.

— Ты поедешь прямо в грозу, — сказал капитан. — Шторм так далеко на севере, да еще в это время года — страшная вещь. Предупреждаю.

— У нас все получится, — я взял плащ Перро и застегнул его вокруг собственной шеи. Он был слишком длинный и тащился по земле, но меня это не волновало. Я полез в ножны на его сапоге и снял оттуда волшебный стилет, вставляя его в одну из петель на своем поясе. На свои плечи я накинул ремни огромного ранца. Он был легким, словно пёрышко, несмотря на то, что

стал хранилищем сотен книг.

— Я не сомневаюсь, что у тебя получится, — сказал Барам. — Но тебе нужно поспешить, иначе не получится у него.

Я кивнул и вскочил в седло.

— Я благодарю вас за гостеприимство, капитан Барам, — сказал я, протягивая руку.

Он с силой пожал её и твердо потряс.

— если когда-нибудь окажешься в Лускане — найди меня, — сказал он.

Я последний раз кивнул ему, подхватил вожжи и направил Дымку за борт.

У меня не было намерения ехать в Сильверимун или доверять судьбу наставника целителям Глубоководья, однако я не собирался рассказывать о том, куда я направляюсь пиратскому капитану.

Я знал ту, что могла спасти Перро. И она жила во Вратах Бальдура.

Вратах Бальдура, где я был несколько дней назад.

Именно во Вратах Бальдура Перро был ранен, пытаюсь защитить меня.

Мы рванули на восток, за короткое время покрывая огромные расстояния. Через несколько часов перед нами раскинулся берег, и довольно скоро я ощутил, как растёт усталость Дымки. Казалось, словно она мчалась сквозь облако, но вскоре из-под её копыт полетели соленые брызги. Мы могли оказаться на земле в самое ближайшее время, но вдоль береговой линии маячила массивная черная туча. Воздух сотрясали молнии, а грохот грома, встретивший нас, звучал зловещим предупреждением.

Поворачивай, кричала гроза. Это бесполезно. Вы обречены. Возвращайтесь.

Вскоре мы оказались посреди ливня. Раскаты грома казались злобным смехом. Весь мир хохотал мне в лицо, дразня меня.

Но мы добрались до берега.

Дымка споткнулась и едва не упала, когда её копыта наконец коснулись твердой земли. Уставший и промокший, я сполз с её спины, тяжело приземляясь. Перро по-прежнему был крепко привязан к седлу. Его дыхание было очень слабым, а повязка, прикрывавшая рану, пропиталась кровью.

Поднявшись на ноги, я подошел к Дымке, прижимаясь лицом к её морде. Эти умные серые глаза устало смотрели на меня.

— Я знаю, что ты устала, — сказал я. — Но если мы остановимся — он умрет.

По её реакции я понял, что лошадь меня поняла. Она выпрямилась, становясь с гордостью, силой и благородством.

— Моя хорошая, — прошептал я, подтягиваясь обратно в седло. Дымка сорвалась с места прежде, чем я оказался наверху.

Нормальная лошадь, бегущая нормальным ходом, покрывает пятьдесят миль за день, если погода хорошая, а наездник позволяет ей бежать. Дорога от Глубоководья до Врат Бальдура занимала пятьсот миль. Так что наше путешествие должно было занять десять дней.

Мы покрыли это расстояние за два дня.

На полном скаку мы влетели в городские ворота, и Дымке удалось не сбавлять темпа, даже не смотря на то, что она не спала и не останавливалась в течение сорока часов и пяти сотен миль. Городские стражи закричали нам вслед, пытаясь остановить, но они не смогли догнать нас. Вскоре мы скакали по улицам города. Дымка и без меня знала, куда идти, а потому наконец мы резко остановились перед Пустой Кружкой.

Элвисс, который видел нас, уже стоял у дверей.

Я соскочил с лошади и передал поводья дворфу.

— Позаботься о них, — сказал я, поворачиваясь, чтобы уйти.

— куда ты? — спросил он.

— Мне нужно найти Джейд. Где она?

— Она... в своем храме, — выпалил дворф. — Но тебя тут быть не должно. Демон все еще ищет тебя!

— Плевать. Мне нужно найти Джейд, чтобы спасти Перро, — сказал я. — Какой из храмов её?

— Девичий Зал, — сказал он. — Но погоди! Не уходи пока.

Элвисс рванул в дверь Пустой Кружки, возвращаясь через несколько секунд. Лоб дворфа покрывали капельки пота. Он жестом попросил меня протянуть руку и положил в мою ладонь кусок пергамента. Прочитай вслух. Тогда она поймет, что это ты. Это единственный способ попасть в храм.

Я бросился к храмовому кварталу прежде чем дворф смог сказать еще что-то. Я слышал, как он кричит мне в спину, но ветер относил его слова в сторону. Лишь последние два донеслись до меня достаточно ясно.

— Будь осторожен!

Глава двадцать четвёртая

Девичий Залл — храм Тиморы, богини удачи и материнского божества Врат Бальдура — был чем-то доселе невиданным. Он был огромен и великолепен. На высоких стенах из белого камня через каждые несколько футов располагались статуи богини Тиморы, её сестры — Бешабы или какого-нибудь героя, который воевал с драконом или дьяволом. Вокруг здания возвышались могучие башни, покрытые красивой резьбой, вившейся до самого верха. Каждая башня казалось огромным произведением искусства. На самой вершине башен висели колокола, совершенные по форме и звуку.

Я не остановился, чтобы поглазеть на огромное здание. У меня была цель, и я пришел сюда по делу. Обойдя храм с востока, я оказался на узкой аллее, идущей между храмом и другим крупным строением, которое выглядело, как дом богатого человека, и двинулся вдоль прохода, ища дверь. Но я так и не нашел входа.

За большим домом я обнаружил ветхую хижину. На обветренной двери строения виднелось вырезанное в форме солнца лицо. Глаза изображения были закрыты, а рот — слегка приоткрыт.

Забравшись в карман, я вытащил пергамент. Достав его я почувствовал, что в мою руку скользнул еще один предмет. Развернув пергамент, я собрался уже произнести слово и поставить предмет на место.

— Я слишком долго искал тебя.

Я начал говорить, потому что узнал голос.

Эсбил.

— Наконец ты пришел, чтобы встретить свою судьбу! И принес мне ключ к дому жрицы. Умничка! — демон рассмеялся ужасным смехом.

Я скомкал листок и сунул его в карман, правой рукой доставая стилет, висящий на моем поясе. Я пытался держать руку твердо, но незнакомый вес оружия и ощущение холода в животе помешали мне сосредоточиться.

— Изыди, змей, — прошипел я на него.

Когда я ткнул в него кинжалом, демон расхохотался еще громче.

— Плащ барда. Кинжал барда! Должно быть, слухи не врут и всемогущий Перро мертв!

У существа не было защиты. При нем не было никакого оружия, даже его обсидианового посоха. Глаза демона были полузакрыты из-за смеха. Я взмахнул рукой — стилет превратился в тонкую саблю — и прыгнул на Эсбила, целясь прямо в горло зверя.

Но мой клинок прошел мимо, не причиняя противнику никакого вреда.

Я понял свою ошибку, как только услышал биение крыльев за своей спиной. Иллюзия передо мной рассеялась, и я повернулся лицом к реальному демону, который падал с крыши дома. Его обсидиановый посох был нацелен мне в голову. Мне с трудом удалось взмахнуть клинком, чтобы заблокировать удар, однако, сила атаки была невероятной. Я отлетел назад и тяжело приземлился на землю. Клинок выпал из моей руки.

— Игры закончились, деточка. Ты не был моим, когда родился, и, раз уж бард помер, я заявляю права на тебя. Как и должно быть. Не сопротивляйся, или я причиню тебе боль.

Он зашагал вперед, держа посох наготове. Я видел бой Перро и Эсбила, и знал, что не могу победить демона. Вскочив на ноги, я достал свою саблю, быстро перебирая варианты своих дальнейших действий. Что мне делать? Что я могу использовать против него?

А потом ослепительная вспышка озарила весь мир вокруг. Женский голос — холодный, бархатистый и мощный, проговорил:

— Оставь его, демон. Он тебе не принадлежит, — сказала женщина. — Иди, поиграй со мной.

Где-то я услышал щелчок дверного замка. Свет внезапно исчез, и в переулке появилась красавица Джейд.

Она была без оружия и брони, но все еще выглядела грозной. Эсбил тоже ощутил это. Он отвернулся от меня, бросая посох и обнажая меч. Лезвие вспыхнуло, когда он бросился на женщину. В руках Джейд появился посох, не физический объект, а концентрированный луч света, которым она парировала удар демона и тяжело атаковала в ответ.

Эсбил едва успел увернуться, отступая на шаг. Джейд не прекращала атаковать. Каждое её движение было грациозным, а жезл казался продолжением её силы воли. Бой был захватывающим, но мне не удалось понаблюдать за ним, из-за голоса, что прозвучал в моей голове.

Беги, Мэймун, — беззвучно крикнула Джейд. — Беги и спрячься.

Перро болен! — мысленно заорал я в ответ, почему-то зная, что она услышит меня. — Ты должна ему помочь!

Я всегда помогала ему. Но сейчас никто из нас не может сделать больше, чем обезопасить тебя и камень, — в словах женщины была какая-то завершенность и безмятежность. Я чувствовал, как сжимается сердце в моей груди, подтверждая то, что Перро действительно умер.

Я не хочу этого камня, — ответил я.

Это не твой выбор. Сохрани его. Пусть он будет в безопасности.

Куда мне идти? — смиренно спросил я.

Куда-нибудь. Но только подальше отсюда. Лучше всего, если я не буду знать, где ты. Не позволяй городской страже видеть тебя. Многие из них находятся в союзе с твоими врагами. Беги же. И слушай свое сердце. Удача будет с тобой в любом путешествии, в которое ты отправишься.

Я кивнул ей, хотя женщина не могла видеть меня, увлеченная битвой. Меч и посох сталкивались, вызывая всполохи пламени и вспышки света, озаряющие тенистый переулок. Я развернулся и побежал.

В конце переулка я остановился, когда последняя мысль пришла в мою голову. Я понадеялся, что жрица все еще может услышать меня.

Ты убьешь Эсбила?

Её ответ был тихим. Таким тихим, что я поначалу не мог разобрать его. Но Джейд повторяла его снова и снова. Хотя, быть может, это было лишь эхо.

Это должен сделать ты сам.

Часть третья

Резкий стук прервал мой рассказ.

— *Еда готова, капитан, — приглушенно послышалось из-за двери.*

— Хорошо, хорошо. Мне принесите сюда, — ответил сидящий передо мной пират. Он сделал паузу. — Принесите две порции.

Ответом снаружи стал лишь удаляющийся звук тяжелых шагов.

— Значит, вы тут капитан? — спросил я. — И не знал.

— Что, думал, позволим допрашивать тебя любому жалкому старику?

— А ты допрашиваешь меня?

— Что-то вроде того. Узнал кое-кого, с кем плавал когда-то, да?

— Это ты узнал о ком-то, с кем я уже плавал, — парировал я.

В дверь снова постучали и она распахнулась, открывая песчаный коридор, ведущий к... неужели это было ночное небо? Ритмичные удары волн о скалы эхом отдавались от стен туннеля, пропахшего соленой водой. Проблеск света в конце зала заставил меня предположить, что где-то там горит костер, а низкий гул слышался, как песня, льющаяся издалека. Остальные пираты были рядом.

Я обдумывал, возможно ли проскользнуть мимо капитана, быть может, взять его клинок, а потом рвануть мимо второго пирата, чьи руки были заняты. Несомненно, они где-то спрятали свою стоянку. В бухте или на острове. И потому мне некуда было деваться. Нет, решил я, плохое время для побега. Может быть, когда капитан уйдет. После того, как старик взял свою еду, дверь снова затворилась.

— Раздумывал, да? — спросил он.

— Не знаю, о чем вы.

— Ты собирался бежать.

Я пожал плечами.

— Не подходящий момент.

— И верно. Думаешь, подходящий скоро настанет?

— Мне пришлось и хуже.

Капитан поставил еду — какое-то бесформенное месиво из помоев и двух маленьких черных ломтиков соленого мяса — и начал есть.

— Голодны? — спросил я.

— Клянусь твоей уродливой задницей. Быть капитаном — тяжело.

— Достойно двойных рационов.

— Думал, поделюсь с тобой? Тебе не дадут пожрать, пока я не прикажу.

Я только пожал плечами.

— Тогда не получишь рассказа.

Капитан замер.

— Но ты же закончил, нет? Ты уже рассказал мне, что было дальше — ты сбежал от демона, нашел корабль Дюдермонта и пробрался туда тайком. Потом встретил морского тролля, и заключил сделку с капитаном, который предложил тебе работу на борту. Ты вернулся туда, откуда начал.

— Ну да. Только есть еще кое-что.

— О, да. Я знаю. Позволь же мне самому рассказать это. Ты плавал с Дюдермонтом шесть лет, а потом попал в руки к нам с командой. Отличная сказка. Но она не стоит еды.

С каждым словом он брызгал слюной.

— Думал бы так — не стал бы есть тут.

Пират смотрел на меня долгое время.

— Умный мальчик, да? — он протянул руку, взял один кусок мяса и бросил его мне. — Ну, говори.

Я откусил кусочек. Мясо выглядело в два раза хуже, чем было на вкус, а я был очень голодным.

— По рукам, — начал я. — Вернемся на Морскую Фею.

Глава двадцать пятая

На Морской Фее не было свободной каюты, чтобы расположить моряков, получивших раны в сражении с пиратами. Вместо этого, капитан Дюдермонт использовал запасной парус, который закрепил на стене в каюте экипажа, отделяя дюжину коек, стоявших ближе всего к корме корабля.

Дюдермонт сказал, что эти меры призваны защитить раненных от попадания грязи и болезней, которые могли распространяться от других моряков. Но я полагал, что это должно было держать тяжело раненных, ранения некоторых были куда хуже моих, подальше от глаз остальных членов экипажа.

Я получил койку ближе к левому борту судна, непосредственно под большим окном. Когда корабль направился на юг, мое окно стало выходить прямо на восход, и я воспользовался этим на второе утро после битвы. Окошко было слишком высоко, чтобы смотреть из него, не подымаясь с кровати, а я все еще чувствовал головокружение, однако все равно подтянулся вверх, чтобы поглядеть на светлеющее небо.

С моей точки наблюдения, горизонт казался сплошной линией воды, над которой поднималось восходящее солнце. В начале — едва-едва. А потом все больше, пока яркий свет не заполнил все вокруг, ослепляя меня.

Я подумал о Перро и первом восходе солнца, который я наблюдал с ним много лет назад. Каждый день дает нам шанс начать все с начала, говорил он. Новый день. Было ли это так? Могу ли я начать все заново прямо здесь и сейчас?

Я решил, что не мог. Тяжкий груз все еще висел на моей шее, и я не мог изменить свою жизнь, пока нес его с собой.

Я так погрузился в свои мысли, что не заметил смеха позади. Он был больше похож на хрип, наполненный мокротой и, вероятно, даже кровью. Только когда смех оборвался кашлем, я обратил на него внимание.

Я развернулся к раненному моряку. Он не казался старым, но его лицо было морщинистым и покрытым грубой кожей. Вначале я не видел его раны, тело человека скрывало одеяло, которое вздымалось от этого жуткого кашля, но, когда я наконец понял, что с человеком — меня затосило. От левой ноги осталась лишь часть до колена, а пятна крови на простынях говорили о том, что её только что ампутировали.

Постепенно кашель стих, и мужчина успокоился, однако, его тело все равно покрывал пот. Я знал, что если прикоснусь к нему — его плоть будет горячей, а потом станет холодной. Щеки человека были бледными, а мускулы — расслаблены. Однако, глаза его светились, устремленные прямо на меня.

— С вами все хорошо? — спросил он. Лишь когда мужчина рассмеялся, я понял, как глупо прозвучал мой вопрос — он потерял ногу, а судя по кашлю — был тяжело болен.

На этот раз его смех не превратился в кашель. Вместо того, мужчина заговорил.

— Хорошо? Полагаю, так оно и есть. Я и не думал, что увижу рассвет нового дня, а вот, увидел! Конечно, тут какой-то мальчик закрывает мне весь вид, но это меня не слишком беспокоит. Он ведь не весь свет загородил.

Его голос, как и смех, вырывался изо рта, приглушенный мокротой. Он выглядел, как умирающий, и мой живот разболелся от этой мысли.

— Простите, сэр, — сказал я. — Я не знал, что вы проснулись.

— Все хорошо, малыш, — ответил он. — Только меня зовут не Сэр, а Тассо. И мне будет приятнее, если ты так и станешь звать меня.

Я медленно кивнул.

— А я — Мэймун, — представился я в ответ.

— Видел когда-нибудь, как человек умирает? — спросил он. В голосе мужчины не было страха, только любопытство. — Я спрашиваю не о том, видел ли ты, как человека пронзают мечом. Это другое. Это ужасно, но не то же самое. Я хочу знать, был ли ты когда-нибудь рядом с человеком, который мог поговорить с тобой прежде, чем ушел?

Я покачал головой, чтобы ответить отрицательно, но остановился, задумавшись о Перро. Он разговаривал, пытался отвести меня в безопасное место. А на следующий день — заснул, и я больше никогда не слышал его голос.

— Это да или нет? — спросил Тассо.

Я быстро затряс головой. Я знал, куда вели вопросы мужчины — Тассо говорил мне, что он умирает. И как бы я не желал спрятать правду о Перро от себя самого, я не мог заставить себя соврать человеку, которому недолго осталось в этом мире. Мне казалось, что будет не

правильным, если его последний разговор будет испачкан ложью или даже полуправдой.

— Я видел умирающего человека, — в моем горле встал ком. — Но я никогда не видел, как человека покидает жизнь.

— Если думаешь, что не вынесешь этого зрелища, то тебе, пожалуй, стоит скоро отсюда выйти, — сказал мой собеседник. Его голос уже стал ниже и тише, словно энергия для разговора покидала его. — Я должен был плыть на восток, — продолжил он. — Хотел последовать за моей семьей, там, за морем Падающих Звезд. Я обещал им найти их.

— И почему не нашел?

— Не было времени.

Я несколько раз моргнул, вспомнив то, что Перро как-то сказал мне о времени.

— Сколько тебе лет, Мэймун? — спросил Тассо.

— Двенадцать, сэр. Эээ, то есть Тассо.

Мужчина хрипло хихикнул.

— Мне было столько же, когда я впервые вышел в море. Из тридцати двух лет на этой земле я двадцать провел на воде. У меня было так много времени, правда? Но я так никогда и не отплыл на восток.

— Мы говорим не о том времени, которое у вас было, а о том, что было свободным, — тихо сказал я.

Он посмотрел на меня долгим взглядом.

— Не самые ли это мудрые слова в моей жизни?

Мужчина протянул руку и, схватив меня за предплечье, притянул к своему лицу. Щекой я ощутил его горячее дыхание, но не стал протестовать или пытаться отстраниться.

— Времени никогда не хватает, дитя, — сказал он. Голос мужчины стал низким, он задыхался. — Ты никогда не получишь свободной минутки, но можешь сам вырвать её для себя. Тебе нужно прожить еще двадцать лет, чтобы сравняться со мной. Не трать их даром. Иди на восток.

Тассо отпустил меня и повалился обратно, тяжело и слабо дыша. Он выглядел так, словно испытывал боль, словно воздух обжигал его легкие и горло, стоило ему вдохнуть. Но лицо его было мирным и таким безмятежным, что раньше я никогда не видел подобного выражения.

Я взял мужчину за руку и держал её. Его вздохи становились все реже и тише, пока, чтобы расслышать его дыхание, мне не пришлось бы придвинуть лицо ближе.

Меньше чем через час после нашего знакомства я держал руку моряка и наблюдал за тем, как последний вздох оставляет его тело.

Я сидел на краю кровати, держа холодеющую руку Тассо. Солнце за окном уже взошло, посылая рассеянный свет в каюту. Это придавала окружающей обстановке зловещий вид. Я сидел там, держа за руку мертвого матроса, и представлял на его месте Перро.

Лишь несколько дней назад я примчался во Врата Бальдура, чтобы найти способ спасти Перро. Когда у меня была возможность сказать последнее «прощай», прямо перед тем, как я отправился на причал, я прошел мимо. Я сказал себе, что Перро будет лучше без меня, что опасность, исходящая от Эсбила слишком велика. Но я знал, что все не так.

Перро шесть лет растил меня, он посвятил свою жизнь заботе о моей безопасности. Он учил меня и показывал мне мир. Он был ранен, сражаясь за мою жизнь и умер, защищая меня. Он был единственной семьей, которая у меня была. И у меня не хватило смелости, чтобы быть рядом и подержать его за руку, пока он отходил в иной мир.

Я задался вопросом, что чувствовал наставник, умирая. Носило ли его лицо то же выражение, что лицо Тассо? Что если он лишь на мгновение проснулся, желая поговорить со мной, понимая, что он уходит и в скором времени от него не останется ни следа?

Кто держал руку Перро, пока он умирал?

Корабельный лекарь нашел меня сжимавшим ладонь мертвого мужчины и тихо плачущим. Он осторожно отнял мою руку от Тассо и помог вернуться к собственной кровати.

Я едва слышал, как он говорил со мной. Едва заметил двух членов экипажа, пришедших с ним. Тассо умер, потому что его раны загноились, и оставить его здесь — значит подвергнуть риску заражения всех раненных. Его унесут и сегодня же похоронят в морских водах. То есть завернут в ткань, привяжут к доске, утяжеленной камнями, и сбросят за борт.

Если бы моя рана стала хуже, и я умер — они поступили бы со мной также? У меня не было никаких связей с этими моряками. Будет ли им все равно, если меня не станет? Если бы я умер? Будет ли не все равно хоть кому-нибудь?

Я повалился на жесткую койку и разрыдался. Я плакал по Перро, по Тассо, по себе, сироте, раненному и скитающемуся без дома и семьи.

— Жалость к себе — плохая штука.

Прозвучавший голос застал меня врасплох. Он был тихим и нежным, но полным сил. Я поднял голову, чтобы увидеть черную руку, которая отдергивала полог, отделяющий импровизированный лазарет, и фиалковые глаза, смотрящие на меня из-за поднятого угла.

— Я не себя жалею, — возмущенно солгал я. — Я плачу из-за Тассо.

Я ткнул пальцем на пустую койку.

— Ты едва его знал. И лил слезы по себе самому.

— А ты едва знаешь меня.

Дроу кивнул, соглашаясь. Мы действительно почти не знали друг друга. Но, глядя ему в глаза, я снова почувствовал связь, которую ощутил, впервые увидев его. Я снова ощутил, будто знал его всю свою жизнь. Я был уверен, что эльф знает о моих мыслях и надеялся, что он чувствует то же самое.

— Ты прав. Я не из-за Тассо плачу, а из-за кое-кого другого. Но не из-за жалости к себе.

— Почему ты оплакиваешь другого человека?

— Потому что он умер! — практически выкрикнул я.

Дзирт кивнул.

— Конечно, — сказал он. — Но почему ты плачешь об умерших?

Прежде, чем ответить, я несколько раз запнулся.

— Потому что он ушел и больше не вернется.

— И куда он ушел?

— Не знаю. Наверное, в королевство Тиморы, что в Светлых Водах. Он ушел к своей богине.

— Если ты веришь в это — зачем плачешь? Если он сейчас в лучшем месте, не стоит ли порадоваться за него?

— Я... я не знаю.

— Загляни внутрь себя. Ты плакал, потому что потерял его, а не потому, что он ушел. Ты плакал, потому что мир вокруг кажется теперь более одиноким. И это прекрасный повод, чтобы горевать. Но нужно признать это. Ты плачешь из-за себя.

Я посмотрел на него долгим взглядом. На этого мудрого темного эльфа. Он знал обо мне правду прежде, чем я сам осознал её.

— Почему умершего моряка хоронят в море? — спросил я, пытаюсь сдержать слезы.

— Людей всегда хоронят рядом с семьями, — ответил Дзирт. — Так что, когда моряк умрет, его морская семья всегда будет рядом.

— Его семья в море? Моряки берут своих детей или родителей с собой на воду?

— Иногда. Но я имел в виду других членов команды, — Дзирт вошел в комнатку и сел на мою кровать. — Семьи бывают разные, как ты понимаешь. Каждый моряк на корабле — брат или сестра остальным членам команды. Ладно, достаточно этих разговоров. Как твоя рука?

Я запнулся. Мне потребовался момент, чтобы понять, о чем он. Бессознательно, я попробовал взмахнуть рукой по кругу.

— Боль ушла, — сказал я. — Но она какая-то... деревянная.

Дзирт кивнул.

— Можешь встать на ноги? А ходить?

Я пожал плечами.

— Стоять могу. А ходить не пробовал.

— Попробуй.

Он протянул мне руку, на которую я смог опереться, чтобы подняться с кровати. Мгновение, я стоял, пошатываясь.

— Чувствую себя немного неуверенно, — сказал я. — Но мне кажется, сейчас все хорошо.

— Хорошо. Тебя хочет видеть капитан, — он протянул мне большой мешок, открыв который я нашел свежую одежду — чистую рубашку, кожаный ремень с ножнами для моего стилета и поношенную пару сапог. Там же была кожаная перевязь, удерживающая камень.

Я поднял глаза и увидел, как край белого паруса колыхнулся вслед за дроу.

— Дзирт! — крикнул я ему вслед. Моя грудь разболелась от усилия, затраченного на крик, но темный эльф снова появился, поднимая край паруса.

— Забыл что-то? — спросил он.

— Если я умру — где они похоронят меня? У меня нет семьи.

Мгновение, дроу смотрел на меня.

— У тебя есть семья. Просто ты пока не знаешь о ней.

Глава двадцать шестая

— Что ты знаешь о море? — спросил меня капитан Дюдермонт.

— Океан огромен и не изведен. Он растянулся от западного побережья Фаэруна, и величина его бесконечна, уносясь к неизвестным водным путям и, быть может, даже землям, — продекламировал я. — Он служит нам для более быстрого передвижения между точками на побережье, хотя зачастую путь бывает куда более опасным. Первый...

Подняв руку, капитан Дюдермонт остановил меня.

— Ты читал Воло, — сказал он.

— Да, сэр.

— Это хорошо. Но что ты знаешь о реальном море.

На мгновение я замолчал.

— Ничего не знаю, — честно ответил я наконец.

— Ты раньше был на борту корабля?

— Только однажды, — я поморщился, и Дюдермонт заметил мою гримасу.

— Тебе не слишком понравилось?

Я снова запнулся. Как я могу рассказать о событиях моего предыдущего морского путешествия? Конечно, одно слово могло полно и точно описать мои проблемы.

— Пираты, сэр.

Дюдермонт кивнул.

— Ты дважды попадал в море, и дважды твой корабль подвергался нападению пиратов. Тебе что-то слишком не везет, Мэймун.

— Наверное, так и есть, сэр.

— Чем ты занимался, когда был в море первый раз?

— Большую часть времени я провел в гнезде ча... в вороньем гнезде, я имел в виду.

При этих словах, Дюдермонт неожиданно оживился.

— И у тебя хватало на это зрения? — спросил он. — Ты видел предметы, которые возникали на горизонте?

Я кивнул. Я ведь увидел корабль, который указала Джоэн. Я даже увидел корабль в ночное время. В ту ужасную ночь.

— Впечатляет. Обычно морякам требуются месяцы и даже годы, чтобы глаза привыкли к уловкам света в открытом океане.

— Я недолго был в море, сэр.

Дюдермонт улыбнулся.

— Твои манеры и честность подтвердили правильность моего выбора. Будешь юнгой. В основном твои задачи не потребуют больших знаний. Пока мы в море — будешь передавать приказы экипажу и приносить мне еду. Будешь следить за порядком в шкафах, где хранятся журналы и карты, — он указал на большой предмет интерьера, который, как я понял, и было шкафом. — Когда мы войдем в порт — будешь следить за кораблем, если я сойду на берег. Взамен, тебе будут платить небольшое жалование серебром, а заодно ты сможешь поднакопить еще и знаний. От моего экипажа ты узнаешь все о кораблях — как завязывать узлы, идти по звездам...

— О! Я знаю как... — выпалил я прежде, чем понял, как грубо прервал капитана. Взгляд Дюдермонта стал суровым, и я залился красным.

— Где ты научился ориентироваться?

— Прочел в книге.

— Между книгой и реальностью есть большая разница.

Я покачал головой.

— Когда я путешествовал с... с моим отцом, он не говорил мне, где мы. И тогда я использовал звезды, чтобы понять это, — ответил я. — Ведь нет разницы, где смотреть на звезды — на море или на суше, да?

Лицо Дюдермонта слегка смягчилось. Он смотрел на меня с любопытством.

— На самом деле, на море это даже проще. Горизонт чище. Молодой человек, полагаю, ты наделен замечательным умом. Вот твоя первая задача — отнеси эти приказы на гауптвахту охранникам. Туда, где держат пиратов.

Сияя от полученного комплемента, я выскочил из комнаты, несясь через палубу и трюм, прямо к гауптвахте.

Как и любое морское судно, корабль был оснащен простой тюремной камерой с дверью из железных прутьев. В комнате не было окон, лишь плотно запертая снаружи дверь. На полу клетушки ютилось два десятка пленных пиратов. Люди тесно прижимались друг к другу. На страже, прислонившись спиной к клетке, стояло два матроса Морской Феи. Один из них рассеяно крутил вокруг пальца связку ключей, а другой, казалось, дремал, положив подбородок на грудь и опустив плечи. На мой приход никто не обратил внимания.

— Приказы от капитана Дюдермонта, — коротко сказал я. Охранник с ключами подпрыгнул, едва не выронив их. Другой даже не шевельнулся.

— О, так кэп отправил тебя бегать с поручениями, чтобы выплатить должок, да? — спросил он громким и грубым голосом. Это разбудило его спящего стоя спутника. Проснувшись слишком внезапно, человек подался вперед. Его тело двигалось быстрее его ног, и потому, запутавшись, он полетел на пол, тяжело падая вниз.

В мгновение ока, стражник поднялся на ноги, отряхнувшись и помахав кулаком смеющимся пиратам.

Лишь один человек, стоявший у стены в задней части клетки, не смеялся. И даже не улыбался. Он был низким и тощим, с широким носом и крошечными глазками. Кожа мужчины была бледно-голубой, а волосы — голубовато-белого цвета разбившейся о землю волны. Он просто смотрел — на меня. Внезапно, я ощутил себя очень неудобно.

— Ну ладно, давай их сюда, — сказал охранник с ключами. Я выполнил его просьбу, передавая ему записку, которую он развернул и быстро пробежал глазами.

— О, Олово. Ты свободен, — бросил он, глядя на второго мужчину. Неуклюжий моряк кивнул и ушел, не сказав ни слова.

— Его зовут Олово? — спросил я.

— Не. Его имя — Тоннид. Но мы зовем его Оловянная бошка, потому что мозгов у него столько же, сколько в пустом оловянном горшке. А меня прозвали Счастличик, потому что удачливее меня ты не встречал. А тебя как зовут?

— Мэймун. Это значит — дважды счастличик.

Счастличик прыснул со смеху.

— Дважды счастличик, да? Но ты вполовину меньше меня!

Я присоединился к его смеху, оглядываясь по сторонам.

— Но, если его отпустили, кто заменит его? Или тебе придется нести стражу в одиночку?

— Нет, я не буду сторожить это сборище один. Тебе нужно привести замену. Парень назвал Дзиритса, — человек хихикнул и я понял, что сейчас он смеется надо мной, хотя и не понимал, почему. — Ты же здесь без разрешения, да? Расплачиваешься за проезд, выполняя приказы?

— И да, и нет, — ответил я. — Я действительно проник сюда незванным гостем, но капитан предложил мне место на корабле.

В мгновение ока, веселье Счастличика как ветром сдуло.

— Предложил тебе работу? За неоплаченный проезд и то, что ты прятался от боя? Это не кажется даже полуправдой. Быть такого не может.

— Ничего я не прятался. Я тоже дрался. И тоже получил ранение! — я потянулся к вырезу рубашки, желая показать Счастливику страшный шрам, но пират, который смотрел на меня, казалось, взволновался, стоило мне поднести руки к шраму. Я понял, что покажи я рану — придется обнажить и кожаную перевязь. Я заколебался.

— Ну, давай же, а? Покажи рану, иначе я буду звать тебя лжецом!

Быстро обдумав ситуацию, я схватил его за руку и притянул её к своей груди.

— Чувствуешь? — спросил я, кладя руку на плечо, где начинался шрам. — Рана тут.

По выражению его лица — смеси ужаса и сочувствия — я понял, что он почувствовал то выпуклое место на коже, где находился шрам.

— Её просмолили, — сказал он, понижая голос. — Это одна из тех вещей, от которых спасла меня удача. Плаваю тридцать лет и ни разу мои раны не были такими глубокими, чтобы для лечения их использовали смолу. Прости, малыш. Но я не видел тебя в бою. Что случилось?

Я снова заколебался. Как я мог рассказать ему о бое с троллем, который пришел искать меня? Как я мог рассказать об этом, не рассказав об артефакте на моей груди — о том, который так интересовал пирата в клетке. Хуже того, неизвестно, как отреагирует Счастливчик, если решит, что пираты напали на Морскую Фею, чтобы найти меня.

Я не мог рассказать ему, и потому должен был соврать.

— Пират попал в трюм, где я прятался, — начал я. Счастливчик сразу выказал свое недоверие, и я понял, что он был на палубе и знал, что пираты не входили в трюм. Пришло время импровизации. — Он взобрался на корму. С большим топором. Вы ведь видели большую дыру в кормовой части? Вот это его рук дело.

— Пират должен был быть воистину огромен, чтобы разбить корпус судна, — воскликнул Счастливчик.

— Это был самый большой человек из тех, что я видел, — ответил я. — Полагаю, он нес с собой какую-то руду — или что-то подобное. Во всяком случае, он пробрался прямо в мое укрытие. И он хотел, чтобы я ему позволил пройти через трюм и атаковать экипаж со спины. Но я не мог позволить подобного. Так что я подкрался и привязал веревку к его лодыжке, а затем прицепил канат к шлюпке и скинул её в воду.

— Отличная идея! Но как ты получил рану?

— Он врезался в меня, когда летел из трюма, — сказал я. — И толкнул на острые края расколотого борта.

Счастливчик поморщился.

— Думаю, тебе повезло совсем не так, как говорит твое имя.

— Он врет, — этот голос застал меня врасплох. Он был глубоким и сильным, но не резким. Этот звук напоминал мне о далеких раскатах грома, который уже причинил вред, но милостиво

унесся вдаль. Голос принадлежал пирату, стоявшему позади клетки. Но теперь он оказался прямо перед нами. Человек стоял у прутьев, не мигая глядя на меня.

— Ой, захлопни рот и больше не открывай, жалкий негодяй! — Счастливчик выхватил из ножен саблю и угрожающе махнул ей в сторону пирата.

— Мальчишка соврал тебе. Он что-то скрывает.

Счастливчик плюнул в пирата, становясь между нами.

— Если думаешь, что я стану верить тебе больше, чем пареньку — ты тупее морской губки.

— Я не прошу доверия. Но у меня вопрос. Маленький Мэймун, что за холмик возвышается под твоей рубашкой прямо над сердцем?

Счастливчик обернулся и пристально посмотрел на меня. Я был уверен, что он увидит камень и спросит о нем, но я не смогу ответить. Медленно, шаг за шагом, я попятился.

— Мне нужно найти Дзирта, чтобы заменить Олово, — бросил я и прежде, чем Счастливчик успел ответить, резко обернулся и помчался прочь.

Я нашел Дзирта на палубе, в кормовой части корабля. Маскировка, которая заставляла его выглядеть солнечным эльфом, не действовала, и летнее солнце касалось его черной кожи. Он высоко поднял голову, закрыв глаза и подставив лицо лучам солнца. Ветер развеивал его густые белые волосы. Я тихо подкрался, не желая нарушать его уединения, но эльф услышал мои шаги.

— Привет, Мэймун, — сказал он, не открывая глаз и даже не поворачивая головы. — Капитан Дюдермонт рассказал мне о твоей новой должности. Поздравляю.

— Благодарю вас, сэр, — сказал я. — У меня есть приказ капитана для вас.

— Полагаю, пришла очередь моей смены на гауптвахте, — предположил эльф.

— Да, сэр.

— Тогда, спасибо, — он открыл глаза и повернул ко мне голову.

— Можно спросить? — спросил я.

— Ты только что это сделал.

— Я имел в виду... ну вы знаете, что я имел в виду, — я запнулся, внезапно начиная нервничать. — Где... где ваш дом? Где ваша семья?

Мгновение он смотрел на меня внимательно, изучая. Я не знал, что он ищет, но, видимо, в конце концов он отыскал это. Эльф кивнул и ответил.

— Мой дом там, где моя семья, а моя семья — это мои друзья и попутчики. Это все еще очень небольшая семья, ибо лишь немногие доверяют мне. Из-за моего происхождения.

— А другие, которые боролись с пиратами, — спросил я. — Вульфгар, и дворф, и женщина. Они вам верят?

— Да. И эти трое — моя семья. Ну, эти трое и еще четвертый, которого тут нет. Ты же сирота, не правда ли?

— Да, — вздохнул я. Трижды сирота, хотелось мне добавить. — Откуда вы знаете.

— Ты понимаешь, что я подразумеваю под семьей. Многие не понимают. Многие думают, что семья — это родители, братья, сестры, тети и дяди. Но на самом деле, семья — это люди, которых ты знаешь вот этим, — он указал на голову, — и которым доверяешь этим, — он положил руку на сердце.

Я кивнул, соглашаясь.

— А кто последний из вашей семьи?

— Хафлинг. Реджис. Его забрали от нас и, в настоящее время, держат в плену, в Калимпорте. У очень могущественного и очень жестокого человека. Ради него мы плывем на юг.

— Это опасно. Вы уверены, что он хочет, чтобы вы его спасали? — спросил я, сразу подумав, что мне стоит тщательнее выбрать слова, но Дзирт не расстроился.

— О чем ты? — спросил он. Мне показалось, что он знал, что я имею в виду, но просто хотел заставить меня размышлять дальше. Он заставляет меня думать, уже зная ответ, но желая, чтобы я сформулировал его сам. Потому что лишь после того, как мысль была произнесена вслух, я в действительности понял, что имел в виду.

— Я имел в виду, — начал я, — вы не боитесь, что он где-то там, в клетке, до смерти переживает за то, что вы и ваша семья — его семья — попытаете спасти его, но потерпите неудачу? Ведь этот человек может убить вас из-за него?

Дзирт кивнул. Его лицо выражало нечто среднее между мрачной решимостью и надеждой.

— Я уверен, что он именно так и думает.

— Но тогда зачем?

— Потому что он заботится о нас больше, чем о себе. И мы были бы ужасными друзьями, если бы не ответили ему тем же, — с этими словами он слегка кивнул головой и направился к лестнице в трюм.

— Дзирт! — крикнул я ему вслед. — Если вы умрете, где они должны похоронить вас?

— Это не важно. Мои друзья будут знать, где искать это место.

Инстинктивно, моя рука потянулась к сердцу — потому что, разумеется, он имел в виду, что его друзья просто прислушаются к себе. Но по пути к сердцу моя рука ударилась о нечто иное. Нечто, размером с детский кулак и лежавшее в кожаном мешочке. О камень.

Глава двадцать седьмая

Следующие несколько дней слились в единое пятно. Я проводил часы, носясь по кораблю, чтобы передать небольшие свитки пергамента или устные приказы для моряков, которые не могли читать. Я носил еду с камбуза до каюты Дюдермонта, за что был награжден правом есть вместе с ним. В эти часы Дюдермонт, верный своему обещанию, учил меня морскому ремеслу,

рассказывая мне о том, как водить судно — когда и как ставить парус, где заходить в порт, знаки, способные рассказать о погоде и прочие вещи, которые должен знать капитан. Когда я был свободен, я на практике изучал, как управлять кораблем. Часами сидя на палубе, я наблюдал за экипажем, занятым своими делами. Я запоминал узлы, которые они завязывали. Наблюдал за тем, как они сворачивают и разворачивают паруса, чтобы поймать ветер. Я слышал слова, доносившиеся от руля. Как правило, это были только цифры, которые говорили о том, как нужно изменить курс. Вскоре я был уверен, что в состоянии выполнить любую работу на корабле. Впервые в своей жизни я чувствовал себя дома.

Я познакомился с большинством членов команды, а также узнал часть их историй, но держался особняком и они не тревожили меня. Я переживал, что мне снова придется рассказать мою историю и снова соврать. Я беспокоился, что Счастливчик соберет воедино некоторые факты, и меня обвинят в нападении пиратов. Но даже он был очень дружелюбен ко мне, ни разу даже не спросив о камне на моей груди.

Пролетели дни, и прежде, чем я успел это осознать, мы уже плыли в Мемнон.

Я считал великим городом Врата Бальдура, но даже он мог десять раз уместиться на месте огромного Мемнона. Как самый северный порт Калимшана, город был построен там, где пустыня Калим встречалась с океаном. Там морской бриз мог развеять зной песчаных пейзажей. Разросшийся город напомнил мне самые бедные районы Врат Бальдура, перемешанные с богатейшими поселениями верхнего города. Слово всех жителей запихнули в кастрюлю и хорошенько перемешали. Покосившиеся хижины, построенные из коряг примыкали к дворцам из белого мрамора. Вдоль доков, как и во Вратах Бальдура, тянулись низкие доки, но они пустовали, и судя по огромному количеству людей, которые бегали снаружи и внутри строений, я полагал, что большинство зданий служили домом для тех, кто не имел другого убежища, а не для того, чтобы хранить в них товары.

Город тянулся к гавани. Более ста кораблей стояли на якоре в заполненных до отказа доках. Большие торговые галеоны смешивались с крошечными суденышками рыбаков. Флаги сотни портов и дюжины королевств взвивались в воздух на мачтах кораблей.

Между судами мелькали баркасы, каждый из которых вмещал дюжину мужчин, отталкивающих веслами. Все лодочки имели на носу сигнальный фонарь, а флаг, развевавшийся на корме говорил об их принадлежности к судам города Мемнон. Капитан Дюдермонт сообщил мне, что это портовая стража города, которая рыскает тут в поисках контрабандистов. А если быть точнее, они заставляли корабли, пойманные на контрабанде, платить взятки. В противном случае, судно будет запрещен вход в порт.

Также они примут пиратов, которых мы захватили в плен. За доставку плененных морских разбойников в Мемнон была назначена награда. Но Дюдермонт сказал, что портовая стража вполне могла найти причину, по которой эти деньги не смогут быть выплачены. Они были экспертами в вымогательстве денег, и крайне неохотно с деньгами расставались. В любом случае, по крайней мере в течение суток они не станут проверять наш корабль.

В первый же день, который мы провели в порту, Дзирт и его друзья приготовились отбыть.

Дзирт разговаривал с капитаном Дюдермонтом в капитанской каюте, и я не был приглашен на эту беседу. Я пытался подслушивать под дверью, но их голоса были низкими, и я не мог разобрать ни слова. Выходя, Дзирт взглянул на меня.

— Мы увидимся снова, — сказал он — и положил руку на сердце, в знак почтения. Его кожа

была светлой, он снова выглядел, как солнечный эльф. Точно так, как тогда, когда я увидел его в первый раз. И хотя я знал, что это — просто иллюзия, мне было все еще странно видеть его в этой волшебной маскировке. По крайней мере он выглядел не таким смущенным, каким был в прошлый раз. Я чувствовал странное родство, наблюдая за тем, как он уходит. Что-то изменилось для него здесь, на борту Морской Феи, так же, как и для меня.

Дзирт и его друзья сели в наемную лодочку и заскользили прочь, плывя через гавань по направлению к докам. И все, что мне осталось от него — это тот взгляд.

На следующее утро меня разбудили крики, доносящиеся с палубы. Я быстро оделся и рванул наверх, чтобы обнаружить трех одетых в форму представителей портовой охраны Мемнона, поднимавшихся на борт. Капитан Дюдермонт выскочил из своей каюты, чтобы встретить их. Он выглядел несколько растрёпанным, явно удивленный скорым прибытием инспекторов. Он говорил мне, что их стоит ожидать либо поздним вечером, либо завтрашним утром.

Я быстро направился к капитану. Как только я оказался рядом, он сказал мне:

— Мэймун, иди, поднимай экипаж. Скажи, что мы передаем пиратов.

Я открыл рот, чтобы что-то ответить, но Дюдермонт махнул рукой и вернулся к разговору с инспекторами.

Я сделал так, как мне сказали, и вскоре пираты колонной начали подниматься из трюма, связанные друг с другом за лодыжки и запястья. На захваченном пиратском корабле происходило то же самое, но я заметил, что палубу судна пересекает больше, чем две дюжины пиратов. Наверное, тюрьма на пиратском корабле побольше, чем на Морской Фее.

Однако те пираты, что оказались на нашем корабле выглядели более пугающими. Станный разбойник, который принес мне столько неприятностей, тоже был на палубе. И он снова смотрел на меня. Я повернулся к ближайшему матросу — им оказался Олово.

— Что не так с этим, Тоннид? — спросил я, кивая в сторону пялившегося на меня пирата.

— Не знаю, парень. Наверное, он просто грубиян.

— Разве не все пираты таковы?

Олово помолчал, обдумывая ответ.

— Полагаю, так и есть, — сказал он. — Но этот хуже.

Олово улыбнулся своей полу-шутке, и даже я немного рассмеялся. Шутка вышла не смешной, но Олово любил, когда люди смеялись над его шутками.

В мгновение ока, улыбка Олова сменилась выражением шока и ужаса. Позади я услышал тихий глухой стук, а затем громкий крик. Я развернулся, чтобы увидеть, что странный пират освободился от оков. Связывавшие его веревки целехонькими лежали на палубе. Человек направлялся прямо ко мне.

— Эй, получишь его через мой труп, господин худший грубиян! — крикнул Олово, прыгая передо мной и держа кулаки перед лицом, готовый нанести удар.

Синелицкий пират не остановился и не дрогнул, когда Олово тяжело ударил его в челюсть.

Раздался хруст. Я решил, что это звук треснувшей кости. Но пират даже не замедлил шага. Вместо того, назад подался Олово, сжимая ушибленную руку. Пират оттолкнул его на палубу, и прошел мимо, протягивая руки ко мне.

Я выбросил вперед стилет, ударяя им в руку человека. Мой удар достиг цели, но не произвел никакого эффекта. Клинок просто отскочил в сторону. Рука человека схватила край моей рубашки и я взлетел в воздух.

Держа меня на весу, пират сделал два шага и выпрыгнул за борт. Раздался всплеск, с которым мы погрузились в море, идя ко дну так, словно были привязаны к одному из якорей.

Я боролся против железной хватки человека, но она была слишком сильной, и я не мог вырваться. Я повернул в его сторону мой стилет, но вода замедляла движения, и я почувствовал, словно уколот камень. Пират игнорировал меня и воду, идя по дну так, словно совершал прогулку по солнечной улице.

Я задержал дыхание, пока не почувствовал, как взрываются от недостатка воздуха мои легкие. У меня не было возможности глубоко вдохнуть перед погружением, и попытки ударить кинжалом забрали часть моего воздуха. Пират продолжал не замечать меня. Он шел, даже не заботясь о том, что я вот-вот захлебнусь.

Больше я не мог терпеть. Мой выдох вырвался пузырьком, и я глубоко вдохнул. Но в мои легкие вошел воздух, а не вода.

Наконец, пират заметил меня. Разбойник подтащил меня к себе, заставляя смотреть в лицо. Он смотрел на то, как я лихорадочно делаю первые вдохи, а затем рассмеялся.

— Дурачье, — сказал он. Его голос, искаженный водой, казался еще более зловещим. — Ты думал, я дам тебе умереть? Живой ты стоишь в два раза больше! Хотя даже стоимость твоего трупа все равно окупит потраченное время.

И он снова рассмеялся этим ужасным смехом.

Старый страх снова объял меня. Только один человек — одно существо — поставило бы награду за мою голову. Мерзкий синий пират хотел продать меня Эсбилу.

Эта мысль привела меня в бешенство. Из всех сил я попытался отшатнуться. Я набросился на него, колотя по груди, лицу, снова и снова нанося удары. Я бил ногами и кричал, хотя вода так искажала мои слова, что их нельзя было разобрать. Я боролся отчаянно, но только порвал мою рубашку, и стоило это произойти, схватил меня крепче, держа за раненное левое плечо.

Все это время он продолжал идти к докам Мемнона.

Вода перед нами побелела. Но, не замечая этого, пират продолжал идти — прямо в толстую стену льда.

В момент столкновения, я почувствовал, как его хватка ослабла. Резко дернувшись, я оттолкнулся ногами от его бедра и оказался свободен. Но вздохнув снова, я глотнул воды, а не воздуха. Я задыхался. Мои легкие были полны воды, и я не мог её выплюнуть. Ужасная острая боль мгновенно пронзила мою грудь, и я пытался сопротивляться попыткам сделать вдох. Пират потянулся ко мне, и я почувствовал соблазн схватить его за руку, чтобы снова вдохнуть воздуха. Но я знал, что стоит его руке схватить меня — мне никогда не обрести свободы снова. Я хотел плыть на поверхность, но та была далеко, а тяжелая промокшая одежда тянула меня

вниз.

Разумеется, я умру прежде, чем доплыву туда.

Я стал подниматься, прорываясь сквозь толщу воды, и прежде, чем понял происходящее — оказался на поверхности не только в мыслях, но и телом. Я кашлял и бормотал, выплевывая воду и жадно глотая воздух.

Оглянувшись, я понял, что Морская Фея стоит дальше от доков. Каким-то образом я оказался над водой, плавая в дюйме над её поверхностью. Подо мной образовалась небольшая выемка, словно я отражал воду. Заинтересовавшись, я протянул руку, чтобы коснуться поверхности, но какая-то невидимая сила оттеснила воду от моей руки. Я потянулся сильнее, но вода снова отстранилась и выемка в воде стала глубже, следуя за движениями моей ладони.

Я поднял голову, гадая, что создало это чудо, и нашел источник стоящим надо мной. Это был человек, одетый в темно-синее одеяние, с бородатым лицом, которое выражало веселье.

— Откашлялся, парень? — спросил он с сарказмом.

Я кивнул, делая еще несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя, а потом, покачиваясь, встал в своей невидимой чаше.

— Кто вы, сэр? — спросил я.

Казалось, ему понравилось быть “сэром”, словно подобное обращение было редким явлением.

— Меня зовут Робийярд. Я работаю с портовой стражей Мемнона. Я следил за передачей капитана Пиночета и его команды с борта Морской Феи, когда этот идиот, — он жестом указал на воду, — схватил тебя. Тебе повезло остаться в живых, парень.

Я покачал головой.

— Он не собирался меня убивать, сэр.

— Тогда чего он хотел?

Я замялся.

— Это личное, — сказал я, наконец.

— Ты знал этого пирата? — теперь в его голосе не было сарказма — он обвинял меня.

— Нет, сэр. Он работает на кое-кого, кто ищет меня.

— Значит, ты беглец? — приподнял бровь мужчина. — Как тебя зовут, дитя?

Я уставился на него.

— Мое имя не...

Внезапно, сила, которая держала меня над водой, исчезла, и я с плеском рухнул в море. Как только я полностью погрузился под воду, я снова рванул вверх. Это случилось так быстро, что я даже приземлился на ноги, ошарашенный, но невредимый.

— Думай, кому грубишь, — сказал Робийярд. — И что важнее, будь на чеку, когда грубишь. Дурак.

Над волнами раздался другой голос — на этот раз — знакомый. Счастливичик.

— Ой, Мэймун, с тобой все хорошо? — друг смеялся. — Не поранился?

Я повернулся на голос и увидел, что Морская Фея уже заменила свою разбитую шляпку. Счастливичик и двое других матросов плыли ко мне — Счастливичик стоял на носы, а остальные — сидели на веслах. Они были достаточно далеко, но скоро приедут за мной.

— Не поранился, — крикнул я. — Как Олово?

— руку сломал. Я всегда говорил ему — не бить сжатым кулаком. Но разве он послушает? Нет, сэр, конечно, нет, он слишком умен, чтобы слушать меня.

Мои мысли метались из стороны в сторону, пока я наблюдал за приближавшейся лодкой. В основном я думал об Эсбиле и его шпионах, о тролле, которого я выкинул с корабля, и странном пирате, который схватил меня. Я думал, что море защитит меня от Эсбила. Но я был не прав.

Из-за меня погибли несколько человек — Тассо, и многие другие, чьи имена я даже не знаю. Я не мог даже помыслить о том, что Дюдермонт или Счастливичик умрут из-за меня. Я не мог позволить подобному произойти.

Я повернулся к Робийярду и тихо, чтобы не услышал Счастливичик, спросил.

— Как долго действует это заклинание? — я показал на свои ноги.

— Часы, если я так решу, — сказал он, подмигивая. — А зачем?

— Эй, Счастливичик! — крикнул я, не отводя глаз от Робийярда. — Сделай одолжение.

— Что?

— Передай капитану Дюдермонту спасибо за его гостеприимство, а также за его предложение, но я оставляю свой пост.

Я слышал, как прекратились удары весел, и Счастливичик выпалил что-то вроде:

— Чего?

Робийярд тяжело посмотрел на меня, но потом кивнул и улыбнулся.

— Значит, ты беглец.

— Беглец, — я чуть не рассмеялся. — Думаю, вы могли бы сказать, что я бегаю всю жизнь, сэр.

С этими словами, я развернулся и побежал по воде, направляясь в Мемнон.

Глава двадцать восьмая

Мемнон оказался даже более запутанным, чем при взгляде с корабля. Улицы не были вымощены камнем. Их расположение, казалось, не подчинялось никакому строгому плану.

Вместо этого улицей считалось любое пространство, не занятое домами. Подавляющее большинство зданий были хлипкими и ужасными на вид, но народ тут жил удивительный. Проталкиваясь вдоль многолюдных улиц, я разглядывал их яркие одежды и головы, завернутые в красные, синие и черные тюрбаны. Большинство лиц были скрыты за вуалями. Некоторые были черные и непроглядные, другие же более светлые, за которыми можно было разглядеть контуры лица владельца.

Я передвигался как можно быстрее. Я понятия не имел, могла ли городская стража быть в услужении у демона. Но теперь я знал, агенты Эсбила могли быть где угодно, и я не мог рисковать, привлекая лишнее внимание. Больше некому было меня защитить, больше некому было умереть за меня.

И как я мог с чистой совестью снова связаться с кем-то, зная, что демон идет по моим пятам? Мое сердце упало, стоило мне представить своё будущее: одинокая жизнь в вечных скитаниях, пока, в один прекрасный день, я не поскользнусь. Тогда Эсбил догонит меня.

Я решил оставить Мемнон. Я мог отправиться на юг, в суровую пустыню Калим. В книгах я многое прочел о выживании в суровом климате, в том числе и в жаркой пустыне. Я мог по крайней мере несколько дней идти сквозь пески. Там, на одинокой равнине, я мог бы закопать камень. Закопать поглубже. И никто больше не станет преследовать меня, никто больше не найдет его. Я стану свободен. Никто больше не станет страдать из-за меня.

Но что тогда станет со мной? Так или иначе, камень был связан с моей семьей. Он каким-то образом стал частью моей судьбы. Так говорил мне Перро. Что бы он почувствовал, если бы узнал, что я собираюсь избавиться от камня? Мое лицо покраснело при этой мысли. Ведь я знал ответ.

За все дни, проведенные на борту Морской Феи, я понял одну вещь: независимо от того, как далеко я отправлюсь — через море на край Торила или через пески пустыни Калим — Эсбил всегда будет лишь на шаг позади меня. А я устал бегать.

Улицы Мемнона петляли совершенно хаотичным образом, иногда даже неожиданно обрываясь. Зачастую мне попадались перекрестки, вдаль от которых разбежались полдюжины улиц, которые невозможно было отличить. Город был огромным лабиринтом, и я до сих пор плутал по нему.

Незадолго до восхода солнца я оказался где-то в центре города. Вокруг меня не было ни стен, ни доков. И я понятия не имел, куда идти. Я не мог блуждать по городу всю ночь. Даже если бы я захотел оставить Мемнон — я все равно не знал, как это сделать.

Задумавшись, я свернул в тенистый переулок. Мои ноги ныли от усталости, а живот болел от голода. Скоро мне нужно будет найти место для отдыха.

Какое-то движение дальше по улице привлекло мой взгляд. Тень, петляющая среди теней. В одно мгновение вся моя боль исчезла, а сердце — бешено заколотилось. Это Эсбил или один из его приспешников явился за мной.

Я повернулся туда, откуда пришел, и посмотрел прямо в пару светящихся желтых глаз.

Глава двадцать девятая

Я был так удивлен, что с трудом смог подавить крик. Отшатнувшись назад, я неловко

потянулся к ножнам, в которых находился мой стилет. Моя рука нащупала рукоять тонкого кинжала одновременно с тем, как моя нога наткнулась на ящик. Потеряв равновесие, я тяжело упал на землю.

От этого звука желтоглазое существо испуганно подпрыгнуло, шипя и обнажая свои кошачьи когти, а затем метнулось в тень. Я рассмеялся, несмотря на свое положение. Меня победил полосатый кот!

Я посмотрел на небо, чувствуя стыд из-за того, что маленький кот так перепугал меня. Мне показалось, что я услышал дребезжание крыши в конце темной улицы, которая дрожала под чьими-то ногами.

Что если Эсбил нашел меня даже здесь? Или я параноик?

Я увидел кучу старых ящиков, доходившую почти до крыши здания. Встав на ноги, я вспомнил фразу, слышанную ранее — удача сопутствует смелым.

Настало время побыть смелым.

Карабкаться вверх по ящикам оказалось легко. Прочная древесина выдерживала мой вес, а пирамидальная форма кучи почти образовала ступеньки. Верхний ящик располагался примерно на три фута ниже края крыши, и вскоре я поднялся из мрачного проулка, глядя на закат.

Здесь свет был еще ярче, чем на улицах. Крыши домов были покрыты какой-то белой плиткой, которая ловила на себя лучи заходящего солнца. Отблески света били мне в глаза, и я прикрыл их рукой, оглядывая сверкающие крыши.

Передо мной простерся почти весь Мемнон. По крайней мере мне больше не приходилось плутать в лабиринте улиц. Я повернулся на запад и решил, что увидел долговязую, похожую на эльфийскую, фигуру в фиолетовом плаще, которая скользнула за дымоход разрушенного здания.

Я крепче сжал свой кинжал и вдохнул. Если Эсбил хочет камень, ему придется драться со мной. Я больше не позволю ему преследовать меня.

Я бросился вслед за призрачным беглецом. Не пробежав и трех улиц, фигура, казалось, скользнула вниз и исчезла. Даже с расстояния я мог видеть строения рынка, лежащие ниже. Толпы людей суетились на улице, и я представил себе, чем жили Врата Бальдура. Мне нужно было спешить, или я потеряю незнакомца среди скопления людей..

Я перепрыгнул последние пять футов, перелетаю с крыши на крышу над переулком. Прямо подо мной пронеслась тележка, торопясь вниз по улице, которая уводила на рыночную площадь. Единственный вопрос заключался в том, как соскочить с крыши вниз так, чтобы никто не обратил на меня внимания. Здесь было почти двадцать футов. Внушительный прыжок. Но в одной из книг Перро я читал, что при падении со стен боевые монахи Шоу Лун использовали для замедления падения свои руки и ноги. После приземления, они кувыркались, чтобы поглотить большую часть импульса. Я мечтал повторить это, когда прочел книгу, и сейчас, кажется, настало отличное время.

Я заправил кинжал за голенище сапога и прыгнул.

Приземлившись, я понял, что читать о движениях и выполнять их оказалось разными вещами.

Хвастаться было нечем, я не смог замедлить свой полет. Я едва заметил удивленные крики людей, идущих внизу. Все, что я видел — был неизбежный конец моего путешествия, грунтовая дорога, летящая мне на встречу.

Но в этот момент прямо передо мной появилась какая-то бледная форма, большое белое полотно, развевающееся на ветру. Оно болталось на бельевой веревке. Неожиданный порыв ветра потащил ткань в сторону, так, что я смог ухватиться за неё. Я не стал противиться этой неожиданной руке помощи — и вцепился в полотно.

Бельевая веревка прогнулась, и ткань растянулась, пока, наконец, булавки, державшие её, не отвалились, заставляя меня пролететь последние пятнадцать футов.

Вместо утрамбованной грунтовой дороги я приземлился прямо в корзину с дынями. Когда я провалился сквозь прутья, дыни взорвались, покрывая все вокруг красным и фиолетовым соком и мякотью.

— Олух! Ты что творишь? — бросился ко мне мужчина, размахивая тыквой, словно палицей. — Вот я тебе задам!

Я выкатился из тележки и полез в карман. Вытащив несколько монет, я бросил их человеку. Этого было недостаточно, чтобы покрыть его убытки, но хоть что-то.

Монеты описали дугу в воздухе, сверкая на солнце и отвлекая человека, вместе с другими наблюдателями, достаточно долго, чтобы я мог развернуться и побежать на дорогу.

Человек все еще продолжал кричать, хотя я уже не мог разобрать слова. Вскоре, к нему присоединился женский голос:

— Он порвал мою любимую простыню!

Я помчался на рынок, проталкиваясь сквозь толпу людей. Впереди меня слышались возгласы и проклятия, даже скрип опрокинутого прилавка. Это был Эсбил. Это должен был быть он. Я не мог позволить ему и дальше убивать людей из-за меня. Я мчался следом, шныряя под ногами у прохожих. Наконец, я увидел фигуру, которая скользнула в переулок, и потому ускорился, чтобы последовать за беглецом.

Но стоило мне шагнуть в тень узкой дорожки, я ощутил озноб, прокатившийся по моему телу.

Удары сердца отдавались в ушах, но я не мог двигаться.

Глава тридцатая

— Не бойся, маленький Мэймун, — сказал голос. Женский голос. Мелодичный и красивый, и совсем не угрожающий. — Я наложила на тебя заклинание сдерживания. Некоторое время ты не сможешь двигаться. Прости, но так было нужно.

Она вышла из тени, и мне потребовалось некоторое время, чтобы разглядеть её. Женщина была полностью скрыта черным халатом, капюшон которого упал, обнажая маску, закрывающую её лицо. Маска представляла собой цельный кусок обсидиана, вырезанный в форме бесчувственного человеческого лица. Она покрывала собой все, даже глаза незнакомки.

Я попытался закричать на неё, сказать ей отпустить меня, но не смог справиться с её чарами.

— Ты знаешь, что за камень ты носишь, Мэймун? — спросила она. — Это артефакт богини Тиморы, носитель удачи. Той душе, что он выбрал, он будет приносить удачу, пока находится под рукой.

И вот я, наконец, узнал ответ, который так давно желал получить от Перро. Какую власть имел надо мной камень. События последних нескольких минут ярко вспыхнули передо мной. Это было удачей, что я нашел развевавшуюся простыню, которая смягчила мое падение. И телега с дынями, которая вовремя встала, где надо — тоже стала для меня счастьем. Куски мозаики встали на свои места, ставя под сомнение все мое путешествие, всю мою жизнь. Мне казалось, что мой собственный выбор привел меня на Морскую Фею. Но что если камень дал мне удачи, чтобы я мог убраться невредимым подальше из города? Если именно он дал мне сил, чтобы сразиться с троллем и спасти корабль? Мог ли я сам, без его помощи, найти свое место в море?

— К несчастью, — сказала женщина, подходя ближе, — удача в этом мире конечна. Счастье одного человека значит беду другого.

Цель женщины стала ясна и я начал со всех сил бороться с её чарами. Ведь мне стала ясна и моя собственная цель.

К лучшему или нет, но камень создал мое прошлое. Он же должен был создать мою будущее. Я не мог позволить ему пропасть. Я никогда не мог позволить ему пропасть. Камень попал ко мне не без причины. Перро доверял мне, надеясь, что я смогу понять эту причину и защитить камень любой ценой. После всего, что он сделал для меня, я не мог предать его доверие. Женщина спокойно начала расстегивать мою рубашку.

— Этот камень выводит удачу из равновесия. Пока она благоволит тебе, страдает кто-то другой. И это неприемлемо.

Моя рубашка была распахнута, и она нежно обвила меня руками, расстегивая застёжку и снимая перевязь. Я чувствовал, как та исчезает, словно моя кожа склеилась с кожей перевязи, словно мое тело вытянулось, пытаюсь удержать её. Но потом все пропало. Там, где был камень, моя грудь заныла, а сердце было пусто.

Женщина засунула камень под свою мантию и отступила назад.

— Камень будет храниться в безопасности от тех, кто пытается использовать его ради собственной выгоды. Ты должен быть свободен от своего бремени.

Когда-то я так мечтал освободиться от камня. Но теперь, когда его забрали, я понял, как был не прав. Это больно.

— Теперь, Мэймун, я применю другое заклинание. Оно погрузит тебя в глубокий сон. Завтра утром ты проснешься обновленным. И я предлагаю тебе начать новую жизнь.

Я не желаю новой жизни, подумал я. Я хочу вернуть камень. Я захотел добраться до кинжала Перро и, на мгновение, мне показалось, что я разрушил заклинание.

Мой голос разорвал тишину.

— Верни... его... назад! — выкрикнул я.

Но женщина начала тихо скандировать, и вскоре я обнаружил, что мысленно следую за её

голосом. Я дрейфовал по реке под успокаивающие звуки, созданные женщиной, и вскоре крепко заснул.

Странная женщина ошиблась. Я не проспал до утра. Я проснулся где-то в ночи, из-за того, что кто-то пинал меня в плечо.

Я нашел себя глядящим на пару кожаных сапог. Из сапог торчали черные шелковые брюки. А еще выше виднелась чистая белая рубашка.

На самом верху скалилось лицо краснокожего эльфа.

— Где он, мальчишка? — выплюнул Эсбил. — Куда ты дел камень?

mir-knigi.org